

★ Александр Шепель ★

МЕСТЬ ПО ЗАКОНУ

роман

Москва
2019

УДК 82-3
ББК 84(2Рос=Рус)6.44
Ш 48

Шепель А.Д.

Ш 48 Месть по закону: роман. – М.: ИПО «У Никитских ворот», 2019. – 000 с.

ISBN 978-5-00095-

Генеральский сын, встав на противозаконный путь, вместе с преступной группой совершили убийство за убийством. От их рук погибли все родные и близкие Максима Кизелского. Оставшись круглым сиротой, он воспитывался в детском доме. Закончив учёбу в милицейском колледже, поступил в институт МВД России, а после его окончания работал в уголовном розыске. Так сложилась судьба, что ему одному удалось найти и задержать всю преступную группу – одного в украинских войсках, ведущих бои в ДНР, троих – в Магадане, а остальных в Москве. При содействии и поддержке Следственного Комитета при Генеральной прокуратуре Российской Федерации ему посчастливилось по-сиротски законно отомстить убийцам и определить их пожизненно туда, где они заслужили находиться.

УДК 82-3
ББК 84(2Рос=Рус)6.44

ISBN 978-5-00095-

© Шепель А.Д., 2019
© Оформление.
ИПО «У Никитских ворот», 2019

След рода Кизелских

Наступило утро пятого июльского дня 2017 года.

Максим Кизелский стоял у широкого окна, обращённого на улицу Тверская города Москвы и прищурив глаза от ярких солнечных лучей, смотрел в сторону Кремля, могилы Неизвестного солдата, скользя взглядом по ярким, отражающим блеск солнца, звёздам и гербам башен Манежной площади. Остановив взгляд на могиле Неизвестного солдата, он долго размышлял, как же привлекает это место каждого человека, потерявшего своего близкого или родного во времена Великой Отечественной войны и получившего извещение, как о без вести пропавшем. «Нет, в том, что это могила именно Неизвестному солдату, сущая правда», – с горячей и уверенной рассудительностью подумал он, а потом нахлынули воспоминания: «Мой дедушка Анисим Лукьянович в своём военном дневнике написал о многих без вести пропавших. Они ведь пропадали в основном при любом артиллерийском налёте и бомбёжке, после разрывов снарядов и авиабомб, во время разведывательных действий в тылу и логове врага, при находже-

нии в плену и жестоких расстрелах, да и многих других случаях. Поэтому государственные деятели и приняли человеческое и нужное решение, дав такое имя могиле. Хорошо, что вспомнил о дневнике дедушки, а в нём сказано и о его отце, о моём прадедушке Лукьяне Савиче, который родился в Приаралье в посёлке Кизеле. И фамилия его, наверное, исходит от названия посёлка. Он тоже вёл свой дневник».

Отойдя от окна, Максим взял упомянутые дневники и семейный фотоальбом, уселся в удобное, мягкое кресло и стал внимательно читать.

Прадедушка начал обильно описывать с древних времён земли Пермского края, где Уральское предгорье, звенящие реки, жаркое лето и суровые зимы.

Жена Максима, Юлия Васильевна, в это время находилась на работе. А работала она компьютерной наборщицей в газете «Петровка, 38» Главного управления МВД России по городу Москве. Дочь Дарья, которой шёл второй год от рождения, была определена в детские ясли.

Максим же кроме дневника использовал другие источники и, читая их, окунулся в самую далёкую древность, в то суровое время – эпоху палеолита. Земли Пермского края уже были заселены людьми. А на рубеже 1-го и 2-го тысячелетия юг находился под властью сначала Волжской Булгарии, а потом и Монголо-татарского ига. Территории постепенно развивались, и в середине XV века на Верхней Каме образовалось коми-пермяцкое средневековое Чердынское княжество, которое находилось под влиянием Великого Московского. В этот период в Прикамье стали действовать русские пираты-ушкуйники, чуть позже которых стали

называть казаками. Ими руководил атаман Ермак Тимофеевич, точную фамилию которого историки не могут установить. Его происхождение в точности также не известно. По одной из версий историков, он был родом из прибрежных мест реки Чусовой, так как обладал знаниями местных рек и ходил на лодках с казаками по рекам Чусовой, Каме и даже достигал Азии по реке Тагил.

*Ермак Тимофеевич, казачий атаман
(1532-6(16) августа 1585 г.)*

Когда же территория пермского края вошла в состав Русского государства, то ею руководил Соликамский воевода, а чуть позже – вошла в Сибирскую губернию (18(29) декабря 1708 г.). Реформы административно-территориального деления были в моде и в то время. При разделе Сибирской губернии на провинции Перм-

ские земли тоже были поделены. Одни вошли в Соликамскую, а другие во Вятскую провинции. После этого ещё несколько раз происходило деление территорий.

В 1781 году Екатерина II, носившая титул «Княгиня Пермская», издала указ, которым образовала самостоятельное Пермское наместничество и разделила его земли на Пермские и Екатеринбургские, но с центром в г. Перми. 18(29) октября 1781 года по этому поводу состоялось торжественное открытие наместничества, которым управляли генерал-губернаторы.

Екатерина Вторая Великая вполне серьёзно взялась за обеспечение устройства наместничества. Видя, что в Перми в 1783 году организовано низшее народное училище «Российская градская Пермская школа», в которой обучал учащихся всего один учитель, она в 1786 году издала свой приказ, который обязывал открыть в Пермском наместничестве народное училище. В исполнение его, 22 сентября (3 октября) 1786 года на базе «Русской градской Пермской школы» было создано «Главное народное училище» со штатом четырёх учителей. Для училища этого здания было недостаточно. По велению её Величества в 1795-97 годах в Перми было возведено двухэтажное с большим куполом и балконом здание, которое и было отдано под училище. Строительство лично контролировал пермский генерал-губернатор Карл Модерах, строилось оно по проекту губернского архитектора П.Т. Васильева. Согласно проекту, нижний этаж здания, выходящий на Дворянскую улицу, был отдан для проживания директора училища и четырёх учителей. В здании, согласно проекту, был актовый зал, во флигеле разместились факультеты – минералогический и физический, а также библиотека, созданная упомянутым генерал-губернатором.

Пермская губерния была разделена на 12 уездов: Екатеринбургский, Верхотурский, Ирбитский, Камышловский, Красноуфимский, Осинский, Оханский, Пермский, Соликамский, Чердынский и Шадринский. Этими уездами руководили 106 участков земских начальников и включали в себя 41 стан, 484 волости, 3180 сельских обществ, 12760 селений с 430 000 крестьянских дворов.

12(23) декабря 1796 года Пермское и Тобольское генерал-губернаторства были разделены на Пермскую и Тобольскую губернии.

Таким образом, земли по обеим склонам Уральских гор с центром в Перми (Пирем), в 1780-1781 годы находились в подчинении, как административно-территориальная единица Русского царства и Российской империи, с 27 декабря 1780-1796 гг. это была территория наместничества Российской империи, с 1796-1923 года – административно-территориальная единица Российской империи, потом Российской Советской Федеративной Социалистической Республики (РСФСР), как Пермская губерния. 3 ноября 1923 года губерния была упразднена, и вся её территория включена в состав Уральской области с центром в Екатеринбурге (Свердловске). Это решение просуществует до 17 января 1934 года.

На момент 1927 года Уральская область состояла из 16 округов, в том числе Пермского, а также Коми-Пермяцкого. Однако в короткое время территориальность видоизменялась по статусу. К концу 1933 года Уральская область состояла из трёх округов, 116 районов, 15 городов, одного рабочего посёлка областного подчинения, 3129 сельских советов, 41 города и 100 рабочих

посёлков районного подчинения. 17 января 1934 года область была упразднена, а её территория разделена на три области: Свердловскую с центром в Свердловске, Челябинскую с центром в Челябинске и Обско-Иртышскую с центром в Тюмени.

Первым секретарём обкома РКП(б)-ВКП(б) в Уральской области с января 1929 по январь 1934 г. был Иван Дмитриевич Кабаков, а председателями Уральского облисполкома: с апреля 1929 г. по ноябрь 1933 г. – Михаил Константинович Ошвинцев, а с ноября 1933 г. по день ликвидации области (январь 1934 г.) – Василий Фёдорович Головин.

После упразднения Уральской области Пермская оказалась в составе Свердловской области с центром в Екатеринбурге. Такие изменения в административной территориальности крайне возмущали население, принося всякого рода неудобства и порождали массу обращений в руководящие органы страны, а те, анализируя их, размышляли над тем, как экономически правильно и выгодно решить эту наболевшую проблему.

Центр этой области основан в 1723 году, когда начал действовать Казённый металлургический завод, что на реке Исеть. Ранее она входила в состав Сибирской губернии, а после в Зауральскую область Пермской губернии. Как область РСФСР, образовалась 17 января 1934 года, когда произошёл раздел Уральской области. Её название «Свердловская» появилось вместе с образованием области, то есть 17 января 1934 года. По землям области текут реки – Обь, Исеть, Тавда, тура, Кама, Чусовая, Уфа. Здесь же находятся крупные озёра: Пелымский Туман, Вагильский Туман, Исетское и Таватуй. 82,3% территории области украшают хвойные

и смешанные леса, где радуют своей красотой – сосны, ели, кедры, берёзы и осины.

Археологами найдены на территории области следы древнего человека, которые датируются от палеолита до железного века. На правом берегу Сосьвы возле посёлка Гари найдена Гаринская стоянка древнего обитателя, а также в гротах Шайтанском и Безымянном. В результате административных реформ Российской империи, проходивших в 1780 и 1796 годах на этой территории были образованы Екатеринбургский, Верхотурский, Красноуфимский, Ирбитский и Камышловский уезды Пермской губернии, а также Туринский уезд Тобольской губернии.

Наступил момент, и пришла очередь к самостоятельности и Пермской области. 3 октября 1938 года указом Президиума Верховного Совета СССР из части западных районов Свердловской области была выделена ранее присоединённая Пермская область. Этим же указом она вновь образована. 31 мая 1939 года Верховный Совет Союза ССР утвердил созданную Пермскую область с центром в Перми. Областью в то время (с октября 1938 г. по ноябрь 1939 г.) руководил Николай Иванович Гусаров – председатель оргбюро ЦК ВКП(б) по Пермской области, а после он стал (по апрель 1946 г.) первым секретарём обкома партии Пермской области и продолжал занимать эту должность после преобразования Пермской в Молотовскую область. Произошло это 8 марта 1940 года, и такое название области сохранилось до 2 октября 1957 года.

Рельеф Пермской области сформировался около 250 миллионов лет назад при образовании Уральских гор, а также при последующем накоплении осадочных

пород. Низменный и равнинный рельеф преобладает в западной части области, расположенной на восточной окраине Русской равнины (около 85% территории). Ближе к Уральским горам рельеф имеет горный характер – среднегорный (Северный Урал) и низкогорный (Средний Урал), граница между которыми проходит по подножию горы Ослянка.

Зима в Пермской области снежная и продолжительная, с январскими морозами -19°C и с летней жарой иногда до $+42^{\circ}\text{C}$.

Зима в Пермском крае

В нынешнем Пермском крае более высокие горы расположены на его северной части: Тулымский камень (1496 м), Молебный камень (1274 м), Ишерим (1331 м), Мартай (1132 м) и Средний Басег (993 м), что находится в хребте Басеги среди гор Среднего Урала.

Леса по всей территории края покрывают 71% земли.

В основном это разные породы деревьев – ель, пихта, изредка берёзы, сосны, осины.

В крае насчитывается 62 вида млекопитающих, более 270 видов пернатых, 6 видов пресмыкающихся и 39 видов рыб.

Леса в Пермском крае

Вся территория края испещрена большими и малыми реками, общей длиной свыше 90 тысяч километров. Все они относятся к бассейну реки Камы, крупнейшего левого притока Волги.

Река Кама, длина которой составляет 2039 км, и её приток – Чусовая, длиной 735 км, – являются самыми большими реками в крае. Большими признаны и другие: Сылва – 493 км, Вишера – 450 км, Колва – 460 км, Яйва – 304 км, Косьва – 283 км, Коса – 267 км, Весляна – 266 км, Иньва – 257 км и Обва – 247 км. Подавляющее число рек в крае составляют реки длиной менее 100 км. На реке Егошиха и был основан город Пермь.

Край богат разнообразными полезными ископаемыми – добычей золота, алмазов, минеральных солей, хромитовых руд, бурых железняков, торфа, известняка, а также нефти и углеводородного сырья. Наиболее осво-

енные месторождения: Полазненское, Краснокамское, Куединское, Осинское и Чернушинское. Более слабые в Соликамске и Березниках из-за глубокой залежи нефти под соляными пластами. В Кизеловском каменноугольном бассейне ведётся добыча каменного угля. В Верхнекамске добываются калийные соли, и это месторождение является крупнейшим в мире. Но не только каменные соли, но и хлористые соли натрия, калия, толщина соленосных слоёв составляет около 514 метров. Сарановское месторождение богато залежами железа и меди.

Средний Урал зарекомендовал себя месторождениями золота, а Красновишерский район – добычей алмазов. Месторождение алмазов было найдено и в Горнозаводском районе в бассейне реки Койва, именно здесь был найден первый в России алмаз. В крае также имеются месторождения мрамора, селенита, уваровита; добываются различные минералы, которые используются в красителях: Волконскоит, Сурик, Охра, а также добываются: извешняк, доломит, гипс и ангидрит, керамзитовые глины и т.д.

Одним из экономически развитых регионов сегодняшней России является Пермский край. Развитие его берёт начало из далёкого прошлого, постоянно и по сей момент развиваясь. Ключевыми отраслями сегодняшней промышленности являются: нефтяная, химическая и нефтехимическая, металлургия (чёрная и цветная), машиностроение, лесопромышленный комплекс и пищевая промышленность. Действуют в широком масштабе: железные дороги, судоходство, пароходство и «Пермские авиалинии». Экономическому росту развития препятствует недостаточность автомобильных дорог в ряде районов, а в некоторых и вообще их отсут-

ствие (на севере края), над чем, как руководство края, так и страны, в настоящее время усиленно работают.

Предуралье и западные склоны Среднего и Северного Урала на 99,8% находятся в европейской части и только на 0,2% в азиатской.

7 октября 2003 года Пермская область и Коми-Пермяцкий автономный округ провели референдум, по итогам которого с 1 декабря 2005 года образовали новый субъект – Пермский край. Это объединение области и округа подтверждено Федеральным Конституционным законом от 25 марта 2004 года за № 1-ФЗК «Об образовании в составе Российской Федерации нового субъекта РФ в результате объединения Пермской области и Пермского автономного округа». В результате этого пермяки получили непосредственный выход к Баренцеву и Карскому морям, расположенными с севера. С запада край граничит с Удмуртией Кировской области, с востока – со Свердловской, а с юга – с Башкортостаном.

В западных предгорьях Среднего Урала, на реке Кизел, притоке реки Вильвы, бассейна реки Яйвы, в 244 км от Перми расположен город Кизел, в котором и родился 20 февраля 1911 года в семье рабочего – Анисим Лукьянович Кизелский, продолжатель рода Кизелских.

О прадедушке, Лукьяне Савиче Кизелском, в дневнике ничего подробно отражено не было, за исключением его имени, отчества и фамилии, а также то, что он работал на шахте 1-й Капитальной, немного о самом крае и участии в 1-й Мировой войне.

Поселение Кизел возникло в 1750 году в результате открытия по рекам Кизел и Малый Кизел залежей железной руды. Началась разработка месторождений,

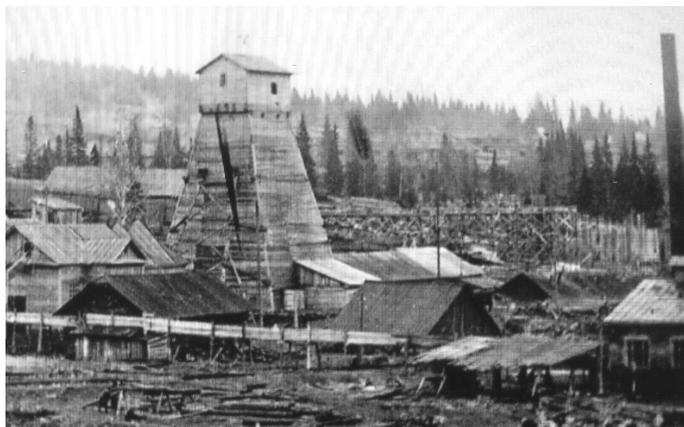

г. Кизел

и уже в 1762 году стал функционировать первый рудник. Население резко увеличилось, и рабочая сила возросла. Разработки и подземная разведка действовали, что привело в 1786 году к открытию месторождения угля. Началось строительство плотины через реку Кизел, которое было закончено и сдано в эксплуатацию

3 июля 1788 года. Одновременно строился Кизеловский завод, который был пущен в 1789 году. Готовилась к запуску и штольня Запрудная. Добыча угля началось в 1797 году и сразу же стал входить в эксплуатацию Кизеловский угольный бассейн. В 1856 году начала действовать крупная Старо-Коршуновская копь. Число шахтёров и рабочих увеличивалось, создавались условия для их жизни и работы. Строились жилые дома, бараки и другие здания, строились железнодорожные пути. В 1874 году прошёл первый поезд по железнодорожной линии Чусовая-Соликамск, и это послужило дальнейшему развитию угледобычи. Кизеловский уголь стали использовать на железной дороге и промышленные предприятия. С каждым годом добыча угля увеличивалась. К 1880 году она составила 5,3 млн пудов, а к 1900 г. – 21,1 млн. В результате развития угледобычи в Прикамье, Урал стал занимать третье место в Российской империи. Посёлок Кизел в 1897 году со всеми прилегающими к нему территориями входил в состав Кизеловской волости Соликамского уезда Пермской губернии. Численность жителей составляла 4400 человек. В основном они работали на шахтах. К 1900 году в Кизеловском бассейне функционировало 36 шахт и штолен. Крупными углепромышленниками-владельцами в то время были Абамелик-Лазаревы, представители армянского княжеского рода на территории России и Грузии. Отставному генерал-майору Семёну Давидовичу Абамелику, женатому на дочери Христофора Екимовича Лазарева, после смерти которого в 1873 году было разрешено, в связи с пресечением славного рода Лазаревых, принять фамилию тестя и именоваться потомственно князем Абамелик-Лазаревым, что он и сделал.

Спустя четыре года (7.12.1887), определением Правительствующего Сената, утверждён в княжеском достоинстве со внесением в V часть Книги Родословной, Семён Семёнович Абамелик-Лазарев – коллежский секретарь в звании камер-юнкера. В этой Книге значились Семён Иванович Абамелик (род. 1743 г.), Иван Семёнович (1768 – 1828 гг., Санкт-Петербург) – генерал-майор артиллерии, Захар Семёнович (род. 1770 г.) – надворный советник, Елена Семёновна (1770 – 1836) и Давид Семёнович (1774 – 1833) – генерал-майор.

*Шахта 1-я Капитальная им. Ленина,
1930 г.*

Принадлежащие им Кизеловские копи, значительно отличались от других своим оснащением: техническим уровнем, электрификацией и частичной механизацией. Лишь в 1898 году во всех лазаревских шахтах спуск, подъём и водоотлив стали осуществляться при помощи электричества, а уже в 1908 году начали применяться электровозы.

Рабочий посёлок Кизел продолжал расти и развиваться. При советской власти он стал активным поставщиком угля. 5 апреля 1926 года Президиум ВЦИК своим постановлением Кизел преобразовал из рабочего посёлка в город, и он стал ещё активнее развиваться, как центр промышленного района, особенно в 1930-1950-е годы. Metallургические предприятия стали получать из кизеловских шахт каменный уголь, после его обогащения. Им же пользовались промышленные предприятия и коммунальные хозяйства Пермской области и соседние с областью территории. В этот же период состоялся бурный приток населения, связанный с увеличением добычи угля, а также в связи с ростом числа отбывающих наказание в учреждениях системы ГУЛАГа. Уже в январе 1953 года в Кизеловском исправительно-трудовом лагере (ИТЛ) содержалось около 23 тысяч заключённых. Это число в 1959 году сократилось до 13,8 тысяч. Но труд заключённых в добыче угля не применялся, на шахтах работали жители ближайших районов, освободившихся из ИТЛ после отбытия наказания и «спецпоселенцы», которых в 1953 году было 4 тысячи человек.

В 1960 году добыча угля достигла до 12 млн тонн, а в последующие годы начала сокращаться. В 1980 году было добыто всего 3,23 млн тонн. Этому послужила высокая себестоимость угля из-за осложнившихся горно-геологических условий. Кроме этого, разработки месторождений открытым способом из-за большой глубины залежей стали невозможными. Численность населения неумолимо сокращалась. В 1990-х годах трест «Кизелуголь» был ликвидирован, а добыча угля прекращена в 2000 году. После этого в Кизеле продол-

жались работы над перспективами разработки добычи других полезных ископаемых. В связи с такой ситуацией число жителей города резко сокращается. Самое высокое число проживавших в городе было 60 687 человек в 1959 году, а после наметился спад. Спустя тридцать лет, в 1989 году, их уже стало 36 746 человек, в 2007 г. – 21 600 человек, а в 2017 г. – 15 572 человека.

Свято Троицкий Храм (1860-1931 гг.)

В городе и его окрестностях находятся достопримечательности, которые создают возможность создания туристического кластера. Это Кизеловская и Медвежья пещеры, гора Осланка, Свято-Троицкий Храм, контора Кизеловского горного округа князей Абамелик-Лазаревых, построенная в 1898 году. В этом здании Д.И. Мен-

делеев выступал перед мастерами, рассказывая о подземных пожарах. Здесь в 1910 году была первая школа посёлка, а в настоящее время располагается центральное почтовое отделение.

В связи с дореволюционными и послереволюционными событиями в стране, прадед Л.С. Кизелский добровольцем участвовал в боях во время 1-й Мировой войны и в Гражданскую. Участвуя в освобождении Киева 12 июня 1920 года от противостоящих войск П.П. Скоропадского, С.В. Петлюры и других, был в бою ранен. В своём дневнике он кратко описывает жестокость боёв с неприятелем, Максим обратил внимание на слова, подчёркнутые двумя линиями: «Для врага мы поставщики смерти». Такие же слова Максим встретил и в дневнике дедушки Анисима.

Красная Армия установила в Киеве Советскую власть. После лечения в госпитале он из Кизела перевёз семью в Киев. Об этом знал из рассказов отца. После переезда Анисим Лукьянович стал учиться в украинской школе.

После ранения Лукьян Савич часто болел, лечение не помогало, и в 1930 году он умер. Его супруга – Ольга Ивановна умерла в 1921 году в Кизеле, а дети: Анисим и Клавдия находились у его младшей сестры Глафиры до самого переезда в Киев. С ними в этот город переехала и она. Глафира Савична полностью заменила Анисиму и Клавдии мать, а те очень ценили это.

Из-за войн, полученного ранения и болезни Л.С. Кизелский не успел в своём дневнике оставить полностью след своего рода, а что успел, то осталось в памяти родных и близких.

Отложив дневники в сторону, Максим задумался. Его не покидало выражение в прадедовском и повторение в дедовском дневниках «...поставщики смерти...». Он ещё раз прочитал об участии деда Анисима в боях с фашистами, кратко описанных в его дневнике, и понял, что он назвал себя и бойцов этими словами как народными мстителями. Было похоже, что и прадед хотел описать в этом смысле борьбу бойцов Российской империи, а потом и советских с австро-венгерскими в Первой Мировой войне, поэтому и отразил такое выражение.

Война

Максим отложил в сторону дневник прадедушки и остальные источники Лукьяна Савича и принялся читать дневник дедушки Анисима Лукьяновича. В нём он описывал своё детство, школьные годы, юность, опалённую Гражданской войной, участие в Великой Отечественной войне, встречу своей половины, семейную жизнь Анны Ивановны, их женитьбу в 1947 году и рождение их сына и отца Максима – Лазаря Анисимовича в 1953 году. Для подробного «изучения» Максим остановился на чтении эпизодов военных действий партизанского полка, в котором добровольцем служил дед. Его в начале войны военкомат не призывал на военную службу из-за того, что являлся работником НКВД, но он добился и стал в ряды защитников Киева от натиска германских войск.

Оборону Киева готовил командующий – сначала Киевским Особым военным округом, а затем войсками Юго-Западного фронта генерал-полковник М.П. Кирпонос, совместно с членом военного совета М.П. Бурмистенко и начальником штаба фронта, генерал-майором

ром В.И. Тупиковым. Активно и усердно устраивались оборонительные сооружения. В этом принимали непосредственное участие не только военные, но и организации, предприятия, учреждения, да и всё население города. В это время Анисиму Лукьяновичу военкомат всё ещё отказывал в призыве, так как работники НКВД не оставались в бездействии и в своей непосредственной деятельности работы хватало. Немало фактов имело место во враждебных вылазках групп, действующих в тылу в пользу германских войск.

Немецкие войска, как было видно из дневника, к 10 июля 1941 года с трёх сторон яростно бросились на Тернополь, Винницу и Житомир. Захватив эти города, они получили прямую и открытую дорогу в столицу Украины – Киев. 21 германская дивизия и 1-я танковая группа к 11 июля 1941 года приблизились к первой линии обороны Киева. Не только в их тылу, но и на пути оказался тысячный 2-й партизанский полк под командованием В.И. Щедрина, который состоял в большей степени из работников НКВД и партийно-советского актива города. К этому времени Анисим Лукьянович находился в звании старшего лейтенанта и был направлен военкоматом в этот полк для прохождения дальнейшей военной службы. Этому способствовало принятие 18 июля 1941 года Постановления ЦК ВКП(б) «Об организации борьбы в тылу немецких войск» и проведенные беседы между В.И. Щедриным и вторым секретарём ЦК ВКП(б) Украины М.А. Бурмистенко. В полку насчитывалось 1190 солдат и офицеров. Зона действия полка была обозначена: Киевщина, Черкащина, Городищенские леса и Корсунь, а по возможности и западные области.

– Необходимо создать германскому коршуну такие условия, чтобы он воевал и спереди, и сзади. Тыл рушить основательно, лишив источника горючего для войск противника. Это будет чувствительная помощь Красной Армии, противостоящей немцам, румынам и другим союзникам Германии, – сказал В.И. Щедрин в беседе с В.И. Бурмистенко, ставя перед ним задачу полка.

Анисим Кизелский был назначен командиром взвода, в который входили совершенно неподготовленные бойцы из числа бывших партийно-советских работников и небольшого количества рядовых граждан.

Когда поротно сформированный в Киеве полк Щедрина выходил в лес, и получается находился в тылу врага, разведчики доложили, что между Ворзелем, Загальцами и Песковкой в сторону Радомышля расположились тыловые части немцев, венгров и румын, снабжающих танковую группу Клейста горючим. Там же стояли цистерны и бензовозы. Немецкие солдаты были вооружены винтовками, автоматами, имелось у них несколько пулемётов, лёгких миномётов и несколько бронетранспортёров. В населённых пунктах хозяйничали по триста солдат. А передовые части взяли направление на Умань и Черкассы.

В сторону Иванкова и Дымера, что вверх по Днепру в направлении Фастова и Обухова, как сообщили разведчики, скопились большие силы немцев, и они нацелены на Киев.

Проанализировав обстановку, В.И. Щедрин обсудил её с офицерским составом и принял решение двинуться полком в сторону Радомышля.

Возле Песковки оказалась вражеская засада, открывшая ураганный огонь по полку. Пришлось залечь. Командир, послав две роты по обеим сторонам засады, сам с остальными силами полка ударил в лобовую и смял засаду. В этом бою погибли десять бойцов, которых наспех похоронили и двинулись дальше. На своём пути они обнаружили заправочную вражескую базу, обеспечивавшую жизнеспособность техники. Румынское подразделение в количестве пятидесяти человек, охранявшее её, было уничтожено вместе с цистернами и находящейся там техникой. Вблизи находился посёлок, в котором размещался немецкий батальон из двухсот человек. Одним броском полка он был полностью уничтожен.

Немецкие части начали преследовать полк, нанося удары со всех сторон. Потери резко увеличились. Создалась такая обстановка, что не успевали хоронить погибших, продолжая без передышки уходить от преследования.

Дорогу Киев – Житомир, заполненную вражеской техникой, полк преодолел, не останавливаясь. Внезапность помогла ему уничтожить на ней множество автомашин с солдатами, мотоциклов, тягачей с пушками и легковушек, после чего движение продолжилось. Однако число преследователей с каждым часом увеличивалось. Полк вынужден был постоянно вступать в бой. Приходилось для прикрытия отхода оставлять взводы бойцов, которые стояли насмерть, что позволяло хоть на короткое время оторваться от преследований.

Подойдя к городу Корнину, полк перешёл по мосту реку Ирпень, а потом взорвал мост. Венгерское подразделение не стало вступать в бой и пустилось в бегство, оставив Корнин.

На следующие сутки, подойдя к железной дороге, полк пустил под откос состав с живой силой и техникой противника.

На борьбу с нашим полком германским командованием с фронта была снята мотострелковая дивизия. Это намного осложнило обстановку. С тяжёлыми боями и огромными потерями полк пробился в Каневские леса, где сутки мог передохнуть. От полка осталась лишь половина его прежнего состава.

Заметая следы, полк двинулся в Корсунские леса, но вновь его обнаружили немцы. Пришлось вступить в затяжной бой. Ряды бойцов редели. Полк начал отступать глубже в лес, форсировал речку Рось и, взорвав переправу, приблизился к Городищу, где пустил под откос железнодорожный эшелон с танками и пушками.

Немцы начали попытку окружения, но щедринцы с тяжёлыми боями и большими потерями вырвались и через Черкасские леса ушли в Ирдынские болота, где и укрылись.

В.И. Щедрин, видя, что в полку осталось только несколько взводов, стал размышлять, как пополнить живой силой полк. Пригласил к себе в шалаш Анисима Кизелского, взвод которого был уже хорошо обучен практической борьбе с врагом.

– Вот что, старший лейтенант... Здесь на болотах зимовать будет трудно. В Мошногорах расположился партизанский батальон Феодосия Савченко... нам же надо подыскать удобную и безопасную зимовку. Эту работу я поручаю тебе. Сколько у тебя во взводе бойцов? – спросил он, указывая на ящик из-под патрон, предлагая ему присесть.

Тот присел и ответил:

– Двадцать четыре. Шесть бойцов погибли по этой длинной и кровавой дороге.

– Значит я пополнию твой взвод шестью бойцами, а можешь и сам выбрать тех, кто тебе подойдёт... и завтра на утренней зорьке выходите. Радист тоже пойдёт с вами. Теперь о направлении, – Щедрин достал карту, развернул.

Достал карту и Анисим. Внимательно и быстро сориентировавшись по ним, Щедрин продолжил:

– Вот мы находимся здесь... Вы по левой стороне Мошногор двинетесь в сторону села Мошны, но в него не заходите. Дойдя до реки Ольшанки, которая впадает в Днепр, идите в сторону леса Лозивок и опять же в село не заходите, огибаете его стороной и тут же ищите плавание. Переплываете через Днепр на левую сторону и там подыскиваете подходящее для нас всех место. Найдёте, сразу же сообщайте. Там мы немного приведём себя в порядок, тихонько посетим сёла, пополним полк новобранцами и снова приступим к действию. Надо торопиться, чтобы успеть до трескучих морозов. После их наступления преодолевать Днепр будет трудно. Его ширина здесь, наверное, – и он указал пальцем место на карте, – метров двести, а может, и больше. Если с рацией что случится... посылай бойца ко мне с итогом выполнения задания. По пути старайся в бой не вступать. Движение взвода должно быть тихим и спокойным. А мы здесь займёмся добычей продуктов и зимней одежды, да и обуви тоже. Вопросы есть?

– Так точно!

– Слушаю.

– Радист шестым будет?

– Да. Иди, готовься. Он к тебе сам придёт. А остальных пять подбери сам. Ещё есть вопросы?

– Никак нет, товарищ командир.

– Тогда ступай и займись подготовкой к выходу. Удачи тебе, старший лейтенант.

– Спасибо! – козырнул Анисим и ушёл выполнять указание командира.

Взвод быстро подготовился к выходу и на утренней зорьке взял направление на село Мошны. Впереди взвода пробирались два разведчика.

Небольшой холодок уже давал о себе знать, приближение зимы и радовало, и огорчало, но природа ставит свои правила, и надо из этого исходить.

Двадцать восемь бойцов с командиром взвода в ста метрах шли цепочкой следом за разведчиками. Анисим чувствовал учащённое дыхание радиста в свой затылок. Всё шло благополучно, но каждый боец находился в напряженном состоянии и готов был вступить в бой в любую минуту.

Партизаны подходили к реке Ольшанка. По другую сторону чернели хаты. Вдоль берега росли местами камыши, а в большей степени кустарники шелюги и лозы. Приближаясь к дороге, ведущей из Мошен, через мост над рекой Ольшанкой, в Черкасы мимо подножья Мошенских гор, густо поросших лесом из разных пород деревьев, взвод насторожился и замедлил ход. Стояла тишина. Разведчики перешли дорогу и удалились почти на то же расстояние. Взвод быстро преодолел дорогу и прошёл вдоль кустарников метров пятьдесят, как вдруг послышался хриплый, резкий, мужской, повелительный голос:

– Стой! Кто идёт?

Анисим присел, и за ним последовали остальные. Не долго думая, командир тихо ответил:

– Свои!

– Свои, это чьи? – слышалось из густого куста. – Один к нам, а остальные на месте, – тут же прозвучала команда, похожая на военную.

Анисим левой рукой вынул из кобуры пистолет, а в другую взял гранату, поднялся и двинулся к кусту, дав сигнал остальным находиться на месте.

Ему навстречу в телогрейках и кирзовых сапогах вышли двое мужчин лет под шестьдесят, в руках – винтовки с опущенными прикладами.

– Кто вы такие? – спросил Анисим, глядя в их небритые лица. От них исходил запах самогона.

Бойцы, присев, держали их на прицеле.

Который повыше ростом, пристально вглядывался в лицо Анисима, как будто пытаясь узнать в нём знакомого.

Небо к этому времени посерело, уже можно было вблизи разглядеть лицо человека.

– Мы... немецкая охрана, – ответил тот и сразу спросил: – А вы кто? Полицаи или партизаны?

– Партизаны, – коротко, как выстрел, ответил Анисим и сразу задал вопрос: – Ваши действия?

Высокий скользнул взглядом по пистолету и гранате в руках Анисима, а затем бросил взгляд на присевших партизан и остановил его на бойце с рацией, поняв, что полицаи так ходить не будут. Лицо его расплылось в добродушной улыбке.

– Мы вас не видели, и ночь прошла без всяких «ЧП». Так и доложим старосте и начальнику полиции, – ответил высокий.

– Так вы полицаи? Как зовут-то вас?

– Я – Нечипор, а он Алёша... И не полицаи мы вовсе. Их в селе немного, не в состоянии они обеспечить требования немцев. Поэтому нас, сельских мужиков, поочерёдно заставляют сидеть вот в таких засадах, как сейчас... и если кто из нас пропустит в село партизан, то сразу расстрел. Мы вас заметили... хотя, точнее будет сказать, ваши силуэты, когда вы не пошли через мост в село, а перешли дорогу и направились вдоль реки к нам. И тогда нас посетила мысль, что вы партизаны. Но закрались и сомнения, так как полицаи нас, сельских мужиков, проверяют часто разными методами и уловками.

– Немцев много в селе?

Нечипор брезгливо скривил лицо:

– Этой нечисти... человек триста. Да ещё рота карателей... Один танк, три бронемшины и пять пушек, из которых немцы частенько долбанят по Мошногорам, особенно тогда, когда вы где-либо напомните о себе... Не хочу и не буду спрашивать, куда вы направляетесь, но, может, чем-то можем помочь вам?

Анисим задумался. Говорить, куда и зачем они идут, он не собирался, а вот вспомнив о плавсредстве, решил поинтересоваться этим вопросом.

– Здесь поблизости где-либо есть лодки?

Нечипор, положив винтовку на землю и как-то молитвенно сложив руки, стал размышлять. Потом, глянув в глаза Анисима, протянул руку в сторону присевших партизан.

– Вас много. В нашу лодку все не поместится... Ну... человек десять можно... А вам плыть на ту сторону или...

– В сторону Днепра, – пояснил Анисим.

– Ага! Понятно... Тогда вот что... Можете взять нашу, а мы скажем, что ночью течением унесло, а остальные есть в районе Лозивка... в конце села. Там увидите лодки, похожие на баркасы, вместимостью по пятнадцать человек... Есть двухвесловые, а есть и четырёх.

– Спасибо, Нечипор... и тебе спасибо, Алёша, – Анисим протянул и пожал руку первому, потом второму и спросил: – Так мы возьмём вашу?! Оставим её возле тех лодок, будто бы её течением пришвартовало... А вашу берём на всякий случай... вдруг там лодок не будет. Пойдём, ребята, пойдём дорогие.

– Постойте, командир! – встрепенулся Нечипор вдогонку. – У нас есть немного продуктов... сало, хлеб, варёные яйца, луковица, несколько солёных огурцов и полбутылки самогона... возьмите... пригодится. Мы же с рассветом вернёмся домой, там и перекусим.

– Спасибо вам большое, – сказал тот и ещё раз пожал руки обоим.

Алёша продолжал стоять с философским спокойствием на лице и добродушной улыбкой.

– Он немой. Всё, что ему говоришь, – понимает, а сказать ничего не может, – пояснил Нечипор.

Анисим подошёл к нему, приложил свой палец к своим губам и, покачав головой, обнял его.

Алёша, улыбаясь, начал часто-часто кивать головой, давая понять, что никому ничего не будет пытаться даже намекать на эту встречу. Анисим тепло обнял Нечипора, простившись с ними, повёл своих бойцов в сторону села Лозивок.

Спустившись по уклону к речке, Анисим и следовавшие за ним партизаны увидели большую лодку. В неё вместились десять человек. Анисим назначил стар-

шим сержанта Чеберяка, детально проинструктировав его. И они отплыли. Лодка удалялась по течению быстро и вскоре её силуэт вообще исчез в раннеутренних сумерках. С остальными Анисим собрался уходить.

Подошли к устью реки Ольшанки, там стояли две огромные лодки...

Утро уже входило в свои права, наполняя всё светом и дыханием нового дня. Что он несёт?

Старший лейтенант приказал всем сесть в лодки, проплыть вдоль берега Днепра от устья реки Ольшанки метров на сто и затаиться в зарослях, а ночью преодолеть Днепр. Так и сделали. Днище одной из лодок немного протекало, и постоянно приходилось вычерпывать воду. День казался годом. Где-то к середине дня по Днепру проплыл немецкий катер, но партизаны не были замечены. Анисим за этот день набросал себе план действий на левом берегу, познакомился с шестью бойцами, пополнившими его взвод и, видя сильное течение Днепра, проинструктировал бойцов, как надо плыть, препятствуя сносу лодок течением. Наступил вечер. Дождавшись полной темноты, они приступили к форсированию. С лихорадочной поспешностью гребцы работали вёслами и, с большими усилиями преодолев реку и спрятав лодки в густых зарослях камышей, Анисим через радиста доложил В.И. Щедрину о том, что взвод находится на левом берегу и приступает к выполнению задания. После этого, найдя временное пристанище, командир послал в разведку в три направления по два бойца: вглубь и в обе стороны вдоль реки, которые должны удаляться не дальше трёх километров. С остальными он занялся поиском более удобного места пребывания. На утренней зорьке разведчики ушли по своим направ-

лениям, а Анисим Лукьянович занялся выполнением остального плана. Место пребывания он выбрал спустя час. В лесу и среди кустарников был обнаружен старый блиндаж, заросший высоким бурьяном и кустами, возможно, даже используемый в годы Гражданской войны. Он был расчищен, приведён в надлежащий вид, рядом обнаружили следы и других подобных блиндажей, которых также привели в порядок.

Незаметно, за важными делами, и день прошёл, вот уж солнце клонилось к закату. Где-то вдалеке на правом берегу слышались частые выстрелы и пулемётные очереди. Это продолжалось около получаса.

«Идёт бой... Интересно с кем? С нашими или с партизанами Феодосия Савченко?» – мысленно спросил себя командир, а вслух в присутствии рядом сидевших и отдыхающих от работы бойцов произнёс:

– Бесноватый враг стал от активности партизанской.

В этот момент слышались шаги со стороны Левобережья и через минуту сержант Чеберяк и его напарник доложили о результатах разведки в сёлах Домантово и Панское, а также о просёлочной дороге, по которой со стороны Лепляво в сторону Золотоноши часто проносятся немецкая техника.

Когда уже окончательно стемнело, вернулись остальные разведчики с обеих сторон. Младший сержант Кочнев доложил, что в обследованных вниз по течению Днепра местах густые леса разных пород деревьев и кустарников, а сержант Сомов сообщил, что в двух километрах вверх по течению реки впадает речка шириной где-то в двадцать метров, мест переправы через которую не нашли. В этом направлении земля покрыта мелкими лесопосадками и кустарником.

Проанализировав полученные сведения, командир пришёл к выводу, что место, которое они оборудовали и назвали временным, подходит для переправы полка и его размещения. Он сразу же приказал радисту установить связь с полком. Тот тут же приступил к вызову. Однако ответа не последовало.

– Продолжай дальше, – приказал командир радисту.

Проходили часы, но ответа так и не было. Ближе к полуночи рация заработала. Вызов шёл из полка, и радист с лихорадочной поспешностью ответил, записывая карандашом в блокнот, а когда закончил, радист на полуслове прекратил передачу, как будто что-то произошло, и протянул записанное командиру.

Тот прочитал, и губы его задрожали. В.И. Щедрин был тяжело ранен, погибло в бою много бойцов, и он приказывал старшему лейтенанту Кизелскому со взводом не возвращаться, а пробиваться в сторону Москвы для соединения с войсками Советской Армии. Несколько групп уже ушло через приднепровское село Свидивок на левый берег реки, и они будут стремиться туда же.

Кизелский вскочил, из горла вырвался рык тигра, готового к прыжку. В груди бешено заколотилось сердце, в ушах зашумело, в висках застучала кровь. Взыгненная энергия переполнила его тело, мозг заработал как счётная машина. Однако на возникшей в голове картинке пути продвижения взвода к своим воинским частям он ничего положительного не увидел. Анисим понял, что продвижение его взвода по оккупированной врагом территории будет похожим на ходьбу слепого, не знающего и не видящего, что у него впереди и по сторонам тоже.

Бойцы смотрели на него, терпеливо ожидая, что скажет командир, прочитавший радиogramму командира полка, но, увидев его состояние, – заволновались, кое-кто продолжал мучиться в тревожном ожидании. Старший лейтенант быстро совладал с собой, привёл свои чувства в надлежащий порядок, поняв, что сеять панику он не имеет права и не должен, снял фуражку, пригладил на голове тёмно-русые волосы и, окинув взглядом бойцов, произнёс:

– Товарищи солдаты и сержанты... На правом берегу произошёл тяжёлый бой нашего полка с врагом. Многие бойцы погибли, а командир полка серьёзно ранен. Поступил его приказ нашему взводу... не возвращаться на Правобережье, а пробираться вперёд... к Москве... для встречи с войсками Советской Армии. Некоторые группы полка уже ушли в этом направлении, а незначительная часть влилась в партизанский батальон. Одним словом... полк перестал существовать. Мы выполним приказ. Сутки всем на подготовку и двинемся в путь. Сейчас всем отдыхать, а помкомвзвода сержанту Сомову подойти ко мне.

Все разошлись с тяжёлым чувством на душе.

Сержант Сомов подошёл к командиру.

– На утренней зорьке с тремя бойцами посетите самое ближнее село. Для начала надо узнать путь самого надёжного и безопасного продвижения в сторону Брянских лесов, – сказал ему командир. – Кроме этого... надо раздобыть продукты питания и теплую одежду. Некоторые бойцы одеты плохо, а морозы уже нагрянут вот-вот. Одним словом, добыть всё, что необходимо... включая спички, топор, небольшую пилу... что-либо от простуды.

– Всё понял, товарищ старший лейтенант. Будет исполнено. А можно я ещё пару бойцов возьму, они не будут входить в село, а будут нас ожидать возле него... Помогут нести, если наш визит окажется удачным, – сказал сержант.

– Конечно, возьми двоих или троих. Но будьте внимательны и осторожны. В село сначала пусть войдёт один, а уж только после остальные, кроме троих ожидающих... Надеюсь, всё пройдёт благополучно. Всё... Свободен. Готовься.

Сержант вскинул правую руку к виску и вышел. У него всё получилось удачно и на высоком уровне – возвратился в расположение с продуктами питания, тёплой одеждой, обувью и всем остальным необходимым. Командир был доволен. Весь день бойцы отдыхали, выполняя приказ командира: днём здесь, ночью на осторожном марше.

Как только стемнело, взвод начал движение. Дорогу перебежали в одно мгновение, воспользовавшись отсутствием транспорта. Дальше продолжили путь между Гельмязовым и Великим Хутором, оставив Драбов с правой стороны, и за ночь миновали село Шрамковка. Ближе к утру прошли мимо села Берёзовая и приблизились к Яблоновке. Там в небольшой лесополосе затаились, и весь день, уставшие от ночного перехода, спали. К вечеру быстро поужинали сухим пайком и двинулись в путь. Миновав Прилуки, переправившись через речку Удай по ветхому мосту и пройдя за Ичню и Парафиевку, зашли в лес и снова устроились на дневной ночлег. Сержант Чеберяк с двумя бойцами были часовыми на три часа, после чего их сменили младший сержант Кочнев и бойцы его отделения.

Укрывшись на опушке, Чеберяк с бойцами наблюдали за дорогой. Когда чуть рассвело, увидели в ста метрах дорогу, послышался начавшийся грохот автомашин, мотоциклов и другого транспорта.

– Смотри... ездят, как у себя дома, – тихо буркнул боец Коноатов. – По нашим таджикским меркам это возбуждает и даже усиливает ненависть.

– Было б у нас необходимое вооружение, так шамальнуть бы по ним, чтобы одна пыль осталась... Я был бы безмерно рад, – отозвался боец Смагин, глядя на дорогу, по которой раскатывала в обе стороны немецкая техника.

– О-о! А это ещё что? – тихо воскликнул Чеберяк, указывая на мотоцикл, съехавший с дороги и направившийся к лесу, где и находились партизаны.

– Прижаться к земле. Как только приблизятся, не стрелять, а бросаемся и ножами... – приказал сержант.

Кроме водителя за рулём, в люльке сидел немец в очках за пулемётом и, подъезжая к опушке, не дожидаясь, когда остановится мотоцикл, он начал подниматься и расстёгивать ремень брюк. Гул мотора стремительно приближался. Мотоцикл влетел в лес и в трёх метрах от часовых резко остановился. Немец, занёс ногу через люльку и не успел поставить её на землю, как словно из-под земли возле мотоцикла оказались трое партизан. Резкий удар ножами, и гитлеровцы, замертво упав, остались на своих местах. От того, который был в коляске, зловонно несло. Бойцы сняли с них всё снаряжение, забрали оружие, раскурочили мотоцикл и закатали его вместе с немцами в кусты.

Командир и многие бойцы уже проснулись от рокота мотоцикла и видели реакцию часовых. «Молодцы, ребя-

та», – командир одобрительно, по-отцовски посмотрел на Чеберяка, Коноатова и Смагина. А те тем временем изъяли трофейное снаряжение немцев: фляжки, котелки, сумки для личных вещей, плащпалатки, скатанные одеяла, кожаные рюкзаки, сумки с биноклями, сумки с патронами, свитера, тушёнку, сухари, сладости, всё снаряжение и оружие – всё это пошло во взвод. Загнав мотоцикл и трупы в кустарник глубокой ложбины и прикрыв всё ветками, часовые заняли свои места.

В наступившую ночь взвод двинулся в путь и таким образом с подобными привалами по Черниговщине достиг Калачевских лесов в районе населённых пунктов Холмы и Тихоновичи, а здесь в ночное время наткнулся на областной Черниговский партизанский отряд под командованием Николая Никитича Попудренко, который в это время передавал своё командование отрядом прибывшему 1-му секретарю Черниговского обкома партии Алексею Фёдоровичу Фёдорову.

Старшему лейтенанту Кизелскому было сделано предложение войти взводом в состав отряда. Однако тот решительно заявил:

– Не могу. Выполняю приказ командира полка Щедрина, – и тут же показал записанную в блокнот радиограмму.

Руководство отрядом не стало настаивать, снабдило Кизелского необходимыми картами, показало путь на населённые пункты Брянщины – Воронок и Андрейковичи, после чего взвод уверенно двинулся дальше по намеченному пути с привалами на дневное время. Молодецки проскочив между населёнными пунктами Черниговщины – Семёновку и Углы, партизаны оказались на земле Брянщины вблизи населённого пункта Воронок.

Зарождалось утро, но серые плотные тучи не пропускали солнечные лучи. Из этих свинцовых громил посыпался первый, лёгкий снежок.

Взводу везло с явной очевидностью, – прошагав столь длинное расстояние, он ни единого разу не столкнулся с вражескими подразделениями. Спасали осторожность, разведка направления движения и дневные привалы.

Следующую ночь взвод прошагал в район населённого пункта Рамасуха. Бойцы падали от усталости, почти засыпали на ходу, но поднимались, и на этом лесном привале командир решил дать возможность отдохнуть бойцам. К тому же совершенно кончились продукты питания. Посланные разведчики – одни за продуктами в деревню, а другие для дальнейшей безопасности прокладки маршрута движения взвода, возвратились – первые неудачно, так как не могли войти в деревню из-за вражеского скопления, а другие – с положительным результатом. Передохнув, взвод продолжил движение и вблизи не отмеченной на карте деревни между Новлей и Соколово сделал привал. Одни разведчики по маршруту в направлении города Белые Берега сразу же ушли, а с другими решил пойти старший лейтенант, оставив за старшего сержанта Чеберяка.

По мере приближения к деревне, был слышен спокойный, не надрывный лай собаки, скорее, она выражала беспокойство то ли от голода, то ли от холода.

Четверо партизан, приблизившись к первому огороду, обнесенному жердями, пролезли между ними и стали приближаться к сараю, за которым виднелась изба. До сарая оставалось совсем немного, метров пять, как вдруг из уличного отхожего места, устроенного возле

самой стены сарая, застёгивая брюки, вышел мужчина в чёрной одежде. Увидев приближающихся людей с автоматами, опешил.

– В-вы кто?.. – еле промолвил он от испуга.

Командир ускорил шаг и, поравнявшись с ним, увидел, что тот одет в форму полиция.

– Мы партизаны, – ответил Кизелский. – А вот кто ты, я уже вижу.

И командир приставил ствол автомата к его груди.

– Я-я... н-нормальный человек. П-по-могаю сельчанам. Сп-р-росите у любого, – заикаясь, выдал полиция.

– Спросим. Обязательно спросим. Кто у тебя в избе?

– Ну-у... ж-жена... сын и м-мать.

– А ты куда собрался в такую рань?

– На смену в п-полицейский участок.

– Сколько вас таких в деревне?

– Девять. С-сельский я один, а они все чужие и живут там же... в участке. Я же вам помогаю... Можете спросить и Дмитрия Ефимовича.

– Это кто такой?

– Как? Вы его не знаете? Кравцов... командир партизанского отряда...

– Мы из другого отряда. А где и как его найти?

Полиция, подняв глаза к небу, слегка задумчиво произнёс:

– Точно не могу сказать, но знаю, что в Белобережных лесах. Я же в отряде не бываю, а они у меня – да, но не часто. В большинстве за продуктами.

Командир опустил автомат. Полиция, затаив дыхание, пристально и выжидающе смотрел на него.

Лёгкий ветерок колыхал голые ветки росшей рядом берёзки.

Кизелский бросил загадочный взгляд на полицая и спросил его:

– А нам... с продовольствием окажешь помощь?

Тот расплылся в улыбке и, посмотрев на него уже спокойным взглядом, ответил:

– Чем смогу – помогу. Зайдёте в избу? Перекусите, чем Бог послал! А я тем временем сбегая в участок...

– И позовёшь полицаяев? А то и немцев? – язвительно перебил его командир.

– Да что вы? Избави Бог! Я только сменю дежурного. Он уляжется спать, а я вернусь.

– Идём вместе в управу. Да-а, а немцы в деревне есть?

– Есть... человек двадцать. В школе живут. Она далековато от управы. Я сейчас... только карабин возьму в избе и пойдём.

Полицай поторопился в избу, а командир кивнул головой сержанту Сомову, и тот пошёл следом за полицаем. Затем он, подозвав другого бойца, указал ему на соседнюю избу и сказал:

– Узнай о личности этого полицая.

Тот кивнул головой и пошёл исполнять приказ.

Сержант Сомов, крепко сложенный, высокий, всегда был угрюмым, лицо его не светилось от доброй улыбки даже тогда, когда он этого хотел. Своим видом зачастую внушал панический страх. Спустя минуту он и полицай вышли из избы.

– Идём! – коротко сказал полицай и направился вглубь деревни.

– Те твои коллеги, которые в управе, как относятся к населению? – спросил Кизелский.

– Уроды! Зверьё самое настоящее. Ездили в другую деревню и участвовали в расстрелах.

– Тогда мы их уничтожим.

– Туда им и дорога.

Подходя к управе, Кизелский уже шёпотом сказал:

– Входим вместе.

– Хорошо, – так же тихо ответил тот.

Окно было занавешено, но чуть-чуть сквозь маленькие щели пробивался свет керосиновой лампы. В это время к командиру неслышно подбежал боец Белов, которого он посылал в соседний дом узнать, что из себя представляет этот полицейский.

– Михаила, то есть полицая, характеризуют положительно. Помогает людям, и они подозревают, что он служит в полиции от партизан, – почти на ухо выдал полученную информацию боец.

– Понял, – шёпотом ответил командир и подошёл к полицаяу, которого спросил: – Тебя зовут-то как?

– Михаил... Чекалин Михаил.

– Будешь стучать или сам откроешь?

– Стучать. Закрыто изнутри.

Подойдя к двери, он постучал в дверь трижды и через секунду ещё два раза.

– Кто там? – послышался за дверью грубый мужской голос.

– Учитель музыки, – произнёс Михаил заранее обговоренный пароль.

Запоры загремели, дверь скрипнула и открылась. На пороге стоял освещённый тусклым светом керосиновой лампы небритый, волосатый полицай. Увидев кроме Михаила четырёх вооружённых людей, на половину одетых в красноармейскую одежду, опешил, – рот открылся, глаза округлились, лицо выражало явное удивление и растерянность, но при этом он выдавил из себя:

– А вы кто? – и сделал два шага назад вглубь комнаты.

– Доставщики смерти, – резко и уверенно произнёс старший лейтенант, вспомнив, что эти слова принадлежат его отцу – Лукьяну Савичу.

Все партизаны мгновенно и уверенно вбежали в комнату. Дверь в другую комнату была закрыта. Сержант Сомов резко распахнул её и, изготоясь к стрельбе, крикнул лежавшим полицаям:

– Встать! Руки вверх и выходите в эту комнату! Оружие не трогать!

Шестеро полицаяев поднялись с постели, вышли с поднятыми руками и остановились перед столом, стоявшим у стены. На седьмой постели всё было разбросано, но полицая нигде не было видно. Вдруг его голова показалась из-за кровати, потом он тихо поднялся с немецким автоматом в руке. Его своевременно заметил Михаил, в одно мгновение вскинул винтовку и выстрелил. Полицай, не успев нажать на курок, рухнул на свою же постель.

Кизелский благодарно посмотрел на Михаила и, повысив тон, обращаясь к полицаям, у которых лицо не скрывало выражение лютной ненависти, сказал:

– Вы продали свою Родину. Продали свой народ и встали против них с оружием в руках на стороне врага. От имени Союза Советских Социалистических Республик и народа... приговариваетесь к смерти! Я... старший лейтенант... Кизелский Анисим Лукьянович и бойцы 2-го партизанского полка исполняем этот приговор!

Щёлкнули затворы. Лица полицаяев резко побледнели, испуг овладел ими. Они увидели в глазах объявившего приговор – победителя. Один из них, широколи-

цый и по возрасту немного старше других, стоял и угрюмо смотрел в пол. После щелчков затворов его лицо расплылось в насмешливо-презрительной улыбке, как бы выражая этим душевное безразличие, а затем он резко кинулся на сержанта Сомова, стоявшего ближе всех к нему. Однако его остановила короткая очередь. Все лица замертво упали на пол.

– Уничтожить всё делопроизводство! – приказал старший лейтенант бойцам, и те приступили к выполнению приказа, а он присел на стул и на листе бумаги карандашом, что нашёл на столе, написал: «Смерть предателям!» – а дальше указал число, месяц, год и время расстрела. Но время намеренно указал не точное, а три часа ночи, чтобы спасти от расправы Михаила.

Положив листок на видное место, он ещё дописал своё воинское звание, фамилию и посмотрел на Михаила.

Тот стоял рядом и читал то, что писал командир.

– Понял? – спросил он его.

– Спасибо, товарищ старший лейтенант. В это время я спал дома, а пришёл сменить и обнаружил всё это. Лучше не придумать, – ответил Михаил.

– Заодно уничтожим и немецкий гарнизон. Покажешь его размещение и возвращайся, а мы двинемся дальше... И ещё, Миша, расскажи, как безопаснее пройти в сторону населённых пунктов Белые Берега и Хвастовичей?

Тот попросил развернуть карту и на ней показал путь продвижения партизанского взвода. После этого все вышли на улицу, забрав боеприпасы и оружие полицаяев.

С неба уже обильно сыпал снег, почти сразу заметая следы.

Подойдя к школе, все притаились за оградой. Часовой стоял на крыльце под деревянным козырьком, пряча от снегопада.

Кизелский подполз к калитке и чуть потянул её на себя, она поддалась, и тогда он резко отпустил её. На этот раздавшийся стук часовой тотчас обратил внимание. Стук повторился... Часовой, не выдержав, подошёл к калитке, пытаясь прижать её, но мгновенный захват его руки и вонзившийся нож в грудь навсегда успокоил часового. Забрав его оружие и боеприпасы, командир бросился к зданию школы, за ним и все остальные.

Возле входной двери Михаил сказал старшему лейтенанту:

– Они спят в классе... второе окно отсюда.

Тот кивнул головой и попытался открыть дверь. Она легко поддалась. На цыпочках все вошли в коридор, и Михаил показал на дверь класса. Распахнув её, все влетели в помещение и открыли ураганный автоматный огонь. Солдаты не успели опомниться, как уже были мертвы. В этот момент из соседнего кабинета выскочил офицер и выстрелил, но тут же был сражён очередью партизана Белова из отделения сержанта Сомова. Все увидели, как опускается на пол один из партизан из этого отделения – Ивлев. Сомов подбежал к нему... Но смертельно раненый в грудь Ивлев лежал с застывшими навсегда глазами.

– Коля! Братишка! Не умирай! – закричал Сомов и стал его тормошить, хлопая по щекам, но бойца не вернуть.

Проверив остальные помещения, убедились, что в них никого не оказалось. Сняв головной убор, командир подошёл к погибшему партизану и стоял, закусив губу,

молча. К нему подошли все остальные. Спустя минуту Михаил тронул за локоть командира и тихо промолвил:

– Вы должны уходить. Пора. А я с моими товарищами похороним его прямо сейчас.

– Спасибо тебе, Миша, – ответил тот и сразу обратился к своим бойцам: – Возьмите всё необходимое... оружие, боеприпасы, продовольствие, а тут его много, и быстро уходим, – а повернувшись к Михаилу, спросил: – Куда тебе донести нашего бойца?

– На край деревни. Вам по пути. Там оставите, а остальное мы решим.

Так и сделали. Из школы они забрали: по автомату, ручной пулемёт, боеприпасы, гранаты, продукты питания, простыни и тёплые одеяла. Оставив на краю деревни Михаила и тело Ивлева, бойцы быстро ушли в лес.

Снег, словно хотел всё вокруг и непременно сейчас укутать белым, валил, не переставая.

Состояние партизан было траурное, а Сомов тихо плакал.

Прибыв к месту расположения взвода, несмотря на то, что дневное время, командир повёл его дальше по пути, указанному Михаилом.

За два привала взвод преодолел железную дорогу Брянск-Орёл, автомобильную дорогу этого же направления, прошёл мимо городов Карачев и Хотынец и остановился в лесу близ населённого пункта Еленский. Здесь же для разведчиков вручную изготовили из трофейных простыней три костюма. По приказу командира сержант Чеберяк и с ним ещё два бойца надели их и ушли в разведку. Перед их уходом командир провёл инструктаж, а в конце напутствовал:

– Слушайте внимательно, что услышите, и смотрите внимательно, что увидите. Мы сейчас должны знать о каждой мелочи, касающейся нашей родной столицы... И будьте всюду бдительны и осторожны.

После ухода разведчиков Кизелский позволил остальным бойцам, кроме часовых, отдыхать. Сомов, задумчивый и горестный, привлёк его внимание.

– Всё горюешь, Сомов? Успокойся. Это ведь проклятая война, никуда от неё не деться. Она, сволочь, только и умеет, что забирать жизни.

– Товарищ командир... Ивлев мой двоюродный брат... Что я скажу моей тёте, а его матери? – и по щекам Сомова снова покатались слёзы.

– Что поделаешь. Он погиб в бою...

Командир ещё что-то хотел договорить, но вдруг возвратились разведчики, Чеберяк быстрым шагом подошёл к нему и, переводя дух, доложил:

– Товарищ старший лейтенант, срочно надо уходить вправо километров на пять. По направлению нашего взвода идёт немецкая облава.

По команде взвод быстро собрался и, заметая следы, ушёл правее, ступая след в след.

Когда они уже отошли далеко, то услышали в стороне, как раз там, где только что были, выстрелы.

...Вот опять привал, бойцы расположились для отдыха, а разведчики отправились снова вперёд.

С трудом взвод пробирался в сторону Обнинска. Командир заметил, что немецкие тылы слишком переполнены войсками. Казалось, что они существуют в панике.

Уже вблизи Малоярославца сержант Сомов с разведчиками принесли командиру информацию, что немцам не удалось взять Москву и войска Красной Армии 6 де-

кабря 1941 года перешли в решительное наступление, а Московская Гвардейская стрелковая дивизия 26 декабря освободила от фашистов Наро-Фоминск.

– Оказывается, мы продвигаемся навстречу нашим доблестным войскам?! – радостно воскликнул старший лейтенант. – Ребята мои дорогие! Скоро... очень скоро мы встретимся с ними. Надо подумать, как и чем помочь им... да и нам, в том числе.

– Хорошо бы удачную вылазку сделать...

– Сначала надо всё кругом разведать, – перебил бойца Белова младший сержант Кочнев. – Мы находимся в самой гуще врага, и вслепую нам действовать не с руки.

– Кочнев правильно говорит, – задумчиво произнёс командир, разворачивая карту.

Уткнувшись в неё, стал размышлять, а бойцы не хотели ему мешать, замолкли и выжидали его приказа.

День медленно катился к закату, холодный ветер гулял, как ошалелый. Снега кругом было много, деревья, кусты – стояли в белых одеяниях, мороз, как заправский хозяин, командовал и с каждым днём крепчал.

– Вот что мы сделаем, – наконец, так же задумчиво произнёс старший лейтенант. – Три группы разведчиков по два бойца разведывают, что у нас впереди, справа и слева, а потом и обмозгуем, как и где насолить врагу.

Бойцов взвода не покидала приближающаяся радость встречи с родными войсками, они были готовы на выполнение любого приказа, лишь бы ускорить это. В этот же вечер три группы ушли в разведку, а остальные, наломав лапника ёлок и сосен, устелили дно небольшого оврага, закрыли сверху двумя брезентами и зажгли костёр, огонь которого не был виден снаружи, и расположились там, оставив часовых наверху. Кто

успел погрызть сухарей, кто подсушил свои портянки, а кто и вздремнул... но никого из них не оставляла мысль, что вот она, скоро, радостная встреча с войсками Красной Армии. Если ранее стрельбу с разных сторон они слышали нечасто, то сейчас почти постоянно, особенно артиллерийские удары и авиационные налёты с бомбёжкой.

К утру разведчики поочередно возвратились. Из их доклада стало известно, что впереди располагаются крупные танковые войска, слева – огромное скопление автомобилей разных видов и марок и бензовозов тоже, а справа склады, издающие аппетитный, продовольственный запах.

– Если лишить врага того, что слева и справа, то это была бы хорошая помощь нашим войскам, – отметил сержант Чеберяк и глянул на командира.

– Да-а... это точно, – согласился тот. – С танками бороться мы не всилах, а вот об остальном можно подумать.

С разведчиками он долго обдумывал одновременные действия взвода по обоим направлениям, поочерёдные не подходили. После сделанного надо было срочно менять место расположения и уходить от преследования. Разработав детальный план, командир принял решение действовать. К складам группу из десяти бойцов повёл сержант Чеберяк, а к автомобильным скоплениям – сам командир. Общий сбор определён на месте привала, после чего намечено направление движения не в сторону Обнинска, а между Малоярославцем и населённым пунктом Медынь, а после в район Боровска.

Спустя четыре часа старший лейтенант с группой были уже на месте. Скопление автотранспорта было

большое. Справа в сторону Москвы слышался ожесточённый бой. Голоса орудий и крупнокалиберных пулемётов доносились чётко, казалось, что они не удалялись в сторону Москвы, а приближались. «Значит, наши наступают», – подумал Анисим Лукьянович, изучая из укрытия движение немецких и румынских солдат возле автомобилей, которые появлялись и исчезали с фонариками. Их становилось всё меньше и меньше. Часовых нигде не было. Подождав ещё час и подозвав к себе сержантов Сомова и Кочнева, командир распорядился:

– Сомов, ты со своими слева, а ты, Кочнев, справа... старайтесь тихо, незаметно и осторожно спускать из бензобаков бензин на землю. Имейте ввиду, что в кабинках могут быть солдаты-водители. Вот жаль, шлангов нет у нас... ну-у будем пока использовать приготовленные палки с тряпочными наконечниками и тканевые ленты, которые намоченные топливом надо оставить свисающими из горла бензобака. А я пойду по центру. По три человека оставите для меня. На всё про всё у нас ровно час, встречаемся здесь и быстро уходим. После моего разового свиста выходим, зажигаем тряпочные наконечники, поджигаем крайние автомобили и бегом сюда. Вопросы есть?

– Никак нет, – тихо ответили оба.

– Тогда вперёд.

Три группы двинулись к автомобилям. Расстояние от леса до равнины, на которой находилось скопление, было метров сто. Стрельба вдалеке продолжалась, взрывы усиленно нарастали.

Прошло чуть больше получаса, как вдруг в небе со стороны Москвы послышались рокоты моторов самолётов. Командир обрадовался, свистнул и быстро с

группой вышел за пределы. Бойцы зажгли палочные наконечники и подожгли автомобили. Сомов и Кочнев поступили так же. Собравшись на условленном месте, они увидели суматошную беготню немцев и румын, и тут же с неба полетели бомбы. Всё вспыхнуло, горело и взрывалось.

Группы быстро удалились, а по возвращению к месту привала сержант Сомов сказал:

– Удачно всё провернули, молодцы... наша работа послужила для лётчиков хорошей наводкой.

– Это уж точно, – подтвердил Кочнев.

Командир поблагодарил бойцов за успешное выполнение боевого задания.

Спустя два часа возвратилась и группа Чеберяка. Сержант доложил командиру:

– Склады уничтожены полностью. Врагу жрать больше нечего... Боец Коноатов погиб. В небольшой впадине нами и похоронен.

Командир встал и снял головной убор. Все бойцы последовали ему. После почтения памяти погибшего бойца взвод час использовал на отдых и на сборы, после чего продолжил путь в сторону Москвы по заранее проложенному маршруту, но через два часа пути разведка попала в засаду. Бойцы, отстреливаясь, отступали и соединились со взводом. Заняв оборону, все вступили в бой, который продолжался больше часа. Вдруг немцы перестали стрелять, мимо прогремели гусеницами немецкие танки, прокатили броневики, бежали солдаты и офицеры и вскоре появились передовые части Красной Армии. Встреча была со слезами. Бойцы взвода Кизелского обнимались с солдатами, а он явился к командованию, доложил о взводе, полке Щедрина и пройденном

пути. После этого началась проверка НКВД, которая за две недели закончилась положительно. Взвод был направлен для дальнейшей службы и распределения в непосредственную воинскую часть в штаб Калининского фронта, которым командовал генерал-полковник И.С. Конев.

Максим отложил в сторону дневник деда с подробным описанием военных действий, обратив внимание на дальнейшие короткие записи.

Неудачный отпуск

Читая далее дневник, Максим обратил внимание на то, что Анисимом Лукьяновичем перечислялась далеко не полная информация, похожая как бы на заглавия дальнейшего повествования: Ржевско-Вяземская операция – январь 1942 г., Жиздренская операция – февраль 1943 г., освобождение Полтавы – сентябрь 1943 г., Корсунь-Шевченковская операция – январь-февраль 1944 г., ранен, госпиталь. Дважды хирургия. Комиссован – август 1946 г., встреча с Анной, свадьба – сентябрь 1947 г., работа в милиции – март 1948 г., рождение сына Лазаря – февраль 1953 г., женитьба Лазаря – сентябрь 1976 г., уход на пенсию – сентябрь 1975 г. Рождение внучки Оли – февраль 1978 г., рождение внучки Тани – апрель 1985 г., рождение внука Максима – июль 1988 г., посещение города Кизел – рыбалка. На этом дневник деда заканчивался.

Судя по этой короткой информации он, похоже, планировал написать книгу, но что-то не сложилось. В мае 1991 года в возрасте 80 лет Анисим Лукьянович Кизелский умер.

Его сын Лазарь Анисимович, о чём знал из рассказов отца и Максим, дневников не писал и, отслужив действительную военную службу в войсках Советской Армии, поступил во ВЮЗИ (Всесоюзный юридический заочный институт), а потом на работу в милицию. Сначала работал рядовым милиционером, а после был назначен оперативным уполномоченным уголовного розыска. В 1976 году женился на студентке этого же института Олесе, которая после двух лет учёбы в институте несколько лет работала юристом в строительной организации. В 1978 году у них родилась дочь Оля, а через семь лет – дочь Таня и уже в июле 1988 года – он, Максим.

Максим любил и ценил родословную прадеда, деда и отца. Когда он родился, то отцу, – Лазарю Анисимовичу, было 35 лет, и он уже состоял в должности заместителя начальника 156-ОВД Хорошевского района Москвы в звании капитана милиции.

В 1995 году Максим пошёл учиться в 1-й класс средней школы района «Строгино», а отец в то время уже был назначен начальником ОВД района «Строгино». Сестра Оля закончила среднюю школу и поступила в юридический институт. Вторая сестра Таня закончила 3-й класс. Мама – Олеся Юрьевна начала работать помощником Тушинского межрайонного прокурора, уволившись из строительной организации.

Летом 1996 года отец взял отпуск и вместе с сыном Максимом поехал в город Кизел. Осмотрев город, оба убедились, что он не развивается, а гибнет. Посетили и пруд в общем Руднике, который ранее был чистым и готовым к приёму купающихся, а теперь стоял поросший камышом, заиленный и отталкивающий своим унынием.

Кизелский пруд в общем Руднике

Лазарь Анисимович с сыном зашёл в Свято-Троицкий Храм, помолился.

На следующее утро они убыли в Москву.

Олеся Юрьевна и девочки были рады их быстрому возвращению.

Глафира Лукьяновна – сестра деда Анисима Лукьяновича, которой в то время было 89 лет, продолжала жить в семье Лазаря Анисимовича. Судьба для него и его семьи готовила самое страшное, что может случиться в жизни. Но будущий день нам неведом, не можем мы знать, что ждёт впереди.

Отпуск для него показался нудным и тягостным. Два раза вместе с сыном сходил на рыбалку, один раз с семьёй – в театр... и решил выйти на работу, согласовав с начальником УВД Северо-Западного административного округа Москвы генерал-майором милиции Р.А. Гудкиным.

Приступив к своим обязанностям, подполковник Кизелский стал знакомиться с обстановкой в районе,

изучил суточные сводки, побеседовал с исполняющим его обязанности майором Ковалёвым, который с недовольством отнёсся к его преждевременному возвращению на службу.

– И чего тебе, Лазарь Анисимович, не отдыhalось? Я бы с величайшим удовольствием сейчас улизнул за бугор и валялся бы в горячем песочке на берегу необъятного моря. Хочешь... найду тебе путёвку на двоих? Бесплатно! – предложил майор. – А то будешь копать в этой вонючке и нервотрёпке.

– Мой отпуск получился неудачным, а жене не дали отпуск. Дадут, вот тогда и поедem, отдохнём всей семьёй. А почему ты сказал... бесплатно? Я что... тебе отец или родной семьянин? – спросил подполковник, заглядывая в последнюю сводку.

– Ты мой начальник, которого безмерно уважаю, и за твою доброту ко мне просто хочу сделать тебе приятное, – стал подлизываться майор.

– Если бы надо было... я и сам об этом позаботился бы, а подачки... ты знаешь, как я их люблю... в кавычках... и тех, кто их преподносит. У меня всегда возникает вопрос... А за что? Вот и к тебе возник такой же... А вот это тройное убийство раскрыто? – спросил Лазарь Анисимович и ткнул пальцем в сводку.

– Пока нет. Работает весь угрозыск, но безрезультатно. Доказательств и зацепок никаких. Ни одной ниточки нет, за которую можно было бы потянуть.

– Я беру на свой личный контроль, – твёрдо решил начальник отдела.

После этого подполковник Кизелский сразу же вызвал начальника уголовного розыска старшего лейтенанта Кульнова. Выслушав его доклад, спросил:

– У кого в производстве это дело?
 – У следователя окружной прокуратуры Павла Ивановича Кирилина.

– И какую версию отработываете сейчас?

– Версий много, но мы выбрали одну из них. Это дерзкое убийство Сулова, его жены и дочери, то есть всей семьи, да ещё изнасилование его жены и дочери совершено с целью грабежа их квартиры. О ценностях и их нахождение, похоже, преступники знали, потому как нигде ничего не тронуто. Кроме этого, сразу бросается в глаза то, что ключом хозяина открыт домашний сейф, в котором находилась большая сумма денег и дорогие украшения жены... инвестора строительной фирмы и более ничего.

– Значит, кто-то навёл на эту квартиру?

– Похоже. Но кто? Мы пытаемся установить наводчика.

– А может, наводчицу? Каков состав семьи главного потерпевшего?

– Жена – домохозяйка, дочь – студентка института. Всё.

– Подруги у неё есть? Приходили к ней в квартиру? Видели, где расположен сейф? Если на все вопросы ответ будет: «да», то они и могли кому-то передать эту информацию.

Заместитель начальника ОВД Ковалёв сидел молча, слушал, и глаза его бегали, как маятник часов, то на одного, то на другого, и если бы присутствовал ещё кто-либо, то и на него обратил бы внимание, сразу же закралась мысль, что в чём-то он заинтересован. Лицо его выдавало взволнованность, некую суетность.

– Это вы, товарищ подполковник, очень толково рассуждаете. Каждую новизну в нашей работе будем

немедленно докладывать вам. Из ваших вопросов я всё понял. Мы уже установили, что квартиру посещала подружка Тани Суловой, которая убита... Лена Глухова. Мои работники устанавливают её место жительства, но по месту прописки она не проживает. Квартира сдана в аренду, а проживающие в ней заявили, что хозяева живут где-то по Рижской трассе на даче... Работаем по их установлению. Сотрудников по линии её отца мы отработали. Ничего существенного не установлено. И в их квартире никто из них не бывал.

– Не может быть, чтобы никто не знал, где хозяева квартиры проживают. По месту работы родителей Глуховой простучите, по месту её учёбы... через парней, с кем она встречается... И сразу доложите. Подумаем, что делать дальше.

– Есть, товарищ подполковник.

– Вот. Давай, Василий Григорьевич, активизируй работу и держи тесную связь со следователем прокуратуры Кирилиным. Из каждого допроса свидетелей и других участников процесса можно извлечь массу вопросов, которые заинтересуют оперработников, и их разрешение ускорит раскрытие преступления. Не работайте каждый по себе. Это только во вред и тормозит раскрытию.

– Понял. Прямо с утра завтра посету его и обменяюсь информацией. Разрешите идти?

– Идите.

Как только он ушёл, майор Ковалёв взволнованно промолвил:

– Да это чушь какая-то. Я уверен, что надо отработать причастность сотрудников её папаши. Считаю, что в большей степени кто-то из них причастен к этому убийству и грабежу.

– Ты же слышал, что эта версия отработана, а коль так... надо немедленно браться за другую.

– Да где она отработана?! Промчались на коне галопом и считают, что закончена. Там ещё работать да работать!

Зазвонил телефон. Подполковник поднял трубку и услышал:

– Лазарь Анисимович, доброго здоровья вам. Следователь прокуратуры округа беспокоит... Кирилин. Не могу никак дозвониться до Кульнева. У вас есть возможность связаться с ним?

– Вам тоже, Павел Иванович, накрепчайшего здоровья. Он минут пять как вышел из моего кабинета. Найду... Что-то передать?

– Пусть позвонит. Или же передайте, что я в ходе следствия установил, что у одного из участников убийства была кличка Кузя...

– Кузя? – прервал его подполковник.

Ковалёв, услышав это, побледнел и как-то заволновался, но подполковник приписал это волнение к тому, что тот обрадовался появившейся оперативно-следственной ниточке.

– Да, да... Кузя. Пусть через свои связи с другим миром нашего здорового общества, попытается установить, кому принадлежит эта кличка... И тем самым мы подберёмся к истине, а также полному раскрытию этого тяжкого преступления.

– Хорошо, Павел Иванович! Передам, и он сам с вами созвонится. А как вам удалось такую ценную информацию добыть?

– Допрос соседей, к сожалению, ничего не дал. А как раз в это время «скорая» увозила в 67-ю больницу пен-

сионерку. Работники «скорой» ничего толкового пояснить не могли, мол, видели четырёх вышедших из подъезда парней, внимание на них обратили, но не запомнили. А вот пенсионерка обратила, подумав, что её внук с ними вышел, и слышала, как один из них сказал: «Кузя, давай побыстрее». Свои лица они отвернули в другую сторону от «скорой» для того, чтобы никто из находившихся там не опознал их.

– Он сейчас вам позвонит.

– Спасибо!

Положив трубку, Лазарь Анисимович поднял голову и хотел было дать поручение Ковалёву найти срочно начальника угрозыска, но его в кабинете уже не было. Тогда он поручил это сделать дежурному. Тот безотлагательно его разыскал, и Кульнёв позвонил начальнику. Подполковник передал то, что ему сказал следователь прокуратуры.

– А я только что получил информацию и еду опрашивать работников «скорой помощи», а оказывается, Кирилин опередил меня, – сказал Кульнёв. – Всё... разворачиваюсь и еду к Кирилину в прокуратуру.

– А ты пробел в работе своих оперов чувствуешь? Как же так получилось, что следователь прокуратуры нашёл сам и успел уже допросить всех? А ведь он должен работать по добытой вами информации, а не вы по его. Намотай себе на ус, и чтоб подобного я больше не слышал. Вы же могли получить эту ниточку ещё в первый день, и сейчас были бы уже намного ближе к раскрытию. А так... вторую неделю работаем в пустую, – отчитал его начальник милиции.

– Виноват, товарищ подполковник! Больше подобного не повторится. Все ваши слова весьма полезны. На ошибках учатся, так и я.

– Это плохая учёба. За ошибки бьют... и очень больно. Каждая, в ответственной работе, ошибка является признаком, знаменующим не полную подготовленность работника или же его халатность, а также бессвязное мышление. Пока едешь в прокуратуру, прокрути в мозгах пути установления личности владельца клички «Кузя». Скорее всего, она может исходить от фамилий Кузнецов, Кузьминский, Кузин, Кузьмин, Кузилин, Кузьмин и других схожих, но также от имени... может, Кузьма или какие другие. В общем, проработай.

– Я понял, товарищ начальник. Всё, я уже возле прокуратуры. Результат доложу.

Кизелский ничего не ответил и положил трубку, а у Кульнёва пробудилось непреодолимое желание как можно быстрее раскрыть убийство и резко изменить мнение своего начальника о нём. Необдуманное рвение порой связано с чрезвычайным риском для собственной жизни. Педантичная аккуратность в жизни и работе, а также строжайшая дисциплинированность влекли его только вперёд к намеченной цели. Если бы даже он знал об итогах риска, то всё равно не свернул бы с пути.

Тем временем майор Ковалёв уже входил в больничную палату пенсионерки. Цель посещения была известно только ему. Представившись ей и глянув на двух соседей по койкам, он начал беседу:

– Марья Петровна, я хочу немножко уточнить о тех негодях, которые выходили из подъезда, когда вас забирала «скорая помощь», скажите...

– А почему вы их называли негодьями? – перебила она. – А может они хорошие ребята?

– Дай-то Бог. Но в это время в вашем подъезде произошла беда... Вы знаете о ней?

– Нет... не знаю. Следователь мне ничего не говорил, а только спросил, не видела ли я кого-либо чужого тогда. Ну я и ответила.

– А кого из них вы смогли бы опознать?

– Я их лица не видела... только в профиль... мои глаза искали внука. О-о! Вспомнила! У того парня, которого называли «Кузей», сбоку на носу какое-то тёмное пятно было... А может, это была тень от чего-то или грязь. Это же было мгновение. Мои глаза искали среди этих хлопчиков моего внука, и особо внимание на них я не обращала. Вот только чуть задержался мой взгляд на последнем, которого торопили и называли «Кузей».

– А их одежду описать можете?

– Не могу. Знаю только, что одежда на всех была тёмной. А-а! Вот ещё что... на бейсболке «Кузи» сбоку была какая-то красная маленькая нашивка.

Майор Ковалёв на несколько секунд задумался, взгляд его отметил на правой руке Марии Петровны в локтевом сгибе иглу капельницы. Подняв свою левую руку и глянув на часы, он приподнялся, а Мария Петровна увидела наколку из трёх букв «Юра» чуть ниже браслета часов.

– Ну что ж... спасибо вам, Мария Петровна... за помощь следствию... Выздоровливайте все... товарищи больные и будьте здоровы, – сказал он и быстро ушёл.

Возвратившись в отдел милиции, не отвечая на телефонные звонки, он закрылся в кабинете и целый час размышлял над тем, что было неизвестно никому, и что так сильно беспокоило его. За этот час он мысленно составил свой план, в который никого посвящать не хотел. «Лазаря надо отправить в отпуск... и хорошо бы в безвозвратный», – рассудил он. Вспомнив, что у его

друга родственница работает в прокуратуре Москвы, он тут же позвонил ему и сердечно стал упрашивать, чтобы дали отпуск Олесе Юрьевне Кизелской, надеясь на то, что она с мужем уедет из города, и тем самым руки будут развязаны, что предоставит свободу действий. Поначалу тот отказывался, высказывая разные причины, но когда Ковалёв пообещал купить ему загранпутёвку, пообещал. Прошло около двух часов, и друг позвонил:

– Юра, вопрос решён. Пусть пишет заявление. И это надо сделать срочно. Прокурор города в Польше с делегацией, а вопрос решил и.о. Понял?

– Спасибо, Алексей. Я своё обещание сдержу... обязательно.

Закончив разговор с Алексеем, Ковалёв позвонил Олесе Юрьевне и сообщил, что, мол, подвернулась возможность при встрече с руководством прокуратуры города решить вопрос об её отпуске.

Она обрадовалась, поблагодарила его и тут же с заявлением кинулась к межрайонному прокурору Леониду Михайловичу Куприну. Тот с большим нежеланием подписал заявление, и оно с другой почтой ушло в горпрокуратуру. Не хотел он её отпускать лишь потому, что сам планировал со своей семьёй уехать в отпуск именно в это время.

Спустя полчаса после разговора с Олесей Юрьевной начальник отдела вызвал к себе Ковалёва, у которого в голове сразу пронесло: «Наверное, она ему позвонила. Хоть бы согласился».

– Юрий Кузьмич, ты чего это так беспокоишься о моём отъезде? Кто тебя просил решать этот вопрос? Почему решаешь вопросы мои личные? У меня воз-

никают нехорошие подозрения?! – засыпал он вопросами Ковалёва сразу же при появлении того в кабинете.

– Лазарь Анисимович, я вам уже говорил о своём отношении к вам, а тут встретился с людьми прокуратуры города, разговорились, и я вспомнил о вашей жене, вот и попросил. Я даже не думал, что так быстро всё решится в вашу пользу. Ради Бога извините... я же не хотел обидеть вас, а сделать хотел только благо. Можете отказаться, – ответил тот.

– Ага! Отказаться! Жена там пляшет и теперь насела на меня, чтобы я решил о своём отпуске. Беда с вами. Ну ты хоть бы предупредил меня и получил согласие... Да и обстановка в районе не позволяет... С этим убийством надо разобраться.

– Товарищ подполковник, вернётесь из отпуска, и мы вас встретим отличными показателями. Я сегодня сам, как куратор уголовного розыска, съездил в больницу и поговорил с Марьей Петровной... Обещаю, что убийство будет раскрыто.

– Кто такая Марья Петровна?

– Пенсионерка, которая видела подозреваемых, вышедших из подъезда. Она кое-какие приметы даже назвала... Обсудим с Кульнёвым. Всё будет на высшем уровне. Не беспокойтесь. А как насчёт путёвки?

– Это я сам решу... куда и когда. Пять человек уедет, а шестая... Глафира Лукьяновна... старенькая... останется дома. Иногда позванивай ей. Вот в этом моя просьба будет. Вдруг с ней что-то не то... вызвать «скорую».

– Как зеницу ока буду беречь её. Будьте спокойны, – обрадованно заявил Ковалёв, почувствовав, что начальник уже готов к отъезду.

– Вот начальнику УВД что сказать? Сам же попросил отозвать из отпуска, а теперь...

– Скажете как есть, – перебил начальника заместитель. – Дали отпуск жене... Мол, раздобрилась прокуратура города. Он согласится! Уверен в этом.

– Ну, ладно... Спасибо тебе. Но больше так не делай. Ступай и займись вплотную этим делом. Оно должно быть раскрыто.

– Есть, товарищ подполковник! – сказал майор и довольный ушёл из кабинета начальника.

Лазарь Анисимович позвонил генералу. Тот выслушал, подумал, веря в заверения, что убийство будет раскрыто, и что в отделе будет полнейший порядок, согласился на возобновление отпуска, после чего был подписан приказ о возложении обязанностей начальника отдела на Ковалёва.

Ранее Лазарь с женой определились, что собираются поехать на отдых в Анталию, но когда позвонил в турфирму, узнал, что свободные путёвки туда только на следующий месяц. Переговорив с женой, решили поехать в Крым или, в крайнем случае, в Сочи. Ближе к вечеру он поехал и купил путёвки в Крым с выездом через три дня поездом. К концу дня все вопросы были решены.

Исполняющий обязанности начальника РОВД Ковалёв позвонил своему двадцатидвухлетнему сыну Кузьме и к великой радости застал его дома, без лишних слов строго потребовал:

– К моему возвращению с работы чтобы был дома.

– Ещё чего?! – возмутился Кузьма. – Я не могу. На это время у меня назначена встреча.

– С кем? С друзьями твоими?

– Да, с ними. А что?

– Разговор с тобой будет очень серьёзный и касается он не только тебя, но и дружков твоих. Понял?

– Пап... а может, завтра утром...

– Нет! – закричал в трубку тот. – Сегодня! Завтра может быть уже поздно. Возле телефона лежит тетрадь... посмотри на чистый лист.

Кузьма раскрыл её, но не понял ничего:

– Ну, посмотрел и что дальше?

– В линейку?

– Нет, в клетку.

– Вот сам поразмышляй, пока я не вернусь домой, а потом поговорим, – сказал Ковалёв и положил трубку.

Кузьма закончил среднюю школу и дальше учиться не стал. За период учёбы имел несколько приводов в милицию, но, благодаря отцу, избегал наказания. После школы устроился на работу в Тушинский аэропорт, где проработал полтора месяца и бросил. Больше никуда не пытался устроиться, но для отца и матери не было известно, из каких источников у него появляются деньги. Ни единого разу он не попросил их у родителей. Отец же, радуясь этому, даже не поинтересовался, откуда у сына деньги. Хотя сам этот факт любого родителя должен насторожить.

Возвратившись вечером домой, майор Ковалёв встретился со взволнованными и вопросительными глазами сына.

– Идём ко мне в кабинет, – сказал отец и, не раздеваясь, направился туда.

Сын пошёл следом, а за ним и мать. Увидев её, Ковалёв немного нахмурился в сторону жены, давая понять о неуместном её присутствии.

– Ухожу, ухожу, – сказала она и нехотя пошла на кухню.

Она, Нина Андреевна, за много лет вместе понимала и доверяла супругу и, услышав вслед:

– Вот и умница. Это мужской разговор, а ты готовь ужин, – промолчала, а он перевёл взгляд на сына: – Закрой поплотнее дверь и садись, – он указал на кресло, а сам сел напротив.

Кузьма нервно сглотнул слюну, вопросительно и взволнованно смотрел на отца.

– Отвечай на мои вопросы честно. Ничего не скрывай. Если будешь утаивать что-либо... даже самое мелочное... я не смогу тебе помочь, – отец пронизательно смотрел в глаза, словно пытался донести самое важное. – Ты меня понял?

Кузьма кивнул головой и заёрзал в кресле.

Отец, понизив голос почти до шёпота, спросил:

– Убийство семьи инвестора Сусллова... твоя и твоих дружков работа?

– Ты чего, пап? Какого инвестора? Какое убийство?

Отец вскочил с кресла, схватил его за шиворот, подтащил к зеркалу и, пальцем тыча в темное родимое пятно на носу, прошипел:

– А это что?

После этого, бросив его в кресло, сорвал с головы сына бейсболку и, тыча в красную квадратную нашивку пальцем, повторил вопрос:

– А это что?!

Лицо Кузьмы стало малиновым, но он не сдавался, продолжая отрицать:

– Причём мой нос и бейсболка?

– Тебя опознают свидетели, которые видели, как вы выходили из подъезда дома, в котором жила семья ин-

вестора. И если ты будешь сейчас некать... хана тебе... и мне тоже... Выкладывай и побыстрей!

Кузьма в какой-то опустошённости поникшим взглядом уткнулся в пол, потом поднял глаза на отца и тихо спросил:

– А что за это будет?

– Значит ваша работа... Высшая мера наказания. Не расстрел, а пожизненное заключение и содержание в особой тюрьме. Кто дал наводку?

– Подруга Тани Сусловой... Лена Глухова.

– И что вы взяли из квартиры?

– Бабло... ну-у... деньги... три миллиона рублей и сто тысяч долларов. В его сейфе находились.

– А я-то думал, где ты берёшь ломовые деньги? Ни у меня, ни у матери не просишь?! Кто из вас убивал семью Сусллова?

– Да-а... каждый по разу... каждого.

– А кто насильовал его жену и дочь? Образцы спермы обнаружены и прокуратурой изъяты. Доказать будет не трудно.

– Все по очереди.

– Сволота... Кто с тобой был?

– Кузнец... Жора Кузнецов, Георгий, Остап Коваль. Савелий Твердилов и Жорж Павловский.

– Где деньги?

– У меня в комнате... Сегодня я должен принести, и Твердило должен разделить.

– Твердило – это кличка?

– Да.

– Он старший в группе?

– Да.

– Кто из них судим ранее?

– Все, кроме меня.

– Принеси все деньги... до копейки сюда.

В глазах Кузьмы сверкнула алчная искра, он покачал головой и что-то хотел сказать, но отец стукнул ему по колену кулаком и сквозь зубы сердито прошипел:

– Я попытаюсь их вернуть родственникам, а вы все замрите. Я ваш хранитель спокойствия. Учтите.

С холодной усмешкой, от которой скривились губы, Кузьма смотрел на отца и хотел было перечить, но сказанные последние слова резко остановили его.

– А что я скажу пацанам? – несмело спросил Кузьма.

– Так и скажешь... что я забрал, чтобы вернуть их, – убедительно говорил отец. – В подобных обстоятельствах о наживе не думают, а мечутся как загнанный волк, чтобы спастись от вонючих камер. Везение не будет бесконечным. Если вы уж действовали против закона, так надо было включать голову и думать не только, как добыть деньги, но и не забывать и о собственной безопасности, а вы по-чапаевски... шашку наголо и вперед... безрассудно и по-дурацки.

– А что нам теперь делать?

– Что делать?.. Те не засветились, а вот ты настоящий дурень. То, что ты сын майора милиции, заместителя начальника отдела, одной ногой стоящего на высшей должности, поступил подло и связался с ранее судимыми, которые тебя использовали, как половую тряпку в целях своей защиты... меня унизило до невозможности и беспредельно обидело.

– Извини, папа... так получилось. Я познакомился с ними, не зная, что они только что откинулись... ну-у освободились из...

– Думаю, что не ты с ними познакомился, а они с тобой, – перебил его отец, в этот момент дверь открылась и просунулась голова Нины Андреевны со словами:

– Ужинать будете?

– Будем, но чуть-чуть попозже. Закрой дверь... мы ещё не закончили, – ответил Ковалёв-старший.

Та сделала недовольное лицо, скорее, из-за того, что разговор идёт без её присутствия, после чего ушла. А он глянул в лицо сына и остановил свой взгляд на тёмном пятне на носу.

– Вот что, Кузьма... Надо срочно решать вопрос в отношении родимого пятна на твоём носу... Надо удалять его, а не то ты пропал. У меня есть врач-косметолог... Завтра же поговорю с ним. Теперь о бейсболке. Я знаю, что она тебе очень нравится, но избавься от неё немедленно... и не просто выброси, а лучше сожги. И ещё... Подумайте, что можно сделать, чтобы та старуха, что в больнице, не сказала ещё кому-нибудь... Она ведь тебя опознала... Может, поговорить с ней, пообещать деньги, но не говорить, что вы делали в квартире Суслова, и что вышли из неё... а, мол, подъезд перепутали... вошли в него, увидели, что не тот и вышли. Подумайте, может, придумаете другие варианты. Всё понял?

Посидев немного молча, он вдруг вымолвил:

– Фу-ты... я и забыл самое главное. Ещё есть одна проблема... Как её решить не знаю. Мой начальник отдела Кизелский... ну ты его знаешь... страшно заинтересован в раскрытии дела Сусловых. Взял это дело под личный контроль. А он такой... Если за что возьмётся, – не отпустит, докопается. Я еле добился,

чтобы он уехал догулять свой отпуск. Вот они по-слезавтра уезжают, а вернётся, сразу же схватится за это дело... И мне наказал неустанно работать по нему. Чтобы он успокоился и уехал, я поклялся, что к его приезду раскрою это дело. Будь он неладен... Уехал бы и не вернулся, а мы бы без него все вопросы порешили. А, да... Он ещё настроил на раскрытие Кульнёва... начальника угрозыска. Этот похож на него. Цепкий и настырный.

– Так может их таво...

– Будем считать, что я такого не слышал, – перебил отец сына. – Надо подумать... Опасно. Навлечём такую проверку, что не рады будем. Да-а... не было бы их обоих... я бы вас всех спас, но с условием, что те четверо должны уехать отсюда навсегда, – сказал Ковалёв, умышленно делая намёк на избавление от Кизелского Лазаря и Кульнёва Василия, а в конце добавил: – Ладно, закончили... Завтра с утра никуда из квартиры, слышишь?! Жди моего звонка. А теперь носи деньги и пойдём ужинать.

Кузьма нехотя поднялся и вышел. Спустя минуту возвратился с чёрной сумкой. Отец заглянул внутрь и увидел там кучу денег. Сумка была увесистой. Глаза Ковалёва-старшего жадно загорелись, а в голове мелькнула мысль: «Хрен вы их получите».

– Иди на кухню, – повелительно сказал сыну, а когда за тем закрылась дверь, он открыл дверцу книжного шкафа, убрал ряд книг, – там был устроен вместительный деревянный замаскированный ящик в виде сейфа, – куда и выложил всё из сумки.

Закрыв свой «сейф», поставил книги на место и пришёл на кухню.

Кузьма уже начал кушать, а мать хлопотала у плиты. Как только она на минуту вышла, отец шёпотом спросил сына:

– Сумка-то чья?

– В квартире Суслова взяли, – прошептал он.

– Сожги вместе с бейсболкой. Какие же вы остолопы... болваны...

Появление Нины Андреевны заставило обоих замолчать. Она бросила недовольный взгляд на мужа и произнесла:

– Всё шепчетесь... секретничаете? Ну-ну, продолжайте... Наступит время, вы пожалеете, что я своего женского слова не могла сказать.

– Нинусь, да успокойся ты. Я тут сам побеседовал с сыном, подумали, как и куда устроить его на работу. Я вот даже помышляю, может, к себе в милицию... А тебя я не хотел напрягать. Ты у нас – хозяйшюшка... кормилица наша.

– Ох, и хитрюга же ты, Юра. Ну да ладно. Если ты его определишь, то буду безмерно счастлива.

На эту тему разговор ещё продолжался, и каждый высказывал своё мнение, а после семейно посмотрели телевизор... и улеглись спать.

Убийства и покушение

Придя утром на своё рабочее место, Ковалёв сразу же позвонил врачу-косметологу, объяснил ему о недостатке внешности сына, и тот ответил:

– По телефону такие вопросы не обсуждаются. Надо посмотреть, а уж потом решать. Пока я в пределах одного часа свободен, приезжайте, Юрий Кузьмич... со своим сыночком.

«Вот я сейчас и позвоню домой, – рассудил он. – Эх, Кузьма, Кузьма, назвав его в честь своего отца, надеялся, что будет достойным человеком. Пока не поздно, надо наставить его на путь истинный».

Ответила супруга и пояснила, что сын взял сумку и вышел, сказав, что скоро вернётся.

– Я за ним заеду. Пусть никуда не уходит, – сказал Ковалёв, положил трубку и вышел на улицу.

Водителя нигде не было видно. Вспомнив, что он в это время завтракает в соседнем кафе, зашёл туда и увидел его сидящим за столиком.

– Кушай, кушай. Дай ключи, я на минутку за три квартала проеду, – сказал он ему.

Тот кивнул головой, прожёвывая, подал ключи зажигания.

Спустя десять минут Ковалёв был уже возле своего дома. Кузьма в ожидании стоял возле подъезда.

– Ты где был? – спросил отец севшего в машину сына.

– Сжёл сумку и бейсболку в мусорном контейнере, – сын был невозмутимо спокоен.

– Тебя никто не видел?

– Нет. Я в сумку натолкал газет и бейсболку положил туда же, поджёл, а проходя мимо контейнера, бросил туда. Он был пустой... кругом – ни души.

– Молодец... Едем к косметологу.

– Он сразу сделает?

– Не знаю. Поговорим. Откладывать нельзя.

Не прошло и четверти часа, как они уже были в кабинете косметолога. Тот посмотрел на родимое пятно, потрогал его, подумал и предложил:

– Можно прямо сейчас, хотите завтра... ну или позже. Выбирайте... Шлифонём его, и через минут двадцать – домой.

– Тогда сейчас, – твёрдо и уверенно высказал Ковалёв.

– Ну что ж... Одевай бахилы и идём.

После их ухода Ковалёв около получаса ожидал их возвращения и нетерпеливо поглядывал на часы. Секретаря он не предупредил, куда уезжает и зачем, а руководство УВД округа, да и ГУВД города могло позвонить по ряду возникших вопросов по этому тройному убийству, которое взято на контроль в обеих этих вышестоящих организациях. Наконец, Кузьма с заклеенным кончиком носа с той стороны, где было пятно, появился в сопровождении врача. Состояние сына было нормаль-

ным, он даже сиял улыбкой, входя в кабинет, где ожидал его отец.

– Принимайте, Юрий Кузьмич, сыночка... Всё хорошо. Ничего не трогать, не мочить. Наклейка отпадёт сама. Сначала... недельку, другую краснота будет, а потом постепенно исчезнет, и всё будет нормально, в соответствии с кожей лица, – сказал врач, садясь за свой стол.

– Сколько я должен? – спросил тот.

– Нисколько. С друзей я денег не беру.

– Пётр Васильевич, спасибо вам... огромное спасибо.

– Это много, Юрий Кузьмич. Ну, всё... тороплюсь к ожидающему пациенту. Пока! – он встал и протянул Ковалёву руку.

Пожав её, тот благодарно заулыбался и вместе с сыном ушёл. Подвёз его до самого дома и после быстро уехал в отдел.

Как только Кузьма подошёл к подъезду, из-за угла вышло четверо его друзей.

– Ты где болтался? Мы тебя целый час ожидаем, – накинулся на него Твердилов.

– С отцом в больницу ездил, – ответил Кузьма и сразу возмутился: – И не час, а сорок минут... ничего с вами не случилось. Я же не могу отцу сказать...

– Ну, ладно, ладно... хватит базарить. Выноси сумку, – прервал его Твердилов.

– Я её сжёт.

– Как?! А деньги?!

– А деньги отец забрал, чтобы как-то вернуть родственникам тех, которым они больше не потребуются.

– Ты что несёшь, падла?! – завизжал Твердилов, и к Кузьме со всех сторон приблизились остальные, готовые разорвать его.

– Засветился ты, Твердило. Тебя могут опознать. Помнишь «скорую», когда выходили?

– Ну-у?!

– Какого хрена ты смотрел на них? Вот женщина, которую увозили в больницу, видела тебя... со своим внуком спутала.

Кузьма солгал им, перекинул свою оплошность на Твердилова. Эта мысль в его голове зародилась после разговора с отцом.

– А отец как узнал о деньгах? И о том, что мы наехали на квартиру Суслова? – спросил Твердилов.

– О деньгах пришлось сказать мне. Там, в подъезде, было установлено какое-то видеоустройство, – опять соврал Кузьма. – Отец его изъясил, посмотрел и нас всех увидел на записи...

– Надо смываться, – произнёс Павловский.

– Да погоди ты, – возразил нервно Кузьма. – Отец эту запись уничтожил, потому что увидел и меня. Вот он и насел на меня.

– Что же делать будем? – явно суматошно спросил Коваль.

– Отец предложил нам подумать, как заткнуть рот этой бабе, которую «скорая» увозила в больницу. Теперь только она одна может нас посадить.

– А чего тут думать. Пойти и замочить её, – Твердилов был категоричен.

– Да ведь, как я понял из рассказа отца, она в палате не одна. Он был у неё, беседовал, и, якобы, она готова нарисовать фоторобот... тебя, Твердило.

– Сегодня же замочу её... Оденусь под врача, а уколы я могу ставить... два курса ветеринарного закончил. Только надо что-то отравляющее найти, а вот где его взять?

– Я могу найти, – сказал Кузнецов. – Моя девушка в аптеке пашет, я ей скажу, что больную собаку надо умертвить. Думаю, даст.

– Тогда давай... чеши к ней. Час тебе на это. Приносишь, и я пулей в больницу. Да-а... а в какой она лежит?

– В шестьдесят седьмой, – ответил Кузьма.

– Кузнец... шприц с иглой не забудь. А вечером все встречаемся на старом месте. На это всё. Все разошлись.

– Да-а... чуть не забыл, – Кузьма всех остановил. – Отец сказал, что против нас серьёзно действуют начальник отдела Кизелский и начальник угрозыска Кульнёв. Они помешают нам улизнуть.

– Убрать и их. Знаешь, где живут? – взгляд Твердилова был жёсток.

– Кизелского знаю, а того нет.

– Позаботимся и о них. Всё... до вечера.

Перед уходом Твердилов, раздумывая, задержался, придерживая за локоть Кузьму, а потом вопросительно глянул ему в глаза и почти шёпотом произнёс:

– А ты, Кузя, подумай, как нам вернуть деньги.

– А чего тут думать. Он их унёс в отдел милиции и там заявит, что обнаружил в подвале дома Суслова. Деньги в милиции не хранятся, а сразу же отправляются в банк, потом суд решает их дальнейшую судьбу.

– Кто следствие ведёт, знаешь?

– Слышал... Какой-то Кирилин из прокуратуры. Отец сказал, что он сегодня поедет допрашивать эту бабу.

Твердилов задумался, потом, глянув на Кузьму, произнёс:

– Что-нибудь придумаю и о нём, но в первую очередь то, что наметили. Всё. Пока.

Павел Кирилин следователь прокуратуры Северо-Западного округа Москвы обладал эрудицией в оперативно-следственной работе и судебно-медицинско-криминалистических науках. Все расследованные им уголовные дела в судах проходили без возврата на доследование и на высшем уровне. На днях его должность изменилась приказом прокурора города, и он стал старшим следователем окружной прокуратуры, а также был зачислен в резерв на выдвижение на вышестоящую должность. Продолжая расследовать уголовное дело по факту разбойного нападения на квартиру инвестора и его убийства вместе с женой и дочерью после их изнасилования, Кирилин прибыл в больницу и ещё раз допросил Марью Петровну, зафиксировал те показания, которые она дала Ковалёву при беседе. Во время допроса решил уточнить:

– Марья Петровна, поскольку вы заметили на носу того парня тёмное пятно, то давайте-ка более подробно поговорим о носе. Переносье было среднее, глубокое или мелкое? Не торопитесь... вспомните.

Она закрыла глаза и стала вспоминать, а потом открыла и ответила:

– Среднее. Да-да, точно среднее.

– А контур спинки носа... прямой, выпуклый, как бы с горбинкой, вогнутый или извилистый?

– Прямой... да, прямой.

– Основание носа – горизонтальное, опущенное или приподнятое?

– Чуть опущенное. Вот как у меня, – сказала она и показала пальцем на свой нос.

– А вот по форме кончика носа... Каков он? Округлый или заострённый?

– Округлый, и на этой округлости тёмное пятно с левой стороны... ну-у кончик как бы овальный и чуть наклонён к верхней узкой губе.

– Контур ротовой щели можете описать?

– Нет. Я его видела только в профиль... Но могу сказать, что верхняя губа узкая и выступает над нижней, которая чуть шире, чем верхняя.

– Отлично, Марья Петровна... Вы молодец! Теперь перейдём к подбородку... Вспомните... прямой, выступающий или скошенный?

– Скорее, выступающий... и конец круглый.

– Спасибо! А как уши?

– Уши не видела, так как были закрыты бейсболкой с красным квадратиком сбоку чуть ближе к козырьку.

Павел Иванович в раздумье смотрел на свои записи. Допросом был доволен. Художник, поработав, сможет более точно нарисовать профиль этого парня, что успешно послужит в установлении его личности.

– Марья Петровна, а вот затылок его каков был... плоский, круглый или угловатый?

– Затылок... какой-то выпуклый, а по вашему определению, как его назвать?

– Угловатый. Ещё что-либо из числа примет заметили?

– Больше ничего. Это же было мгновение. На других пареньках мои глаза не останавливались, а на этом секундами. Он торопился за ними и шёл последним. Вот его кто-то из них и назвал «Кузей» и потребовал, чтобы тот шёл быстрее.

– Мы сделаем профильный фоторобот, и я покажу вам его, а вы скажете: похож ли он будет на того человека... Хорошо?

– Да, конечно.

Попрощавшись, Кирилин пожелал всем в палате доброго здоровья и уехал в прокуратуру округа. Найдя в своих записях номер телефона приятеля – замечательного художника Мишу Гилязутдинова, позвонил ему и попросил встретиться. Тот ответил, что находится совсем рядом с прокуратурой округа и может зайти прямо сейчас. Спустя десять минут он уже был в кабинете Павла Кирилина. Выслушав его просьбу и прочитав показания Марьи Петровны, нарисовал профиль интересующего следствие человека.

Павел Иванович был доволен.

– Миша, может, вместе с тобой прокатимся в больницу к Марье Петровне? Вдруг придётся что-то изменить или добавить, – попросил его Кирилин.

– Нет проблем. Поехали, – ответил Михаил.

На автомобиле старшего следователя они чуть позже 17 часов примчались в больницу.

Появление старшего следователя и художника в палате улучшило настроение больных. Марья Петровна тоже повеселела, ощущая себя в центре внимания следствия.

– Марья Петровна, вот художник нарисовал профильный фоторобот того парня... Посмотрите. Узнаёте в нём подлинность? – спросил Кирилин, развёртывая лист бумаги.

Глянув на рисунок, она вскрикнула:

– Ну, надо же! Как капля воды похож! Это именно он! Клянусь вам!

Поблагодарив Марью Петровну, старший следователь и художник вышли из палаты довольными и в весьма приподнятом настроении. Идя по коридору, уви-

дели идущего им навстречу врача в медицинской маске на лице со шприцем в руке. Тут же за столиком в коридоре сидела медицинская сестра, которая посмотрела на проходящего мимо врача и продолжила листать чью-то историю болезни. Бросив украдкой взгляд на Кирилина и художника, врач прошёл дальше и направился в палату, из которой они только что вышли.

– Старость многих загоняет в эти учреждения и порою надолго, – промолвил Михаил, подходя к выходу из больницы.

– Да, Миша... старость – это активная, непрерывающаяся сила, разрушающая организм человека... думаю, она берёт начало с момента нашего рождения, усиливаясь с каждым годом жизни, – ответил Павел Иванович, садясь за руль своей машины.

– Согласен. Вот я совсем молодой, а уже иногда нет-нет да и почувствую недомогание.

– Это со всеми бывает. Но тебя Бог, а по-вашему Аллах, наградил умением рисовать с детства. Какие же ты восхитительные картины рисуешь, Миша! Ну, просто загляденье. Смотришь и смотреть хочется.

– Спасибо, Павел Иванович. А вот интересно, у кого вы видели мою работу?

– У Сергея... твоего друга. Их у него несколько и все шедевры. Мне кажется, ты уже достиг нашего пристрастного идеалиста и прагматика, великого художника Илью Глазунова.

– Да ну что вы, Павел Иванович! Мне ещё далеко до него, – поскромничал Миша.

– Твоим творчеством люди радуются, и я от твоих картин обалдеваю... настолько они красивые.

– Так я же вам ничего не рисовал.

– Нет. Но я их видел у других... и не только у Сергея, а ещё у многих... Какие портреты! А пейзажи! Просто чудо!

– Хотите я и вам нарисую?

– Нарисуй. Буду безмерно благодарен.

– Давайте своё фото...

– Не-е... меня не надо. Для портрета я ещё не дорос. А вот за портрет одного из моих знаменитых прокуроров я готов заплатить столько, сколько скажешь... к примеру, Генеральный прокурор Советского Союза Роман Андреевич Руденко или Генеральный прокурор Советского Союза Александр Михайлович Рекунков, или прокурор РСФСР Борис Васильевич Кравцов – Герой Советского Союза, боевой офицер в период Великой Отечественной войны, проживает в настоящее время в нашей родной Москве. Любого из них нарисуй, и я в своём кабинете на видном месте портрет повешу. Фото их я тебе привезу.

– Договорились. Только своими словами вы, Павел Иванович, настолько меня затронули, что никакой платы я брать не буду. Привозите фото как можно быстрее.

– Спасибо тебе, Миша. Обязательно привезу, постараюсь завтра... О-о! А давай сейчас! Кажется, в моём кабинете есть фото двоих, а чьи посмотрим.

Спустя несколько минут после этой беседы они подъехали к прокуратуре. Зайдя в здание прокуратуры, увидели секретаря прокурора округа со взволнованным лицом спешащую им навстречу.

– Павел Иванович, срочно к прокурору! – почти выпалила она. – Он вас ищет.

– Что-то случилось? – спросил тот.

– Случилось, но что я не знаю.

– Миша, поезжай, а фото я привезу тебе.

– Хорошо. Буду ждать.

Тепло попрощавшись, они разошлись.

Войдя в кабинет прокурора, не успел он даже открыть рот, как тот сорвался с места и строго спросил:

– Ты где был?

– В больнице № 67. Допрашивал свидетеля, – ответил Кирилин.

– Поезжай обратно. Она умерла. Врачи подозревают, что её кто-то умертвил.

– Как кто-то? В палате их трое. Они ведь видели, кто входил и что делал.

– Вот они и сказали недоумевающим по этому поводу врачам, что входил какой-то непонятный врач со шприцом, сделал укол в капельницу, и когда ушёл, женщина скончалась. Езжай... оперативная группа с судмедэкспертом уже выехали.

Кирилин кивнул и поспешил с выездом.

На месте происшествия прибывшая группа его уже поджидала. В ходе осмотра он изъясил капельницу Марьи Петровны со сломанной иглой шприца и халат с маской, брошенные за распашными дверями, ведущими на лестничную площадку. Допросил медсестру, дежурившую в коридоре, которая пояснила, что немного удивилась появлению незнакомого врача, а также подверг допросу двух свидетельниц, находившихся в одной палате с погибшей. Они детально пояснили, что в их палату вошёл врач в маске со шприцом, поздоровался и занялся капельницей Марьи Петровны. Втыкая иглу в пробку флакона с содержимым, начал нервничать из-за того, что не мог быстро воткнуть иглу. Но потом всё у него, якобы, получилось, он положил шприц в карман

халата и быстро ушёл, а через несколько минут Марья Петровна начала задыхаться, пытаясь встать, упала на подушку. Они быстро вызвали врачей, которые констатировали её смерть.

Одна из этих свидетельниц взволнованно рассказывала о том, что видела, а другая с перерывами, задыхаясь, подавляя рыдания и закрывая рот рукой, подтвердила сказанное.

Павел Иванович допросил ещё одного очень важного свидетеля. Когда тот входил в больницу, то его чуть не сбил с ног парень, бежавший к выходу. Волосы на голове его были коротко стриженные, остроносый, лицо худое, удлинённое, рост выше среднего. Других примет свидетель назвать не мог. Старший следователь сразу же ухватился за эти показания, понимая, что убийство свидетельницы в больнице имеет прямую связь с убийством семьи инвестора Сулова, так как она проживала в одном подъезде с ними... хорошо, что успели опросить женщину, её показания о парне с тёмным пятном на кончике носа были очень существенны.

Оперативные работники милиции продолжали опрашивать работников больницы и по возможности проводили беседы с больными, пытаясь установить личность лжеврача, совершившего убийство. Однако положительных результатов не добились.

Выходя из больницы, Павел Иванович замедлил шаги от того, что в его голове неотступно присутствовала мысль о парне с пятном на носу: «Где же я его видел? Вроде припоминаю... но у того были волнистые волосы, а это стриженный... Хотя от волос в любое время можно избавиться. Нет-нет. О-о! Вспомнил! Как-то заходя в РОВД, я видел его, стоявшего на ступеньках перед

входом. Значит, к кому-то он приходил! Или кто-то из работников вызывал его. Надо проверить», – и он, сев в машину, направился к прокуратуре округа. Выезжая на улицу Живописная, Павел Иванович ускорил движение автомобиля, преследуя цель быстрее доехать до отдела милиции и заняться проверкой личности того, о ком только что вспомнил. Вдруг из переулка на большой скорости вылетел коричневого цвета грузовик КАМАЗ. Кирилин не успел моргнуть глазом, как тот на полном ходу врезался в правую сторону его машины, отчего его автомобиль опрокинулся, улетев на тротуар через встречную полосу улицы. Всё это произошло на глазах у членов оперативной милицеской группы, выехавшей в это время на ту же улицу. Два работника милиции сразу же кинулись к перевернутому и изуродованному автомобилю, а третий – к грузовику.

С большим трудом Кирилина вытащили из салона машины. Лицо его было окровавлено, сам – в бессознательном состоянии.

Работники милиции вызвали «скорую помощь» и сами всячески пытались помочь пострадавшему. По документам, что были с Кирилиным, узнали, что он является работником окружной прокуратуры. О происшествии сразу было сообщено по рации в дежурную часть отдела милиции, а оттуда в прокуратуру округа. К этому времени вернулся на место происшествия третий оперативник и доложил, что грузовик оказался без водителя, который через правую дверцу незаметно сбежал. Игравшие возле дома дети пояснили, что видели убежавшего вглубь квартала человека, закрывшего лицо ладонями. Оперработник пробежал по всему кварталу,

разговаривал со встречающимися гражданами, но найти беглеца не смог.

Прибывшие на место происшествия работники ГАИ проверили по своим каналам принадлежность грузового автомобиля и сообщили прибывшей вместе со «скорой» оперативно-следственной группе с работником прокуратуры, что грузовик угнан три часа назад.

Врачи на месте произвели все необходимые действия медицинского характера и увезли Павла Ивановича в больницу. Ещё до этого работники милиции при помощи нескольких прохожих граждан, чтобы не произошёл взрыв, поставили его автомобиль на колёса.

На место происшествия прибыли прокурор округа Леонид Михайлович Куприн и исполняющий обязанности начальника 99-го отделения милиции Щукинского района подполковник милиции Юрьев. Детально ознакомившись со всем происшедшим и со сведениями ГАИ, прокурор округа задумчиво произнёс:

– Что-то мне подсказывает, что это не случайность. Кому-то очень помешал Павел Иванович... На мозоль наступил... Думаю, что всё это связано, как с убийством семьи инвестора Суслова, так и с убийством больной женщины в 67-й больнице. Значит, он был на правильном пути... и это случилось как раз во время его возвращения из больницы.

– Очень похоже, – сказал Юрьев и, глянув на прокурора, добавил: – А у Павла Ивановича казусных проблем в личной жизни не было?

– Исключено. В его... не только работе, но и в поведении... личной жизни подобного, о чём вы подумали, не было. Его действия во всём вызывали не только удовлетворение, но и восхищение, нежели что-то против-

ное... Ладно... – и прокурор, повернувшись к следователю окружной прокуратуры Машетову, сказал: – Я поеду в больницу. Надо узнать, как он, а ты продолжай. Кстати... сегодня же создам группу по расследованию дел, находившихся в производстве Кирилина... старшим назначаю тебя. Так что сразу же приступай к их изучению и расследованию. Проследи дорожку в расследовании, которую выбрал Кирилин... и не забудь заняться грузовиком. Там могут быть оставленные следы пальцев рук того, кто сидел за рулём и умышленно совершил ДТП с целью лишить жизни Павла Ивановича. По окончании доложишь мне.

– Хорошо, Леонид Михайлович... Всё будет сделано. Криминалист уже работает в этом направлении, а оперработники милиции обрабатывают дела и устанавливают очевидцев.

Прокурор уехал. Тем временем в больнице врачи, делая всё возможное, привели в сознание Кирилина. Осмотрев его, не нашли переломов костей, обнаружили лишь сильное сотрясение головного мозга, разбитый лоб. Когда пришёл в сознание, он не мог назвать, кто он сам, и что с ним случилось. Так об этом рассказал врач прокурору.

– А сейчас я могу с ним минутку пообщаться, – спросил тот, с нетерпением глядя на врача.

– К сожалению, нет. После капельницы... даже во время прокапывания он уснул.

– Ну, хоть посмотреть на него?

– Хорошо... Идёмте. Только тихо, минуту и уходим из палаты.

Увидев забинтованную голову и часть лица, которое было бледным и распухшим, и услышав тихий стон, по

лицу Леонида Михайловича пробежала лёгкая тень досады и внутренней боли. Губы его вздрогнули, и в этот момент врач потянул его за рукав, другой рукой показывая на дверь.

Оба тихо вышли из палаты, и прокурор, умоляюще глядя на врача, попросил:

– Прошу вас, сделайте всё возможное. Надо какое лекарство, – я найду его, лишь бы он как можно скорее вернулся в строй. Павел претерпел суровые удары судьбы... и благодаря Богу и вам, в том числе, остался жив. Этого покушения на его жизнь он не заслуживает... Трудолюбивый, честный, замечательный работник, уважает людей, и люди его уважают, в работе со своими подследственными честен, справедлив и человечен... Золото-человек. Прошу вас, доктор.

– Мы все работаем именно в этом направлении со любым из больных без исключения. Лекарств не надо. У нас их достаточно. Как только ему будет лучше, я вам позвоню, товарищ прокурор, – ответил врач, и они тепло простились.

Прибыв на своё рабочее место, Леонид Михайлович тут же вызвал к себе следователя Машетова и потребовал от него:

– Доложи то, чего я не знаю.

– За Павлом Ивановичем ехал милицейский наряд, а за ним зелёные «жигули». Как только КАМАЗ врезался в автомобиль Кирилина, «жигулёнок» сразу же нырнул в проулок и исчез. Его нашли работники ГАИ за три квартала. Он тоже значился в угоне. Связь между КАМАЗом и им усматривается. И ещё в КАМАЗе обнаружены следы пальцев рук, но проверка на установление личности ничего не дала. Значит, тот, кто был за

рулём, не судим и не имел приводов в милицию. Незнание в области криминалистики подвела его. Очевидцев, кроме милицейского наряда и ребятишек, не нашли.

– Продолжай самое активное расследование. Павлуша... слава тебе, Господи... сильно не пострадал. Главное, переломов и разрывов нет, а вот сотрясение головного мозга очень сильное. Даст Бог, через недельку другую будет в строю, но напрягаться ему нельзя будет ещё некоторое время, так что будешь посматривать за ним. Прокуратура города взяла бы это дело в своё производство... Объединим убийства и покушение... Это само собой напрашивается. Да, три уголовных дела надо объединять в одно производство! Так ведь ты же креатура куратора следствия – заместителя прокурора города? Может, закинешь словечко?

– Кто это вам такое сказал, Леонид Михайлович? В этой прокуратуре я работаю с момента своего стажёрства после института и ставленник ничейный... разве что только управления кадров, как и все остальные работники.

– Значит, я ошибся... Сам поговорю с замом.

– Вас он лучше поймёт. Вы мудрый человек...

– В каждой мудрости есть личная глупость, – перебил следователя прокурор. – Вот я и тебе предложил поговорить с замом... Разве это не глупость? Настоящая. Если бы ты даже был его ставленником, и я об этом знал, то всё равно такой вопрос должен решать я, а не ты. Извини, Миша! Но вот стоит ли? Так или иначе, город, если и возьмёт дела в своё производство, то всё равно потребует выделение в группу следователей... и нашего, в том числе. Работай! В твою группу я назначу следователя Волкова. А там Кирилин выйдет на работу

и подключится. Не буду разговор по этому поводу вести. Сами будем пока работать, а прокуратура города посчитает нужным, значит сама заберёт дело в своё производство... Да-а, чуть не забыл... В «жигулёнке» следы пальцев найдены?

– Нет. Те либо в перчатках были, либо протёрли перед уходом. Если так, то это значит, что они были ранее судимые или находились под наблюдением милиции.

– Может быть и то, и другое, а может и третье. Хорошо... Иди работай.

Когда следователь ушёл, Леонид Михайлович задумался. Многосторонняя работа прокурора требует многопрофильные знания не только огромного перечня законов, целенаправленной и всеобъемлемой деятельности прокуратуры, но и правового статуса жизни общества. Он размышлял над тем, что сделано, и что надо сделать в областях общего прокурорского надзора, соблюдении законов в гражданском и уголовно-судебном надзорах, в дознании и расследовании уголовных дел, в деятельности милиции и так далее. Перечень работы для «ока государства» увеличивался с давних пор, увеличивается сейчас и будет увеличиваться в будущем.

Его размышления прервал телефонный звонок. «Снова городская по этим убийствам», – подумал прокурор и поднял трубку.

– Лёнь... ну что? Как обещал – придёшь пораньше? – послышался голос жены. – И вообще... ты помнишь, какой у нас с тобой сегодня день?

– Пятница, – ответил он.

– И всё? Это то, что ты можешь сказать?

– А что ещё? У кого-то день рождения?

– У нас с тобой! Совсем закопался в своих законах... Юбилей у нас! Тридцатилетие нашей свадьбы, дорогой.

Через трубку до него доносилось её ровное и спокойное дыхание, такое родное, тёплое, возникло неудержимое желание прямо немедля оказаться дома или, в крайнем случае, в ресторане с женой, которую он страстно любил. А она в это время с трубкой возле уха крутилась перед зеркалом, поправляя пышные локоны, ниспадающие из-под диадемы.

– Солнышко моё... Иринушка! Как же я забыл? Ну, спасибо тебе, что напомнила.

– Ну, так как? Насчёт пораньше?

– Буду, родненькая! Обязательно буду!

Леонид Михайлович уехал домой на полтора часа раньше обычного, а по пути прикупил огромный букет цветов. Дома он переоделся, и они вместе с женой в приподнятом настроении направились в ресторан, где судьба ему устроила неожиданную и неприятную встречу, но заслуживающую особого внимания.

Серия убийств и покушений

Семья Лазаря Анисимовича усердно и активно готовилась к отъезду. Жена – Олеся Юрьевна, семнадцатилетняя дочь Оля и десятилетняя дочь Таня бегали по магазинам, покупая всё необходимое для отдыха на берегу моря. Сам он с семилетним сыном Максимом остался дома, обучая его игре в шахматы. До отправления поезда оставалось чуть больше восьми часов. Сделав с сыном перерыв, Лазарь Анисимович позвонил Ковалёву.

– Юрий Кузьмич, ну как там движение к раскрытию дела Сусловых? – спросил он его.

– Всё идёт хорошо, Лазарь Анисимович. Ребята трудятся на славу. Изготовили фоторобот одного из подозреваемых, раздали всем службам... идёт поиск. Один подозреваемый в бейсболке с красной нашивкой на боку задержан. Ведётся кропотливая работа с ним. Одно не подходит... нос острый и без тёмного пятна, но ранее судим за разбойное нападение, – ответил тот, приукрасив и солгав факт задержания.

Сказав о бейсболке, Ковалёв подумал: «Зря я заставил сына сжечь бейсболку. Надо было подбросить её кому-нибудь и этим направить следствие на ложный путь».

– Ну, молодцы. Работайте. Ежечасно держите на контроле и активно помогайте следователю прокуратуры. Ладно... Давай... Пока!

– Это мы и делаем, Лазарь Анисимович... А вам отлично отдохнуть и благополучно возвратиться к нам.

– Спасибо! – ответил тот и положил трубку.

В это время дверной замок защёлкал, дверь открылась, и в квартиру возвратился женский отряд из похода по магазинам.

– Ну, как вы тут? – спросила Олеся Юрьевна мужа, оставляя покупки возле уже приготовленных чемоданов.

– Учимся материться, – ответил он.

– Как это? Да ты что, Лазарь?

– Завершается игра в шахматы либо матом, либо патом... Вот я и выразился и в шутку, и всерьёз.

– Фу, а я-то подумала... Кто нас увезёт на вокзал? Об этом ты подумал?

– Подумал и вызвал такси.

– А почему не свою служебную?

– Не захотел отвлекать... Работы у них и так много, а мы на такси быстренько доедем до вокзала. Вы пошустрее заканчивайте укладку чемоданов, да будем обедать.

– Есть, товарищ начальник! – весело с улыбкой повиновалась супруга и кинулась к чемоданам.

Медленно день клонился к вечеру. За окном злым лаем захлёбывалась собака. Лазарь Анисимович подо-

шёл к окну, выходящему во внутрь квартала, где росло множество деревьев, среди которых виднелась детская площадка. Возле неё стоял мужчина с собакой в наморднике, которая злобно и бешено лаяла на пуделя, бегавшего возле стоявшей чуть дальше женщины. На верхушке берёзы сидели две вороны и спокойно смотрела вниз всё это. Мужчина всё дёргал свою собаку за поводок, чтобы она замолчала, но та продолжала безудержно лаять. Тогда он потянул её к соседнему зданию, и через минуту лай прекратился. Глянув на часы, а потом на супругу, увлечшуюся телеканалом, Лазарь Анисимович произнёс:

– Наверное, будем одеваться помаленьку!

Вместо ответа послышался её хохот над увиденным в телепередаче. В этот момент раздался звонок в дверь. Он глянул на жену и направился к двери, распахнув её. На площадке стоял высокий мужчина лет двадцати восьми с конвертом в руке.

– Начальник отдела милиции вам передал, Лазарь Анисимович, чтобы вы прочитали и чиркнули свой ответ... Могу войти? – сказал он, удерживая конверт в своей руке.

– Да, входите, – ответил тот и шагнул в сторону.

Мужчина перешагнул порог прихожей и сразу же резко ударил в подбородок хозяина квартиры, свалив его на пол. Затем сел на него верхом и стал душить. В прихожую тихо вошли четверо и стали помогать первому.

Олеся Юрьевна продолжала смотреть телевизор. Оля и Таня находились в своей комнате. Одна читала книгу, а другая просматривала альбом. Максим тоже был в своей комнате, развлекаясь игровой приставкой.

А те, что нагло и бесцеремонно ворвались в квартиру, задушили Лазаря Анисимовича, закрыли входную дверь и все вместе вошли в зал, где находилась Олеся Юрьевна. Увидев вошедших, глаза её от страха расширились, она привстала с дивана и закричала на всю квартиру так, что из комнаты выбежали Оля и Таня, а Максим приоткрыл дверь и, увидев, как высокий кулаком ударил мать, и как она упала на диван, понял, что в квартире бандиты, отца нигде не было видно. Тогда Максим тихо закрыл дверь и залез под кровать. После удара матери, лежавшей без движения на диване, Оля и Таня подняли крик. К ним тут же кинулись двое и стали избивать их, нанося удары по жизненно важным органам, от которых они тоже затихли. Олеся Юрьевна стала приходить в себя, но высокий, увидев это, ещё раз кулаком ударил её в подбородок, и она потеряла сознание. Это была преступная группа Савелия Твердилова. Их коварство и жестокость не знали границ. Кузьма смотрел на всё это, и ему вспомнилось, как Твердило интересовался деньгами, которые были у отца, тут же в голову пришла мысль, что подобное может случиться и в его квартире. Но эту мысль он быстро отверг. Увидев его в таком состоянии, Твердилов разъярённо крикнул:

– Кузя! Ты какого хрена хайло разинул? Посмотри остальные комнаты!

Тот молча и покорно пошёл в комнату, из которой только что вышли девочки, не увидев там никого, перешёл в следующую. Там на кровати лежала Глафира Лукьяновна. Её глаза были закрыты. Он подошёл к старушке, постоял и, засомневавшись в том, что она жива или мертва, нагнулся, чтобы послушать дыхание. Вдруг

её рука резко поднялась, и ножницы воткнулись в его грудь, но остриё попало в ребро. Он отпрыгнул в сторону, ощутив боль и кровотечение, Кузьма схватил табуретку и резко ударил старуху по голове. Рука её безжизненно упала. Кузьма со злости ещё трижды нанёс ей удары и вышел из комнаты.

– Что с тобой? – спросил Твердилов, увидев Кузю, державшегося за грудь рукой, на пальцах была кровь.

– Там старуха была и воткнула мне в грудь ножницы... Ну-у, я её и успокоил... навсегда.

– Глубоко она тебя?..

– Нет. Кровь я увидел только на острие ножниц.

– Значит в ребро попала... В рубашке родился. Запомни этот день. Он будет твоим вторым днём рождения, – сказал Твердилов, заглядывая в ящики комода. – Ищем бабло и надо закругляться. Посмотри ещё в других комнатах и приступай к поискам ценностей. У этого мента должно быть много бабла.

– А что с этими? – и он кивнул на Олесю Юрьевну и дочерей.

– Не оставлять же свидетелей. Мочить будем и увезём в лес, там закопаем.

Увидев, что Кузнецов и Павловский, пользуясь беспомощностью девочек, насилуют их, Кузя указал на это Твердилову, на что тот засмеялся и ответил:

– С Ковалём смените их.

– А ты?

– А у меня вот есть, – и он кивнул, смеясь, на лежавшую без сознания Олесю Юрьевну.

Максиму в это время не лежалось под кроватью. Он вылез и, чуть приоткрыв дверь, увидел всё, что происходило. Там находились все, кроме пятого бандита. Тот

в это время занялся кухней и кладовой, потихоньку выпивая спиртное и закусывая.

Кузя, намеренный выполнить указание главаря, подошёл к двери комнаты и заметил, что она качнулась.

Максим заметил, что бандит двинулся в сторону его комнаты, отпрянул от двери и вновь залез под кровать. Сердце его бешено колотилось, кровь стучала в висках, на глазах выступили слёзы, он еле сдерживал себя, чтобы не закричать. Кузя вошёл в комнату, окинул всё взглядом, заглянул в узкий шкаф, потом под кровать... Увидев там мальчика, схватил его за ногу и вытащил. Максим заплакал, а Кузя хотел было выстрелить ему в голову, но что-то в его груди дрогнуло, он ударил его рукой, в которой держал пистолет, и мальчик перелетел через кровать, ударился головой о стену, упал на пол за кроватью и замолк, потеряв сознание.

Кузя подошёл к нему, но тут же остановился, как будто кто-то его придержал. Развернувшись, махнул рукой и вышел из комнаты.

Твердило в это время насилывал уже задушенную Олесю Юрьевну. В стороне Оля и Таня лежали полуголые без движения. В метре от них стояли Кузнецов и Павловский, застёгивая брюки.

– Угощайся, – со сладкой улыбкой сказал Павловский, показывая кивком головы на девочек.

– Давай, Кузя... приступай! – добавил Кузнецов.

И тот приступил, выбрав Олю.

Так же поступил Коваль, вышедший из кухни. Ему досталась Таня.

Кузнецов и Павловский смотрели на них и на главаря, хохоча, до слёз скалясь.

– Им мертвецы достались, – сквозь некий звериный хохот произнёс Павловский.

Потеряв всё человеческое, они поочерёдно издевались над телами Оли, Тани и Олеси Юрьевны. Похоже было на то, что у них осталось только чувство ненависти ко всем, презирать всё окружающее и наслаждаться тем, что совершают. Они не думали, что делают вызов своему будущему, закону, государству и обществу. Каждая клетка их организма была переполнена отвратительной противоречивой энергией, жестокостью и безрассудством.

Закончив издевательства, они кинулись в поисках ценностей. Забрали деньги, приготовленные для поездки на отдых, женские украшения, наручные часы, принадлежащие Лазарю Анисимовичу, и кое-что из его одежды. Когда и эта работа была закончена, Твердилов сказал:

– Заворачивайте каждый труп в одеяло... вот есть бельевая верёвка, увязывайте и поочерёдно спускайте вниз... в этот садик. Это выполняет Кузнец, а Павло и Коваль быстро вниз, принимайте и укладывайте в авто. Кузя, помогай Кузнецу.

Кузнецов схватил одеяло и стал упаковывать тело Оли. Ему помогал Кузьма. В его голове начались кружиться все совершившиеся события, и он снова вспомнил разговор отца о Лене Глухой.

– Савелий, – обратился он к Твердилову. – Я вспомнил о Лене Глухой... Так вот, этот, – он ткнул пальцев в сторону прихожей, где лежал задушенный Лазарь Анисимович, – дал указание начальнику уголовки срочно найти её, и у них уже есть направление... Рижское шоссе, где она проживает на даче. Если они её возьмут, – она нас заложит.

– Мочить надо... Вот тебе и Кузнецу поручаю срочно заняться этим. Здесь проблем нет. Можете возле дачи, а можете и в городе с ней... Завтра займётесь этим, – распорядился тот.

– Кузя, давай помогай, – возмутился Кузнецов.

Они схватили упакованную Олю, открыли окно и спустили на верёвке вниз. Там её отвязали Павловский и Коваль, после чего быстро унесли в кузов старенького автомобиля ГАЗ-51, угнанного за час до прихода в квартиру Кизелского. Таким же образом они поступили с телами Тани, Олеси Юрьевны и Глафиры Лукьяновны.

– Окровавленные тряпки упаковывайте вместе с трупами! – распорядился Твердилов, всё ходивший по комнатам и заглядывавший везде с желанием что-то ещё взять. – Пол вымыть, всё везде... за что брались руками – протереть и уходим. побыстрее давайте... Да-а... Их вещи, приготовленные к поездке, тоже в окно. Заберём и похороним вместе с ними, а менты пусть думают, что они уехали и там, на юге, пропали. Всё мною продумано... до мелочей.

Труп Лазаря Анисимовича они выбросили через окно, а он упал сначала на одну ветку, потом на другую, третью и скорость падения из-за этого была погашена. Его сразу же положили в кузов ко всем остальным.

Кузьма вспомнил о мальчике. Он знал, что хоть тот и пострадал, но остался жив, и сам не ведая почему, промолчал о нём, не сказав ни слова ни главарю, ни своим соучастникам. Когда всё было завершено, бандиты закрыли на замок квартиру и ушли.

Кузьма, уходя, подумал: «Пацану я дал шанс. Выживет, – значит пусть живёт, всё равно меня не узнает, моя новая бейсболка была сильно надвинута на глаза. Да и

женщин тоже не надо было убивать. Нет же, так захотелось Твердиле. Козлу!»

За руль, как обычно, сел Коваль, рядом – Твердилов, который уселся и посадил возле себя Кузьму, лучше всех знающего Подмоскovie и Москву. Проехав по улицам города, они выехали на Рижское шоссе и как только от МКАДа проехали метров сто, увидели гаишный автомобиль и двух инспекторов возле него. Кузьма сразу же лёг на колени Твердилова, а тот тихо сказал Ковалю:

– Спокойно езжай.

После этого достал пистолет, дослал патрон в патронник, приготовившись к стрельбе.

Инспекторы внимательно смотрели на приближающийся грузовик. И вот один из них уже начал поднимать руку с жезлом, но второй, словно почувствовав опасность, остановил его и что-то сказал, а водителю махнул рукой, чтобы проезжал, не останавливаясь.

Кузьма поднялся с колен Твердилы и сел прямо. Проехав километров пять, Кузя сказал:

– Здесь можно завернуть в лес.

– Поворачивай, – велел главарь.

Петля между сосен и ёлок, Коваль углубился в лесной массив метров на пятьсот и по велению Твердилова остановился.

В кузове было две лопаты. Размер ямы сухой палкой, добытой из валежника, главарь расчертил на земле 2х3 метра и приказал, чтобы рыли глубиной один метр. Копали поочередно. Земля была мягкая, песчаная, поэтому выкопать удалось быстро. Уложив трупы рядком, их сразу же завалили землёй, заровняли верх, забросав игольником и сухими ветками валежника, а затем уехали обратно в город.

Тем временем Максим, лежавший между стеной и кроватью, очнулся. Невыносимая боль в голове не давала открыть глаза, его тошнило, как только приподнял голову, началась рвота. Он схватился рукой за голову и ощутил влагу под пальцами, посмотрел на руку и увидел, что она вся в крови. Мальчик не мог вспомнить о том, что происходило в квартире, и почему голова в крови. Поднявшись, он сразу же упал на кровать. Полежал несколько минут, поднялся снова и, держась за стену, подошёл к двери, включил свет и открыл её. Сделав несколько шагов по залу, снова упал. Опять началась рвота. Спустя полчаса он на карачках добрался до двери другой комнаты, не вставая с колен, окинул мутным взглядом комнату.

– Ма-ма... – простонал он.

Не услышав ответа, Максим так же на карачках добрался до следующей двери, еле поднялся, включил свет, – там никого. Тогда он опустился на колени и снова на четвереньках добрался до входной двери, включил свет и попытался открыть её... не получилось. Посмотрел вокруг и увидел на тумбочке, стоявшей у самой двери, ключи. Максим открыл дверь и вышел на площадку, машинально вызвал лифт. Его двери открылись. Голова закружилась, снова появилась тошнота, и он, не помня себя, оказался на первом этаже. С трудом переставляя ноги и держась за стены, вышел на улицу... там упал на асфальт, ударившись головой. Пролежав неизвестно сколько времени, мальчик очнулся и пополз вперёд. Оказавшись на проезжей части улицы, он снова потерял сознание.

В это время из-за поворота появился милицейский патрульный автомобиль. Увидев мальчика, лежавшего

на проезжей части, милиционеры остановились, осветив его фарами.

– ДТП, – сказал наклонившийся над мальчиком сержант, прощупывая на шее пальцами пульс. – Жив. Давай скорее в больницу... Голова разбита и всё лицо в крови.

Они уложили его на заднее сиденье машины и на большой скорости помчались в больницу. Там врачи осмотрели Максима, приняли все необходимые меры медицинского характера и уложили в постель, а милиционеры по рации сообщили, как о совершённом ДТП, в дежурную часть милиции. Принятые милицией меры положительных результатов не дали. На следующий день в больницу прибыл следователь милиции Симеянц.

– Как мальчик? – спросил он лечащего врача Ивлева.

– Пока без перемен, в том же состоянии. Когда периодически приходил в сознание, я пытался узнать о случившемся, и кто он вообще, – молчит, только тускло смотрит на меня, но недолго, и закрывает глаза. Очень сильное сотрясение головного мозга. Ещё немного понаблюдаем и придётся рентген делать... Соберём консилиум и решим... Возможно, гематома обширная.

– Я вам оставлю свою визитку. Если что изменится – позвоните.

– Хорошо, – врач был настроен на лучшее.

Следователь уехал.

На следующий день по телеканалу прошло сообщение о совершённом ДТП, о сбитом мальчике, и что он в тяжёлом состоянии находится в больнице. Одновременно была высказана просьба к очевидцам сообщить милиции обо всём им известном.

Обдумав всё, Твердилов решил продолжить зачистку свидетелей преступной деятельности своей группы. С самого утра он послал Кузьму и Кузнецова решить то, что было задумано в отношении Лены Глуховой, а сам решил заняться начальником уголовного розыска Кульнёвым, взяв себе в помощники Павловского и Ковалья. Как только Кузя и Кузнецов ушли по своему направлению, он обнаружил в своём решении великую глупость, послав Кузьму к Лене Глуховой, так как Кульнёва мог знать только Кузьма. По поводу своей ошибки он поделился с Павловским и Ковалем.

– Что делать? Как быть? Где его можно увидеть? – вслух размышлял он.

– Были бы все такие проблемы, мы бы сегодня с большим баблом были, – произнёс спокойно Павловский.

– А для тебя это не проблема? – спросил его Коваль.

– Нет, конечно... Как два пальца... таво.

– А ну выкладывай! – оживился Твердилов.

– Звоним из телефонной будки дежурному менту, узнаём телефон этого... главы уголовки... Звоним ему и назначаем встречу... мол, хотим сообщить что-то очень важное... приезжает, и мы тут его и кокнем. Скажете плохая задумка?

Твердилов и Коваль удивлённо смотрели на него, переглянулись и в один голос произнесли:

– Ну, ты и молодец, Павлуха!

Главарь похлопал Павловского по плечу, потом сделал шаг и сказал:

– Идём, братишки, искать телефонную будку.

– Сначала надо найти место, куда пригласим этого мента, а потом будку, – предложил всё тот же Павловский.

– И снова Павлуха молодец! – воскликнул Коваль.

Твердилов завистливо посмотрел на Павловского, но ничего не сказал, застыв в раздумье, а тот сделал вид, что не заметил этого взгляда и ожидал, что тот скажет. Такое же желание начинало расти и усиливаться и у Ковалья. Из той развалюхи, где они находились, открывался очаровательный вид на Тушинский аэропорт, откуда то и дело в небо поднимались с парашютистами, а потом садились двухкрыльные «кукурузники», а также общий вид на Строгинские заводы. Твердилов смотрел на всё это безразлично, думал о другом.

Павловский украдкой наблюдал за ним. Коваль смотрел на грязное помещение, похожее на Авгиевы конюшни, в котором они находились, и у него мелькнула мысль: «А вот сюда мента и пригласить надо. Подходы и подъезды со всех сторон видны».

– Сюда мы его и пригласим, – сказал Твердилов, как будто прочитал мысли Ковалья.

– Он же не дурак, а мент... А если сам назначит место? Что ответишь? – спросил Павловский.

– Вполне может быть... Тогда я соглашусь, а вы будете меня прикрывать. Идём... ищем телефонную будку и звоним.

Все трое покинули развалюху. Свежий бодрящий ветер подул им в лицо, как будто препятствуя их движению. Совершая убийства, они уже вместо жалости или брезгливости ощущали жажду удовольствия, а в их сердцах царило холодное равнодушие к полу, возрасту и положению в обществе убитого. Казалось, они родились с этими нечеловеческими склонностями. И сейчас внутри всех троих возникло приятное возбуждение, влекущее к намеченной цели – очередному убийству.

Вскоре они нашли, что искали, и Твердилов позвонил дежурному отдела милиции, сказав ему, что хочет сообщить очень важную информацию и попросил назвать номер телефона начальника уголовного розыска Кульнёва. Тот беспрепятственно назвал номер, а звонивший поинтересовался именем и отчеством начальника.

– Василий Григорьевич, – сообщил дежурный и положил трубку.

Твердилов заулыбался и подмигнул Ковалю и Павловскому, набирая номер телефона. Послышались короткие гудки. Он повторил набор ещё трижды и, наконец, абонент ответил.

– Василий Григорьевич? – спросил Твердилов.

– Да. Я вас слушаю, – ответил тот.

– Я слышал о вас только хорошее, поэтому и звоню вам. Я располагаю очень важной информацией о готовящемся преступлении... убийстве одной девушки... это одно, а второе об убийстве нескольких человек...

– Кто вы? – прервал его вопросом Кульнёв.

– Не задавайте таких вопросов. Я не должен светиться нигде... ни у вас в отделе, ни по телефону, ни на улице. Нам надо встретиться на пять минут, но вот где? Может, возле этой развалюхи, что рядом со мной...

– В кафе, – перебил его Кульнёв. – Которое рядом с магазином «Океан». Через час. Устраивает?

– Да, конечно. У меня будет газета в руке... скатанная в трубочку.

– А меня вы знаете?

– Нет, не знаю. Только слышал, что вы настоящий мент... Взятки не берёте, честно работаете.

– У меня будет кепка в руке. Ну узнаем друг друга. До встречи.

– Только прошу вас... всего на пять минут. Вас же в этом кафе тоже знают? Для меня это плохо.

– Думаю, что нет. Я туда захожу очень редко, не представляясь, покушаю и ухожу.

– Всё. До встречи.

Повесив трубку, Твердилов весело посмотрел на стоявших рядом Ковалья и Павловского, подмигнул им и с довольным видом промолвил:

– Для нас – это лучше, что в кафе, чем в том сарае. Сейчас быстро в кафе. Ты, – и он ткнул указательным пальцем в грудь Ковалья, – метров на сорок отойдешь от кафе и наблюдай за обстановкой... не подьедут ли менты... они могут быть и переодетые. Если что, сразу же бегом ко мне в кафе... не подходи, а проходи мимо, как-то задень меня, извинись и уходи. Я буду с усами... вот с этими, – он вынул из бокового кармана ветровки усы и показал ему. – А ты, – сказал Твердилов, повернувшись к Павловскому, – Садись на стул так, чтобы сидеть спиной к менту. Как только он сядет, вгоняй ему в спину нож и уходи. Всё понятно?

– А тебе зачем усы? И где ты их добыл? – спросил Коваль.

– Затем, чтобы он меня не узнал... На всякий случай, если так случится, что он останется живым, то будет опознавать меня по усам, которых у меня никогда не было и не будет. Старайся воткнуть ему нож в левую часть спины. А где добыл?.. то тебе какая разница. Чего ты заинтересовался?

– Я и себе хотел. Изменять внешность – это же здорово.

– Всё, всё! Побежали! Мы должны быть на месте намного раньше, чем этот мент.

Все трое направились к кафе. Твердилов всегда находил радость и удовлетворение во время подготовки и совершения преступлений. Три ходки в места лишения свободы приучили его к тюрьме, а особенно к исправительно-трудовому лагерю, как к родному дому. Бывало, находясь на свободе, он даже скучал по этим местам, не считая их наказанием. Приучили его к этому и советские законы, а также милицейские инструкции, которые обязывали брать на учёт ранее судимых и примерять их к каждому не раскрытому преступлению, совершённом после их освобождения. Это он ощутил ещё после первой отсидки. Вернувшись домой, он с радостью окунулся в общество, рассчитывая на тёплый приём. Но, увы! Ему пришлось ходить к участковому и отмечаться, в устройстве на работу ему повсеместно отказывала, а участковый требовал, чтобы он работал, но пальцем не пошевелил в его трудоустройстве. Проходило время. Деньги закончились, а жить-то как-то надо было. Единственный выход для него – воровать или вступать в какую-нибудь преступную группировку. Это повторилось и после следующих освобождений из мест лишения свободы. С каждым разом он совершал преступления всё тяжелее и тяжелее, а теперь дошёл до корыстных убийств. А был бы в государстве орган, который контролировал обязательное устройство на работу лиц освободившихся из мест лишения свободы, и существовал бы закон, наказывающий работодателей за отказ ранее судимому в трудоустройстве, то не только Твердилов, но и тысячи таких, как он, навсегда отказались бы от дальнейшего участия в преступной деятельности. Человек, совершивший преступление и отбывший наказание, не должен наказываться после освобождения. Ведь нака-

зания принимаются даже после того, как в отношении ранее судимого судом снята судимость.

В этом же отделе, где работал Кульнёв, капитан милиции был осуждён к 2 годам лишения свободы. После отбытия наказания он честно работал на производстве, судимость была снята судом, но его не приняли ни в частную охрану, ни в милицию на самую низкую должность, ни в адвокатуру. Так быть не должно. Этот вопрос обсуждался неоднократно Твердиловым, Ковалёвым, Кузьмой, Кузнецовым, Павловским и Остапом Ковалём. Теперь они прибыли к кафе, чтобы расправиться с начальником уголовного розыска не из-за того, что он занимает эту должность, а с целью собственной защиты от наказания, потому как Кульнёв уже сел им на хвост.

Расположившись каждый на своём месте, они стали ожидать прибытие Кульнёва. Твердилов, купив бокал пива, сидел за двухместным столиком, медленно попивая, положив рядом скатанную в рулон газету. Рядом, за другим столиком сидел Павловский спиной к нему и к свободному стулу, на который должен был сесть Кульнёв.

Потихоньку потягивая пиво, осмотрелся... В двух метрах от них, уютно расположившись за столиком, сидели две обворожительные девушки, пили кофе и фамильярно беседовали, не обращая внимания на окружающих. С другой стороны за столиком сидели четверо мужчин и кушали, запивая пивом. Твердилов зорко смотрел за вошедшими после него, стараясь вычислить переодетых работников милиции, если таковые есть. В помещении кафе как-то на минуту воцарилась тишина. В этот момент, словно ветер, появившийся внезапно, рванулась дверь, и в зал кафе быстрым шагом вошёл Кульнёв. Его

глаза забегали по столикам и лицам посетителей и остановились на газете, лежавшей на столике Твердилова. Подойдя к нему, он спросил:

- Вы мне звонили?
- А вы кто будете? – вопросом на вопрос ответил тот.
- Я Кульнёв... начальник угрозыска.

Кульнёв обладал исключительной проницательностью, вот и сейчас взглядом он прошёлся по рукам и одежде усатого мужчины.

– Присаживайтесь, – сказал Твердилов, кивком головы указывая на свободный стул, добавил: – Я побыстрому сообщу вам и удалюсь.

Серьёзное лицо Кульнёва выражало заинтересованность. Он сел, глаза его вопросительно смотрели на Твердилова, в них буквально читалось то, что произнёс вслух:

- Так что вы хотели мне сообщить?
- Вас интересует вчерашнее убийство женщины, мужчины и двоих их детей в их же квартире?
- Конечно. Но такого происшествия в сводке нет.
- А нет потому, что некому было сообщить. Все мертвы.

Кульнёв заинтересовался и тихо промолвил что-то, наклонив голову в сторону усатого.

В это время Павловский неспеша развернулся и с силой, резко воткнул нож ему в спину. Тот издал тихий стон и всем телом упал на столик. Павловский выдернул нож, вытер окровавленное лезвие об его одежду, сунул себе в карман и быстро направился к выходу. Следом за ним поспешил и Твердилов. Всё произошло очень быстро. На улице Твердилов сорвал усы, к ним тут же присоединился Коваль, и они быстро ушли пе-

реулками, и через несколько минут уже были на месте своего пребывания.

Войдя в комнату, Павловский упал на матрас, лежавший на полу и простонал:

– Наконец-то, мы в этом противном постоянном убежище.

Твердилов, снимая лёгкую куртку, улыбнулся:

– Жорж, я уверен в том, что постоянное убежище намного лучше, чем временное пристанище. Ну, что... Ты сегодня молодец. Работу выполнил на «отлично». Теперь будем жить в спокойствии.

А в это время в кафе те две обворожительные девушки, которые сидели недалеко от случившегося, обратили внимание на лежащего на столе мужчину, рядом с которым стоял пустой пивной бокал. Посчитав, что он пил пиво с водкой и теперь этим портит общий престиж кафе, пошли к бармену.

– Можете убрать этого мужчину? Напился и, в общем, неприятно смотреть на него. И вообще у вас ведь водка не продаётся, а он пьян.

– Это где? – спросил тот.

– Да вот, ближе к выходу.

Бармен позвал официантку, передал ей сказанное девушками, и та подошла к Кульнёву.

– Э-э! Мужчина! Поднимайтесь! – стала тормошить она его, но тут же увидела испачканный кровью пиджак на спине, вскрикнула: – Так он мёртв! Звони в милицию!

Бармен буквально подбежал, наложил два пальца на шею Кульнёва и, почувствовав пульс, мгновенно унёсся к телефону.

Спустя пять минут в зал вбежали два работника милиции, а спустя минут пятнадцать прибыли врачи «ско-

рой помощи». Кульнёва срочно увезли в больницу. Туда вскорости прибыл майор Ковалёв, а спустя несколько минут мать Кульнёва и два опера – лейтенант Штефан и старший лейтенант Гузиев. Кульнёв в это время находился в операционной. Больше часа все прибывшие молча сидели в коридоре, ожидая выхода врачей из операционной. Ковалёв в этом тягостном ожидании вспомнил о Кирилине и вдруг заинтересовался его состоянием здоровья, осведомился у дежурной медсестры, в какой он палате, и пошёл туда. Кирилина он увидел лежащим на койке с забинтованной головой и закрытыми глазами.

– Павел Иванович, – тихо обратился к нему Ковалёв, а когда тот приоткрыл глаза, спросил: – Как вы себя чувствуете?

Кирилин ничего не ответил, чуть кивнул головой и опять закрыл глаза. Видя своё неуместное присутствие и чувствуя сердцем в какой-то степени и свою вину в совершённом покушении на жизнь Кирилина, Ковалёв сделал шаг назад и тихо промолвил:

– Выздоровливайте, Павел Иванович.

Выйдя в коридор, он увидел врача, которого плотно обступили прибывшие к Кульнёву. Ускорившись, подошёл к ним и услышал:

– Не волнуйтесь, идите спокойно по домам, ещё раз повторяю – жить будет. Операция заканчивается, а после он будет в реанимации, где посещение невозможно. Поэтому здесь оставаться никому не надо.

Ковалёв подошёл к врачу и представился:

– Я начальник отдела милиции, а Кульнёв мой работник...

– Вы что... не слышали, о чём я сейчас говорил? – перебил его врач.

– Я только что подошёл. Меня интересует его состояние. Ранение пулевое, ножевое?

– Ножевое. Операция прошла успешно. Лезвие ножа прошло в левую подлопаточную область... в сантиметре от сердца. Повезло ему. Жизненно важные органы не задеты. Рана прочищена... продезинфицирована. Так что не волнуйтесь. Всё будет хорошо.

Поблагодарив врача, все разошлись, разъехались по своим направлениям.

Ковалёв, прибыв на своё рабочее место, сразу же вызвал весь состав уголовного розыска, решив провести своего рода оперативку по серии нераскрытых убийств и покушений.

Докладывал старший оперуполномоченный Гузиев. После его доклада Ковалёв так разошёлся, что начал кричать на оперов, угрожать увольнением, стучал кулаком по столу, обзывая присутствующих бездельниками, болванами и остолопами.

– Да сами подумайте... Где ваши результаты?! Тройное убийство семьи инвестора Суслова, убийство пенсионерки в больнице, покушение на убийство старшего следователя прокуратуры Кирилина, покушение на убийство нашего сотрудника Кульнёва, убийство студентки, которое совершено почти одновременно с покушением на Кульнёва, только в разных местах... Как её фамилия? – заканчивая своё выступление, спросил он у оперов.

– Глухова, – тут же ответил оперработник Симонов.

– Вот видите? Серия убийств и покушений. И все глухари. Что скажем начальнику отдела... Лазарю Анисимовичу после его возвращения из отпуска? Да и начальник УВД каждое утро с меня шкуру сдирает. Ак-

тивизируйте работу. Ежедневно докладывать мне о проделанном и о результатах, – продолжал Ковалёв, глядя на старшего опера Гузиева, и тут же добавил: – Все свободны!

В это же время подводил свои итоги и Твердилов. Выслушав доклад Кузьмы Ковалёва и Георгия Кузнецова об убийстве Лены Глуховой, спросил, глядя на их обоих:

– Там не засветились?

– Нет. Всё отлично прошло, – ответил Кузнецов. – Кузя отправил Лену к бабушкам по-тихому. Она сидела возле института на скамейке, а он подсел с левой стороны, ткнул шилом ей в бок и готово.

– Ну-у, попал куда надо?

– Да-а! Мы дождались, стоя незаметно в стороне, когда приехала «скорая». Врачи подошли, осмотрели её и уехали, не забрав, а сказали, чтобы вызывали милицию и прокуратуру. После этого мы и ушли.

– Кажется, теперь всё. Вокруг себя мы расчистили, обеспечив границы собственной безопасности. Правда... прокурорский следак жив остался, но и хрен с ним. Дело расследует другой, а тот пока очухается, всё будет забыто. А если заметим что-то – повторим. С этого дня неделю на улицу ни шагу, кроме Кузи. Он будет нас кормить. Ему надо бывать дома и приносить нам информацию... Я вот о чём подумал... Мы должны легализоваться... устроиться на работу и жить, как все живут, а то в этом положении долго не продержимся. Кто-то пойдёт грузчиком или другим рабочим в ресторан или кафе, другой – вагоны разгружать, третий – ещё куда-нибудь... да и подумать о семьях... Ищем хороших одиноких женщин... с жильём, вот и не будем скитаться, где попало.

Только вот... перед всем этим надо добыть крупную сумму денег, поделиться и начать новую жизнь.

Сказанное всех заинтересовало. Каждому показалось, что вдалеке засветилось хорошее будущее. Но ни один не подумал, что пролитая кровь даром и бесследно не проходит. Обязательно наступит час и день расплаты.

Максим в детском доме

У Максима появились первые симптомы на жизнь: стал открывать глаза, оглядывая палату, подходивших медицинских работников, понимал, что всё, что ему говорили, но за два дня такого состояния не произнёс ни единого слова. Лечащий врач Максима – Ивлев позвонил следователю Сименянцу и сообщил ему о состоянии пациента.

– Ладно. Подожду ещё пару дней и приеду, – ответил тот.

Слухи о мальчике, попавшем под автомобиль, и скрывшемся с места происшествия водителе – распространились среди больных во многих палатах. Дошли эти слухи и до Кирилина, состояние здоровья которого пошло на поправку. После принятия назначенных процедур он решил зайти к мальчику, имя которого никто не знал.

– Привет, сынок! – ласково поздоровался он с ним. – Как ты себя чувствуешь?

Он молча смотрел на своего больничного коллегу, но по его лицу было видно, что он напрягает свои силы и хочет что-то сказать.

– Ладно... Если хорошо себя чувствуешь, ты моргни мне глазами, а если неважно – поводи глазами по сторонам.

Мальчик повел глазами вправо и влево.

Павел Иванович обрадовался тому, что он его понимает.

– Как тебя зовут?

Ответа не последовало. Тогда Кирилин достал из кармана небольшой блокнот и авторучку и вложил ему в руки.

– Ты меня понимаешь... Значит, напиши, как тебя зовут... Своё имя.

Мальчик взял дрожащей рукой блокнот и авторучку, а потом с минуту поразмыслив, написал: «Не знаю».

– Кто твои родители? Их адрес?

Ответ последовал всё тот же.

В это время вошёл врач Ивлев, а за ним и следователь Сименянец. Они пообщались с Кирилиным, представились друг другу, и тот пояснил вошедшим:

– Мальчик письменно ответил на мои вопросы. Вот ответы, – и он показал блокнот. – Он не знает, как его зовут, кто его родители и где проживает.

– Чтобы его, бедненького, не мучить, я сейчас ответы занесу в протокол, – сказал следователь Сименянец, растёгивая свою папку.

На все другие вопросы мальчик отвечал так же. Он не помнил, что с ним произошло, в какой школе учится, кто его друзья и всё прочее. Удар Кузьмы пистолетом по голове, удар головой об стену и удар головой об асфальт – являются веской причиной тяжёлого состояния здоровья Максима. Прошло время, и сейчас он, будучи старшим лейтенантом полиции, уже начал вспоминать

о том периоде, когда лишился родителей и находился на лечении в больнице. Воспоминания, часть которых стали известны из рассказов очевидцев, заставят принять решение крайне опасного характера для лиц, сделавших его сиротой. Максим остановился мысленно на больнице, в которой находился в своём детском возрасте, и с потерей памяти на лечении.

Кирилин в то время, до самой своей выписки из больницы, ежедневно приходил к нему и беседовал, пытаясь возвратить ему память, но ничего не получалось. Пришёл радостный момент – к Максиму возвратился дар речи, но память не возвращалась. Наступил день выписки из больницы, и он по решению соответствующих органов был передан в детский дом, где рос, воспитывался и учился, занимался спортом, особенно посещал занятия в секции «Каратэ».

С начала исполнения обязанностей начальника отдела милиции майор Ковалёв продолжал состоять в этом статусе, и тут наступила дата выхода из отпуска подполковника милиции Лазаря Анисимовича Кизелского. Ковалёв волновался, не зная, как быть. О случившемся в квартире начальника в день его не состоявшегося отъезда с семьёй на отдых он догадывался из скупых ответов на его вопросы сына Кузьмы, но подробностей не знал. Используя свою хитрость, он на следующий день в присутствии старшего лейтенанта Кульнёва, вышедшего на службу после лечения в больнице, стал звонить на квартиру Лазаря Анисимовича. После долгих гудков в трубку он промолвил:

– Странно... начальник должен был выйти на работу вчера. Я ему звонил, – слукавил он, потом добавил: – И сегодня звоню... Никто не отвечает. Не вернулся что ли ещё из отпуска?

– Вы о ком, Юрий Кузьмич? – спросил Кульнёв.
 – О нашем начальнике... Лазаре Анисимовиче.
 – Такого не может быть, чтобы не вернулся. Он в этом плане дисциплинирован и аккуратен. Может, что случилось?

– Всё может быть... На юге жара... Может, сердечко прихватило, а может, что-то другое... Василий Григорьевич, а ты съезди к нему на квартиру... Может, что с телефоном? Соседей спроси, если в квартире никто не ответит, да и вскрыть бы её... глянуть как там.

– Хорошо. Прямо сейчас и поеду.

– Поезжай... поезжай, Василёк, и сразу доложи.

Тот выехал немедленно. Долго звонил в дверь, но никто не открыл. Он обратился к соседям, но те ничего заслуживающего внимания и интереса не сообщали. Тогда Кульнёв послал водителя за «медвежатником», который вскрывал любые дверные и сейфовые замки, а его он хорошо знал по своей работе как человека, давно «завязавшего» с преступной деятельностью. Тот, по прибытию, в несколько минут открыл дверь. Кульнёв с понятыми вошёл в квартиру и, обнаружив в ней чистоту и порядок, велел закрыть квартиру, процессуально задокументировав вскрытие квартиры и осмотр, после чего возвратился в отдел милиции, зашёл к Ковалёву и доложил:

– Товарищ майор, в квартире никого нет.

– Ты вскрывал её? – спросил тот.

– Пришлось. На многократные звонки никто не отвечал. В квартире чисто, аккуратно. Никаких следов, говорящих о возвращении начальника и его семьи, нет.

– Чемоданов и прочего?

– Нет и этого.

– Странно. Буду звонить начальнику УВД. А ты узнай, в какую здравницу они уехали, и позвони туда.

– А кто их провожал? Ваш водитель увозил их?

– Лазарь Анисимович отказался. Вызвал такси, а мне сказал, что не хочет отвлекать нас от работы. Попробуй таксиста найти.

– Есть, – ответил Кульнёв и вышел.

В свой кабинет он сразу же вызвал своих оперов лейтенантов Штефана и Симонова, и старшего лейтенанта Гузиева.

– Вот что, ребята... Из отпуска не вернулся наш начальник отдела с семьёй. Сегодня второй день, как он должен был выйти на работу. Я осмотрел его квартиру, следов возвращения не обнаружил. Тебе, Ваня, – он обратился к Штефану, – поручаю найти таксиста, который отвозил шефа и его семью на вокзал и опросить его. Тебе, Игорь, – он посмотрел на Симонова, – узнать в какой турфирме куплены путёвки и куда... Позвонить по месту отдыха и узнать о приезде и отъезде их. Коля, – он обратился к Гузиеву, – а мы с тобой займёмся работой по убийствам семьи Сулова, Лены Глуховой и покушением на следователя прокуратуры Кирилина и на меня тоже, хотя на меня... мы работаем в тихую, так как этим занимается угрозыск УВД.

– А я слышал, что они работают по всем убийствам и покушениям, – возразил Гузиев.

– Это так. Но по покушению на меня... я не имею права работать, так как считаюсь заинтересованным лицом. Вопросы есть? Вопросов нет. Тогда все за работу.

Тем временем Ковалёв доложил начальнику УВД о невыходе на работу начальника отдела Кизелского и осмотре его квартиры.

– Ваши дальнейшие действия? – спросил тот.

– Поручил Кульнёву найти и опросить таксиста, увозившего семью Кизелского на вокзал, установить место их отдыха, дату приезда и дату отъезда, а также опросить соседей по дому, – ответил Ковалёв.

– О результатах доложите мне.

– Есть, товарищ генерал!

В трубке послышались короткие гудки. Майор положил трубку и стал размышлять в надежде, что теперь перед ним безотказно откроются широкие перспективы, он будет назначен на должность начальника отдела. Розыск подполковника и его семьи никогда не увенчается успехом. Одновременно с этим сердце его было полно тревожными предчувствиями. В голове всплыла боязнь разоблачения, которое может возникнуть в результате болтливости или хвастовства кого-либо из преступной группировки, в которой состоит его сын. Тут же родилась мысль о незамедлительном уходе сына из этой банды, но надо было это сделать так, чтобы не возбудить гнев главаря. Молнией промелькнула мысль о безвозвратной его ликвидации.

– Надо как-то намекнуть сыну, – проговорил он вслух.

О жестоких убийствах, совершённых бандой Твердилова, он старался не нагружать Кузьму своими вопросами, о конкретных фактах и их деталях, делая вид, что ему, как отцу и как майору милиции, об этом ничего не известно. Так же он поступил в отношении полной ликвидации семьи Кизелского, пенсионерки в больничной палате и студентки Лены Глуховой, а также после покушения на убийства следователя прокуратуры Кирилина и начальника угрозыска Кульнёва. Лишь по фак-

ту убийства семьи инвестора Суслова он не мог перед сыном притворяться, так как тот сам подробно рассказал ему обо всём. В дальнейшем он информировал его намёками. Однако сын отца понимал по своему, считая его своеобразным дирижёром безопасной деятельности противозаконной группировки, направленной на сокрытие совершённых тяжких преступлений.

Ковалёв позвонил домой. Ответила супруга.

– Нина, где там Кузьма? Хочу поговорить с ним.

– А его дома нет, – ответила она.

– Позвонит или придёт, скажи, что надо с ним поговорить. Пусть ждёт моего возвращения с работы.

– Если объявится, скажу.

День проходил для Ковалёва в реальных сложностях. Постоянные звонки вышестоящего руководства по поводу создавшегося положения в районе, на которые он не мог чётко и полно ответить об итогах принятых мер, постоянно возбуждали в нём беспокойство. Ближе к вечеру явился Кульнёв с докладом о дневной работе оперов. Ковалёв встретил его глазами полными ещё большего беспокойства, боясь положительных результатов, касающихся убийства семьи его начальника. Но тут же сам себя успокоил: «Надо, чтобы мною управляли не только взвинченные чувства, но и рассудок».

– Судя по твоему лицу, Василий Григорьевич, ты ничего хорошего мне не принёс, – промолвил он, холодно и высокомерно глядя на него, откинувшись на спинку кресла.

– Это точно, Юрий Кузьмич, – ответил тот и стал докладывать. – Установили таксиста, спросили... и он рассказал, что приехал по вызову к дому в назначенное время, долго ожидал, но никто не выходил. Тогда он

позвонил диспетчеру, а та позвонила заказчику такси, тоже никто не ответил. Он поднялся к его квартире и стал звонить в дверь. Так никто её и не открыл. После этого он уехал.

– Вот оно что?! Значит, кто-то другой увёз их на вокзал? Тогда кто?

– Не факт. Позвонили в здравницу, которую с трудом нашли, и там ответили, что семья Кизелского не приезжала по причине им не известной. Я уже думал над этим... Они могли поехать к морю «дикарями», чтобы не платить немалую стоимость, а там что-то с ними случилось. Реализуя эту мысль, я позвонил в отдел милиции, поговорил с начальником уголовного розыска, объяснил ему сложившуюся у нас ситуацию, попросил его помочь... и он пять минут тому назад позвонил мне... Никаких сведений о семье Кизелских нет... Опросили мы и соседей по месту жительства начальника... тоже всё бесполезно. Никто ничего пояснить не мог. Каких-либо следов о совершенном преступлении нами не обнаружено. Что делать дальше, товарищ майор?

– Да-а, дела... Ума не приложу... Доложу генералу. Моё мнение подождать ещё денька три, а потом принять решение, если ничего не изменится.

– Вот я ещё хочу запросить связь и узнать о последних звонках с домашнего телефона начальника. Может, там найдём какую-нибудь ниточку.

– Хорошо. Иди, работай, а я буду докладывать генералу.

Кульнёв ушёл, а Ковалёв позвонил начальнику УВД. Тот выслушал его доклад и ответил:

– Очень странно... Но что-то точно случилось... Давай-ка ещё три дня подождём, хотя вы работаете по

установлению причины исчезновения, а потом надо возбуждать уголовное дело и активно его расследовать... Чувствую, что-то плохое случилось. Если бы хорошее, то уже Лазарь Анисимович позвонил бы, а так молчит. Держите меня в курсе всех событий.

Положив трубку, Ковалёв подумал о группе, в которой находился его сын, и ему неудержимо захотелось её уничтожить, кроме сына, конечно, но как? Сам он этого не сделает, а кого-то просить, значит самому засветиться. С этими мыслями он вернулся домой. Там его уже ожидал Кузьма.

– Ну что, поговорим или ужинать будем? – спросил он его, видя, как супруга суетится на кухне.

– Поужинаем, а потом поговорим. Я никуда не тороплюсь, – ответил сын.

– Даже так? Не ожидал. Ну ладно... потом поговорим, а сейчас пошли ужинать.

За ужином сидели молча. Каждый думал о своём. Закончив трапезу, оба поднялись и пошли в отцовский кабинет. Отец уселся в своё кресло, а сын в другое.

– Что, сбежали твои дружки? – начал отец.

– С чего ты взял?

– Ну, ты же сегодня не торопишься.

– Решили тихо отсидеться.

– Правильно решили, а ещё было бы правильнее, если бы они вообще исчезли. Придумай что-нибудь... Они только навредят тебе, да и мне тоже.

– А что я могу придумать? Приказать? Попросить? Я уже сам думаю, как от них избавиться.

– Скажи мне адрес их места нахождения, и я займусь ими. Понимаешь, Кузьма, любой из них, если попадёт

в руки Кульнёва, как пить дать, сдаст всех вас. Я в этом уверен на сто процентов.

Эти слова отца застигли Кузьму врасплох, и он подумал не только о своих соучастниках, но и о себе лично. До него дошло, что он исполнял в этой группе преступников роль сторожевого пса, а теперь и роль кормильца. Для обеспечения им свободы и защиты от действий милиции и прокуратуры носил полученные от отца информации, да и отец, зная об их существовании, занимая столь высокую должность правоохранителя, работал на них из-за него же и умышленно оберегал их от возможного задержания и ареста. А теперь они, как медведи, в своей берлоге залегли, обязав его носить им продукты питания, а также продолжать информировать о возможной опасности. Кузьма подумал и о пользе своего пребывания в этой группе. Самое выгодное убийство, которое она совершила, а он был её прямым и активным соучастником, является лишение жизни семьи инвестора Суслова. Все остальные, в том числе покушения, совершены только в связи с ликвидацией свидетелей и в целях собственной защиты. Убийство начальника милиции и его семьи совершили тоже по этой причине, но обогатились совсем немного. К тому же Твердилов дал ему мизерные деньги и на порядок меньше, чем другим. На этом убийстве Кузьма свои мысли остановил и глянул на отца.

– Пап... так твоего начальника мы замочили в твою пользу... Теперь ты станешь начальником?! – сын словами перекладывал вину.

– Как?! Вы замочили Кизельского?! И его семью?! – вскричал он.

– Ой, пап... не надо прикидываться! Ты разве не с этим намёком мне говорил? Именно с этим. Я же так

преподнёс и братве... ну-у не то, что это тебе выгодно, а по-другому...

– Тише говори, – отец понял, что слишком уж они разгорячились. – Ой, ой как же ты меня неправильно понял, – прозвучало в оправдание. – Я не знал и не думал, что вы такое сделаете.

– Не надо языком молоть бред. Я же тебя хорошо знаю и понимаю. Давай не будем... А от них и в самом деле надо избавляться. Вот ты просил их адрес... Ну дам я его, а ты пошлешь своих ментов, и они начнут стрелять... Так вот представь... кто-то из них вдруг останется раненым, попадёт в больницу, а дело ведь будут расследовать не твои, а прокуратура. Он возьмёт да и сознаётся во всём. Что тогда ты сможешь сделать? Ничего. Поэтому сам я решу эту проблему. Пусть уезжают навсегда и подальше. А меня бери на работу в свою ментовку... как обещал.

– Хорошо. Начнёшь с милиционера, а дальше будешь расти, но как ты это сделаешь, чтобы они исчезли?

– Сделаю. У меня уже и план созрел. Пусть это тебя не волнует. Ты лучше умело отбивайся от Кизелских.

Отец посмотрел на сына и остановил свой взгляд на его носу. От тёмного пятна не осталось и следа. Лишь чуть покраснение ещё есть, но и оно постепенно сходит.

– А нос у тебя хорош стал. Ещё немного – от тёмного пятна и следа не останется.

Кузьма ему ничего не ответил. Задумавшись, он «пролистывал» варианты плана избавления от соучастников. Сначала придумалось, что он в еду, которую принесет им, подсыплет отраву, и таким образом они все погибают. Надёжность этого варианта удовлетворяла его, но появилось чувство жалости. Твердилова, конечно, он

недолюбливал, за его нахальство, невежество, грубость и его напыщенную важность в обращении с другими, а остальных уважал, как друзей. Поэтому сразу отказался от применения этого метода. Второй вариант для него показался самым подходящим. Он является к ним в панике, сообщает об опасности и грозящем аресте, и они уезжают. «Вот это то, что надо», – рассудил он.

– О чём задумался, Кузьма? – спросил отец, толкая его рукой в колено.

Тот как бы очнулся, посмотрел уверенным взглядом и соврал:

– О работе милиционером.

– Ты же не хуже других. Вон сколько молодых ребят работают в этом статусе... и у тебя получится.

Они ещё долго обсуждали тему затеянного разговора.

На следующий день Кузьма сходил в продовольственный магазин, купил продукты и приехал к своим соучастникам. В помещение, где они жили, не вошёл, а влетел с лицом, полным беспокойства и страха. Увидев его таким, Твердилов взволнованно спросил:

– Что-то случилось?

– Случилось, Савелий... Беда. Вам надо немедленно уезжать из города и больше сюда не возвращаться. Мой домашний телефон вы знаете... Можете иногда позванивать. Меня же отец в ментовку зовёт на работу...

– Нахрен мне нужна твоя ментовка, – сердито перебил его Твердилов. – Говори, что случилось, а не ходи вокруг да около!

– Отец позвонил мне намеренно, чтобы спасти вас. Сказал, что в ментовке знают адрес, где вы находитесь, и готовятся выезжать. Он их ещё часок придержит. Хуже

всего то... что все, кроме меня и Коваля где-то засветились. У них есть ваши фото и сведения о личности каждого. Всё, ребята, собирайтесь... Я вас вывезу за пределы Москвы, только скажите в каком направлении... Ярославль, Рязань, Киев, Ленинград... вывезу вас на первую железнодорожную станцию, а дальше уж вы сами.

Твердилов опустил на ветхую табуретку и задумался, прикидывая, в какую сторону податься, а через минуту произнёс:

– Киевское направление.

– Тогда я вас довезу до Наро-Фоминска, – заявил Кузьма и тут же поторопил: – Собирайтесь побыстрее, не то опоздаем.

Те шустро собрались и сели в машину Кузьмы. Только они отъехали, как увидели мчащиеся навстречу им два милицейских автомобиля, которые сыграли на руку Кузьме. «Как здорово, вот это нужный случай для меня», – подумал он, а соучастникам сказал:

– Вот видите... если бы немного задержались, могли бы не успеть.

– Спасибо тебе, Кузя. Ты настоящий брат, – и Твердилов одобрительно закивал головой, а остальные в такт этим словам оживлённо загудели.

До Наро-Фоминска они доехали быстро. Там прошли в здание вокзала, купили билеты до Киева, а когда поезд подошёл, простились с Кузьмой.

Возвратясь в Москву, Кузьма поехал к отцу. Увидев входящего в кабинет сына, тот вопросительно посмотрел на него и заволновался:

– Что-то случилось?

– Не дай Бог, – ответил Кузьма. – Всё... уехали в Киев. Я проводил их до Наро-Фоминска и посадил в поезд.

– Ну, молодец, сынок... Вот это очень хорошая новость. Ну и, надеюсь, наказал им, чтобы они сюда не возвращались?

– Конечно. Нагнал им страху.

Губы отца искривились в весёлой улыбке и, ошеломлённый услышанным, радостный вышел из-за стола и пожал сыну руку.

– Ну, что... может, начнём оформляться? А чего тянуть? Коль пришёл, значит начнём.

Он дал Кузьме соответствующие бланки для заполнения, а сам позвонил начальнику УВД, доложил о ходе оперативной работы по нераскрытым убийствам и покушениям, а также о работе сына в милиции, после чего получил дополнительные указания, которые и радовали его, и обязывали принимать меры с положительными результатами.

Поставщик смерти

Максим, находясь на воспитании и учёбе в детском доме № 39 Тушинского района Московской области, зарекомендовал себя с положительной стороны. Этому способствовали его примерное поведение, успешная учёба и дружеские отношения с другими воспитанниками. Этим он снискал всеобщее уважение к себе. Но его настоящее имя «Максим» нигде не значилось, и его прошлое не было известно ни ему, ни сотрудники детского дома. Прибыл он в это детское учреждение с подаренным именем Сергей Сергеевич Средин.

Поскольку его нашли на улице как пострадавшего от дорожно-транспортного наезда в среду, так вот этот день недели сам собой напросился в фамилию. Воспитывался он так, как в порядочной семье, – в теплоте и заботе воспитателей и учителей. Однако душа его болела, сам того не понимая, где-то из глубин подсознания он время от времени ощущал чувство тоски от разлуки и привязанности к отцу, матери и сестрам, которых он пока ещё вспомнить не мог. Постоянно задаваемые ему вопросы: кто его родители, где они живут, где он учился, где жил

с родителями, – систематически заставляли думать об этом. От этого и был уверен, что где-то есть его родители, а почему-то он оказался в детском доме, что является для него фатальным, загадочным совпадением между случившимся в жизни и нахождением здесь.

Шли месяцы и годы. Тёплое отношение работников детского дома, крепкая дружба со всеми ребятами-сиротами и занятия спортом укрепляли его организм.

В одно прекрасное время состоялась в детском доме встреча с работниками прокуратуры и милиции. Их выступления Максим (он же Сергей) слушал, затаив дыхание. Глядя на полковника милиции, его взволновала его форменная одежда, и в памяти закралось предчувствие, что он когда-то, где-то видел её на хорошем и знакомом ему человеке, но вспомнить отца в этой форме не мог. Когда же правоохранители закончили свои выступления, ответили на ряд вопросов, их обступили детдомовцы, засыпав дополнительными вопросами. В их числе был и Максим. Воспользовавшись моментом секундного затишья, он спросил старшего советника юстиции – представителя прокуратуры Московской области:

– Скажите, а что необходимо иметь, чтобы поступить на службу в органы прокуратуры?

Тот с добротой посмотрел на мальчика и сказал:

– Представься, сынок.

Слово «сынок» как будто обожгло радостью его сердце. Когда-то давно он слышал это, но так давно, что это лежало в архиве памяти и не хотело всплывать оттуда.

– Средин Сергей Сергеевич, – с дрожью в голосе ответил он.

– Надо хорошо закончить школу, поступить и закончить юридический институт, а потом... с радостью милости просим.

– Серёжа! – обратился к нему полковник милиции, стоявший рядом с прокурором. – Тебе так хочется работать в органах прокуратуры? А как насчёт милиции? У нас есть даже колледж милиции. В нём можно закончить среднюю школу и легко, даже на льготных условиях, поступить в юридический милицейский институт.

– А где находится колледж?

– При ГУВД города Москвы. Тебе сколько ещё надо учиться, чтобы получить аттестат?

– Два года.

– Ну вот... Бери согласие вашего руководства, готовь документы и добро пожаловать. Вот моя визитка... Если что, звони. А я с твоим начальством поговорю.

– Они мне не начальники.

– А кто же?

– Отцы и матери, – сказал Сергей, и на глазах заблестели слёзы.

– Тем более... Думаю, они препятствовать не будут.

– Даже помогать будем, – сказала заместитель директора детдома, подойдя к мальчику и обняв его по-матерински, поцеловала в макушку. – Приходи, Серёженька... решим твой вопрос.

Вскоре он уже оказался в милицейском колледже № 1, получил форменную одежду и приступил к учёбе.

К этому времени убийство его матери, отца, тётки и двух сёстр оставалось не раскрытым. Уголовное дело не значилось, как возбуждённое по факту убийства, а как в отношении без вести пропавшей семьи, в которой одним из членов этой семьи – значился и Максим.

В самом начале расследования, с целью установления родителей Максима, он был сфотографирован и показан по телевидению. Но в то время его лицо было распухшим и изменившимся, поэтому никем не был опознан, после чего он был отправлен в детский дом.

За это время многое изменилось, как в стране в целом, так и в жизни каждого. Ковалёв Юрий Кузьмич сменил Романа Андреевича Гудкина, стал начальником УВД округа и получил звание генерала-майора, а его сын Кузьма закончил заочное обучение в юридическом институте и состоял в должности старшего оперуполномоченного уголовного розыска, имея звание старшего лейтенанта милиции. Кульнёв Василий Григорьевич принял должность начальника районного отдела милиции и состоял в звании полковника. Кирилин Павел Иванович занимал должность заместителя прокурора административного округа Москвы, имея классный чин старшего советника юстиции, курирующий следствие.

Твердилов, раз, а иногда и два раза в год звонил Кузьме, узнавая об обстановке, а тот постоянно снабжал его ложной информацией, что все они, якобы, находятся во всесоюзном розыске. Звонил Твердилов то из Киева, то из Одессы, один раз из Львова, хвастаясь дружбой с Дмитрием Ярошем – основателем и руководителем националистической организации «Тризуб» имени Степана Бандеры, ставшим ещё кроме этого и писателем. Звал он Кузьму к себе на Украину. Но тот отвечал, что не может из-за службы в милиции, а также по причине, связанной с карьерным ростом отца, ставшим генералом.

Кузьма, как некоторые другие честно работавшие опера, не катился материально вниз по склону, а нао-

борот поднимался вверх, находясь в плену мздоимства. Без получения взятки он ничего не делал. Даже бывали случаи, когда требовал деньги не только от лиц, совершивших преступления, но и от потерпевших.

Бизнесмен Свеклов обратился с заявлением о том, что ранее судимые Агапов и Егоров требуют уплаты за якобы их «крышевание», чего не было вообще, и угрожают расправой. В ходе беседы с потерпевшим Кузьма твёрдо заявил:

– Таких и других заявлений у нас море, поэтому ждите, когда дойдёт очередь до вашего, тогда и займусь.

– И сколько мне ждать? – спросил Свеклов.

– Думаю пару месяцев.

– Да вы что?! Они укокошат меня или кого-нибудь из членов моей семьи.

– А я что могу сделать? Бросить все остальные заявления, а заняться только вашим? Извините... нас очень мало, а вас очень много. Мы просто не успеваем.

– Но у вас есть много заявлений против неизвестных субъектов, а у меня известные. Бери и сажай.

– По неизвестным тоже работать надо, а вот по известным надо ещё доказать... субъективную сторону причастности к преступлению.

– Ну и что мне делать? Идти под нож?

Кузьма сделал вид, что задумался, а потом ответил:

– Я сейчас позвоню одному оперу... может, он возьмётся.

Поднял трубку телефона внутренней связи, временно находящейся на ремонте, и стал якобы набирать номер.

– Алло! Борис пусть возьмёт трубку... Боря, у меня сейчас сидит человек, который заявляет, что его прес-

суют двое «крышующих», требуя деньги... Да, бизнесмен. Ты можешь заняться срочно и только ими?! У меня очень много заявлений... Да, перегружен... Ага... Так... Не знаю, а сколько... но я скажу заявителю, а там уж как он решит. Да, я тебе немного помогу. Ну, всё... я позволю, – положив трубку, он глянул на заявителя и спросил: – Ну вы всё слышали?

– Слышал, но не понял. Он что... просит плату за работу? Я правильно понимаю?

– Да. Он отложит всё и займётся только вашим вопросом. Ну, так что сказать ему?

Овладевшее заявителем неприятное ощущение не мог прогнать от себя и с некоторым пренебрежением смотрел на опера, немного раздумывая, потом выдал своё слово:

– Ладно... Согласен. Сколько?

– Он просит полторы тыщонки.

– Рублей?

– Баксов. Кто будет пахать за копейки.

Заявитель, скорее, от возмущения, глубоко вздохнул, нахмурился и исподлобья смотрел на Кузьму.

Воцарилось неловкое молчание.

«Размышляет: согласиться или нет. А может, подбирает нужные слова», – думал Кузьма, глядя на него.

– Пусть будет так. Когда, куда и кому принести? – выдавил из себя заявитель.

Не отвечая на вопросы, он снова поднял трубку и начал разговор:

– Он согласен... Спрашивает куда и когда тебе принести... А мне зачем? Нет, нет... Мне ничего не надо. Мы живём в достатке, а тебе это нужнее. Так куда? Фу, ты... Ну ладно, ладно... Потом заберёшь у меня. Но не под-

веди меня и сразу же займись этими уродами. Человека надо спасать. Ты же понимаешь... – положив трубку, Кузьма притворно улыбнулся и, глядя на заявителя, проговорил: – Мне принесёте, а я ему передам. Он займётся вашей «крышей» немедленно. Вы это сразу почувтите... Я его хорошо знаю.

Заявитель инстинктивно почувствовал, что является объектом наживы не только для преступников, но и для работников милиции.

Такие же своего рода сценарии Кузьма проводил систематически.

А заявитель, выйдя из его кабинета, что-то пробормотал и плюнул на пол. В это время у него за спиной оказался проходивший по коридору начальник уголовного розыска майор Гузиев. Увидев такое поведение гражданина, он ускорил шаг и взял его за локоть, останавливая:

– Гражданин, почему вы это сделали? Помещение отдела милиции вы считаете свинарником?

– Извините... так получилось, – ответил тот взволнованно.

– А получилось по какой причине? Из кабинета вы вышли с обиженным видом... После допроса? Вы являетесь свидетелем?

– Потерпевший.

– А ну-ка идите за мной.

– А вы кто?

– Я начальник уголовного розыска... Гузиев моя фамилия, – заходя в свой кабинет, он решительно захотел узнать, в чём же дело: – Так, что произошло в том кабинете, отчего вы так расстроились?

– Ничего особенного.

– Хорошо... тогда я по-другому спрошу... Зачем вы приходили к оперуполномоченному?

– Я обратился с заявлением к дежурному, – и он рассказал о причине обращения. – А он послал меня в тот кабинет к Ковалёву.

– И что... благоприятная беседа не получилась?

Заявитель безнадежно махнул рукой. Лицо его осталось патетическим. Гузиев стал суровым и нажал клавишу внутреннего переговорного устройства.

– Ах, да... забыл. Не работает, – сказал он и набрал номер телефона по городской линии.

Заявитель обратил внимание на цвет формы трубки переговорного устройства, а также на слова начальника о неисправности внутренней связи и вспомнил, что опер разговаривал по таково же цвета телефону. Он догадался, что был обманут.

– Зайди ко мне с тем заявлением, которое только что оставил тебе гражданин Свеклов, – потребовал Гузиев от Ковалёва и, положив трубку на телефонный аппарат, сказал заявителю: – А вы побудьте в коридоре. Я вас приглашу.

Тот поднялся и направился к выходу. В дверях он лицом к лицу встретился с Ковалёвым, который злобно бросил на него взгляд.

Положив заявление Свеклова на стол начальника, Кузьма без всяких приглашений сел на стул, откинулся на спинку, перекинув ногу на ногу, стал с небрежным самоуверенным видом разглядывать свои ногти на руках.

Гузиев прочитал заявление и, подняв голову, спросил его:

– Что ты сказал этому заявителю?

– Совершенно ничего, – холодно ответил тот.
 – Я всё знаю, о чём вы говорили..
 – Если знаешь, Николай Петрович, так зачем спрашиваешь? – перебил его Кузьма и вытаращил на него глаза. – Пошутил я, а он, наверно, принял за правду.

– И сколько ты ещё шутить так будешь?

– Могу не шутить.

– Ты пользуешься защитой отца? Так вот запомни... Если ещё раз подобное повторится, я не посмотрю на генеральские погоны, а сразу же доложу начальнику ГУВД. Сегодня пока... буду разговаривать с начальником отдела, а он с твоим отцом.

– Чего ты меня пугаешь? Хочешь – разговаривай! На свою голову, – возмутился Кузьма и, омерзительно скривив губы, упёрся взглядом в лицо Гузиева.

Тот взял заявление Свеклова и учинил резолюцию, потом пристально с негодованием посмотрел на Кузьму и тихо, но жёстко произнёс сквозь зубы:

– Пошёл вон... оборотень!

Тот вскочил, на лице яростно заиграли все оттенки отвратительных чувств. Дойдя до двери, он повернулся и резко бросил:

– За эти слова... ответишь! – а проходя мимо ожидавшего заявителя, прошипел: – А ты, сука, за эту кляузу заплатишь!

Гузиев позвал Свеклова, пригласил присесть за приставной столик и спросил:

– Может, всё-таки расскажете, о чём шёл разговор у вас с Ковалёвым?

Тот молча достал из кармана диктофон, включил его и поставил на стол перед Гузиевым. Прослушав запись с начала и до самой угрозы Кузьмина после выхода из

кабинета Гузиева, начальник ОУР покачал головой и возмутился:

– Какая сволочь! – а потом, обращаясь к Свеклову, попросил: – Вы можете оставить мне этот диктофон... при следующей встрече я вам его возвращу.

– Без проблем. Могу подарить вам его.

– Нет, не надо. Мы прокрутим запись его отцу... пусть знает, каков его сын. А ваше заявление я адресовал замечательному старшему оперу... Игорю Степановичу Симонову. Он с вами сейчас поговорит.

По телефону Гузиев вызвал его, объяснил ситуацию, передал ему заявление Свеклова и проводил их для взятия объяснения и дальнейшей работы, а сам дал взбучку дежурному, который без надлежащего оформления передаёт заявление оперу. После этого он зашёл к начальнику отдела, доложил ему и включил для прослушки диктофон.

Тот настолько разволновался, что позвонил Ковалёву, которого проинформировал, и дал прослушать запись разговора сына с заявителем. Ковалёв, естественно, возмутился его действиями и пообещал строго разобратся. Не прошло и пяти минут, как он вызвал сына к себе в кабинет. Кузьма спокойно вошёл, хоть и понимал, что тучи сгустились, видя отца в недобром духе.

Несомненно, Юрий Кузьмич понимал, что в прошлом был негласным соучастником преступной группировки Твердилова, однако продолжающие коварные действия со стороны сына потрясли его. До него, наконец-то, дошло, что если эта информация дойдёт до вышестоящего руководства, то ему придётся распрощаться со своей должностью. А сейчас, когда сын вошёл в его кабинет и, глядя на него, бесцеремонно жуёт жвачку, вскипел:

– Ты что же это, подлец, творишь? – закричал он, выходя из-за стола. – Почему подставляешь не только себя, но и меня под меч закона?

– Что я такого сделал? А ты-то почему веришь этим тварям, а не мне? Я...

– Не смей! – перебил его отец. – Не смей на порядочного человека и замечательных работников милиции так говорить. Я прослушал запись диктофона... Тебя уже сейчас надо арестовывать и сажать за решётку. Твои действия ведут не к созиданию, а к разрушению спокойной жизни и работы.

– Давай арестовывай... сядем вместе. Ты же у нас дирижёром был, когда мы уби...

– Молчать! – резко оборвал его своим окриком Ковалёв-старший, будучи ошеломлённым поведением собственного отпрыска. – Ты ничтожество, а не сын. Я подумаю, куда тебя перевести, постараюсь на такую должность, где ты не сможешь залезть в чужой карман.

– А не надо мучить себя... и думать... Я уволюсь и уеду к своим друзьям на Украину, – ответил Кузьма удивительно спокойно и холодно, продолжая жевать жвачку. – Они зовут меня к себе.

События выходили за рамки обычного. Где-то со стороны соседнего дома звучала трогательная музыка, проникая в кабинет через открытую форточку. Отец смотрел на сына отсутствующим взглядом и не верил своим глазам, что перед ним стоит его продолжение. Уверенный тон сына и сами слова поразили окончательно. Он ведь должен был перед отцом-генералом стоять взволнованным, виноватым, смущенным, возможно, заискивающе улыбаться и даже тогда, когда неудержимо хотелось кричать, а он хладнокровно наглеет... да ещё делает

намёки с угрозами. Отец увидел в нём устойчивую решительность на опасное и худшее. Почувствовав перемену в характере сына, подобно той, при которой любой зверь чувствует опасность, он спокойно вымолвил:

– Присядь, – показывая сыну на кресло, сам же присел в своё.

Тот вынул жвачку изо рта, бросил её в мусорную корзину, стоявшую под столом у ног отца, и, подойдя к креслу, опустил в него. Их взгляды встретились. Один не первой свежести и умоляющий, а другой молодой, напористый, самоуверенный, жестокий и холодный.

– И ты подумал, что я хотел взять у этого взятку? – с кривой улыбкой спросил Кузьма.

– А как ещё?

– Я тебе объясню... У нас раскрываемость не ахти, хуже, чем в прошлом квартале. Вот в мою дурную голову и залетела мысль срубить «палку», и процент чуть-чуть повысился бы... Он принёс бы деньги, а я бы задокументировал как дачу взятки. Вот и весь сказ... Если хочешь, я сейчас честно, как на духу, тебе это говорю, – Кузьма на ходу придумывал отмазку.

– Сынок, я тебя понимаю, но лгать мне не надо. Я знаю, где ты закопал свою честность и добросовестность, – начал отец, но увидел, что тот ехидно улыбается, добавил: – вместе с моей. Да, да, Кузьма, с моей. Ты своими действиями при соучастии с другими твоими дружками... поставил меня на гадкую тропу против закона. Но давай не будет об этом... Я прошу тебя не делай противозаконного, не подводи себя и меня. Измени в корне своё отношение к работе, людям... да и ко мне. Понимаешь, сынок... Везение не может быть долгим, устойчивым, бесконечным. Может наступить... незамет-

но... в один миг такое, что злейшему врагу не пожелаешь... и ни я, ни кто другой уберечь от этого или исправить, а также помочь не сможет.

Кузьма сидел и слушал с опущенной головой, уткнувшись глазами в пол. Когда отец закончил, он поднял голову и уверенно произнёс:

– Я понял, папа. Прости... Подобное больше не повторится.

Сказанное отцом стало для Кузьмы убедительным аргументом и заставило логически мыслить, он сразу сник, а чувства к внутренней независимости и непомерной гордыни враз исчезли. На него нахлынуло унылое настроение.

Видя свою победу над неуправляемым сыном, Ковалёв после нанесения словесного сокрушительного удара, скорее, от радости, чем от волнения, вытянув к нему шею, произнёс:

– Мо-ло-дец! Я рад, что ты понял и осознал свои ошибки и действия. Постараюсь успокоить руководство отдела, а ты со своей стороны помоги мне и себе.

– А как я это сделаю?

– Подойди к Кульнёву, а потом к Гузиёву, извинись, поясни то, что ты мне только сейчас говорил, и заверь, что подобное не повторится... А после этого честно и добросовестно исполняй их законные указания. Вот и всё. Незаконных они тебе давать не будут... в этом ничуть не сомневаюсь.

– Хорошо, папа... Так и сделаю. Ну, я пойду?

– Иди. После твоего извинения они мне позвонят. Этим ты успокоишь всех.

Кузьма ушёл. Спустя час Ковалёву позвонил Гузиёв, а ещё через двадцать минут и Кульнёв. Оба доложили о

явке к ним Кузьмы, а также о его извинениях и заверениях. Казалось, они были довольны, однако генерал у обоих почувствовал нотку сомнения в правдоподобности объяснения умысла направленного в адрес заявителя Свеклова.

В связи с проведением оперативных мероприятий, Кузьма вернулся домой около одиннадцати часов ночи, но, улёгшись в постель, длительное время не мог уснуть. Мучили и разговор с отцом, и извинения перед Гузиёвым и Кульнёвым, а больше всего кололо душу стукачество Свеклова, сдавшего его Гузиёву. Ничего вдохновляющего он в этом не видел. Естественно, он понимал, что, благодаря отцу, он ускользнул от больших неприятностей. Однако самолюбие брало верх и вызывало внутреннее возмущение. И тут он вспомнил, что Свеклову угрожали лишением жизни и его семье тоже те, на которых он ему жаловался – Агапов и Егоров. Кузьма тут же в своём воспалённом мозгу начертил план дальнейших действий в отношении Свеклова. С этого времени он с неудержимым желанием ожидал, когда наступит время, и Симонов пригласит Свеклова для выполнения очередных оперативно-следственных действий.

И это время наступило.

К этому времени уголовное дело уже было возбуждено и в связи с угрозой убийства его расследовала следователь прокуратуры младший советник юстиции Лобанова. В этот день она, при обеспечении старшим оперуполномоченным ОУР Симоновым порядка проведения следственного действия, пыталась произвести очные ставки с подозреваемыми Агаповым и Егоровым. Однако те не явились. Узнав об этом, Кузьма даже обрадовался. То, что он задумал, должно неотвратимо лечь

на их головы. Закрыв свой кабинет, он вышел на парковку, где стоял его автомобиль, сел за руль и отъехал на небольшое расстояние, откуда была видна машина Свеклова, находящегося на парковке.

Спустя минут двадцать Свеклов вышел и выехал за пределы парковки. Кузьма последовал за ним. Преодолев несколько перекрёстков, Свеклов свернул на парковку возле универсама. Там он оставил автомобиль, а сам пошёл в магазин. Кузьма надел на лицо медицинскую маску, оставил свой автомобиль за пределами парковки магазина и стал прогуливаться по тротуару возле парковки у универсама. Проходящие не обращали на него никакого внимания, считая, что он заболел гриппом и в целях безопасности для посторонних надел маску. Где-то через четверть часа Свеклов вышел из магазина с двумя пакетами продуктов в руках. Подойдя к своей машине, открыл багажник, положил пакеты и сел за руль. В этот момент передняя правая дверца резко открылась, и на сиденье сел Кузьма, которого Свеклов не узнал. Приставив ему нож к боку, он сразу же спросил:

– Что... ждал меня у следователя?

Ощувив укол в ребро, Свеклова охватило волнение, и смелость покинула его.

– Не надо... Прошу тебя. Хочешь... я заберу заявление... и больше не буду обращаться...

– Диктофон есть? – перебил его Кузьма.

Свеклов подумал секунду и ответил:

– Есть, но он чист.

– Включай.

Как только диктофон начал запись, Кузьма изменил голос до хрипоты и произнёс:

– Так зачем ты на меня и Агапова настучал ментам? Только честно.

– Боялся за свою семью. Вы же угрожали не только мне, но и моей семье. Я заберу заявление... заберу сегодня же. Вернусь и заберу.

– А если тебе его не отдадут?

– Тогда я изменю показания... Скажу, что хотел напугать вас... пусть меня накажут. Прости меня, а, Егоров? Будь человеком. Я буду всё делать так, как вы оба скажете.

– Кто тебя из оперов допрашивал?

– Ну-у... Симонов и его начальник Гузиев.

– Ещё кто? И кто самый первый?

– Этот... как его... Ковалёв.

– А почему тебя перебросили к другим? – спросил Кузьма и поднёс кулак к носу Свеклова.

– Да... он... заторопился куда-то... Мы с ним поспорились.

– Из-за чего?

Свеклов замолк, не зная, что ответить. У него даже мелькнула мысль в голове: «А не Ковалёв ли это нож приставил мне в бок?»

– Из-за денег.

– Что, требовал взятку?

– Да нет... Ни для него, но я подумал, что он хочет что-то со мной сделать... и ушёл, рассердившись, а в коридоре меня перехватил Гузиев и затащил в свой кабинет.

– Ну ладно... это меня не интересует. Так будешь нам платить?

– Клянусь, буду!

– Аккуратно? Без напоминаний?

– Да... ежемесячно.

– В три раза больше?

– Нет... не в три раза... Вы же совесть имейте... мне же тоже надо семью кормить... да и одеваться тоже, а плата коммунальная какая... Ну ещё половину той суммы, которую я платил... куда ни шло.

– Вот за то, что на нас стукнул ментам, мы тебя оштрафуем... Три месяца подряд ты отдашь нам всю прибыль, а дальше будешь пятьдесят процентов. Согласен? – спросил Кузьма, глядя на Свеклова, отрицательно покачал головой и снова поднёс кулак под его нос.

Но, не зная, что отвечать, Свеклов умоляюще смотрел на Кузьму, а тот жестами стал показывать, чтобы тот отрицать начал.

– Нет, не согласен, – произнёс тот. – И вообще... не пошли бы вы...

– Ну, тогда получай, падла!

Резким движением Кузьма вогнал нож в бок Свеклова. Тот тихо вскрикнул, глаза его расширились, голова медленно наклонилась на руль, из рук на пол выпал диктофон. Кузьма поднял его носовым платком, чтобы не оставить следов своих пальцев, и сунул его в боковой карман костюма Светлова. После этого, окинув взглядом парковку, вышел из машины, протерев ручку дверцы, закрыл и медленно ушёл за магазин, а через квартал повернул к своему автомобилю и быстро уехал.

Охранник магазина часто выходил на крыльцо покурить и ближе к концу дня обратил внимание на автомобиль со спящим на руле водителем. Выйдя в очередной раз, он снова увидел ту же самую картину. Тогда он, подойдя к машине, постучал в стекло дверцы, но водитель не отреагировал на стук. Охранник открыл дверцу, по-

трогал водителя за плечо и, почувствовав неладное, двумя пальцами стал нащупывать пуль на шее, но пульса не было. После этого, вернувшись в магазин, позвонил в дежурную часть милиции, сообщив о происшествии.

На место выехала оперативно-следственная группа РОВД Щукинского района, со следователем прокуратуры. Во время осмотра трупа Свеклова в его кармане был обнаружен диктофон, запись которого была прослушана. Оперработники сразу же стали устанавливать, кто такой Агапов, так как эта фамилия прозвучала в записи. На следующий день уже было установлено, что РОВД района «Строгино» ведёт поиск Агапова и Егорова. Ознакомившись с находившимися там материалами следователя, стало понятно, что разыскиваемые умышленно не явились на очную ставку со Свекловым, а караулили его, а потом совершили убийство. Диктофонная запись и материалы следствия позволили объявить обоим в розыск.

Кузьмин, узнав об этом, был доволен. Человеческая кровь на его руках не высыхала, а собственные действия не заставляли беспокоиться, принося лишь удовлетворения. Для людей он стал настоящим доставщиком смерти.

Встреча, вызвавшая слёзы

Учёба в милицейском колледже Максиму нравилась, а особенно пребывание в летних лагерях под Истрой. Там он начал обучение в секциях боевого «самбо» и продолжал заниматься «каратэ», активно посещал занятия в секции «ушу». К выпускному дню он уже был спортивно высокоподготовленным, а школьные предметы сдал на «хорошо» и «отлично». Все необходимые документы ушли в приёмную комиссию милицейского института. Число абитуриентов в милицейские и прокурорские высшие учебные заведения было немалое, и начальник ГУВД города Москвы пригласил своих абитуриентов на личную встречу. Вместе с другими прибыл и Максим. После выступления главы милиции города и трех ветеранов, двух парней и двух девушек, их всех повели на экскурсию по зданию. Подойдя к месту памяти работников милиции, отдавших свои жизни в борьбе с преступностью, Максим обратил внимание на большую фотокарточку в рамке, под ней он прочитал, что начальник ОВД района «Строгино» Кизелский Лазарь Анисимович выехал на отдых и вместе со своей

семьёй без вести пропал. На этом фото он увидел и себя в детские годы. Тут всё в его памяти всплыло, сложилось как по волшебству, он вспомнил почти всё, и имя своё, в том числе. По телу прошла дрожь, в голове всё перевернулось, он ещё раз поднял глаза на фото.

– Папа! – громко закричал Максим и так же громко вырвалось: – Мама!

Губы его задрожали, по щекам потекли ручьём слёзы. Подойдя к фотокарточке, он прильнул к ней губами и навзрыд заплакал. В памяти стали всплывать некоторые детали происшедшего в их квартире, когда он был ещё только первоклассником.

К нему сразу же подбежали его ребята, и каждый наперебой стал спрашивать:

– Серёжа, ты что? Кто это, Серёжа?

Он повернулся к ним с залитым слезами лицом и промолвил:

– Я не Серёжа... Максим я... А это моя семья, – и ткнув пальцем в семилетнего мальчика, добавил: – А это я.

Начальник ГУВД подошёл к нему, обнял, прижал к своей груди и успокаивающе произнёс:

– Успокойся, сынок. Пойдём ко мне в кабинет, поговорим.

Зайдя в кабинет и видя, что Максим продолжает плакать, генерал налил ему в стакан воды и предложил выпить. Тот выпил и сел в кресло, на которое указал начальник ГУВД.

– Серёжа, ох, извини, Максим, что ты вспомнил... там, в коридоре? Соберись, возьми себя в руки и в спокойном состоянии расскажи. Горе любого из нас когда-то посещает, вот никак не хочет обходить стороной. Наступает неожиданный момент в жизни, и мы обязательно

сталкиваемся с превратностями судьбы. Вот и ты их испытал, – и генерал с добротой посмотрел в изумительно красивое, но заплаканное лицо Максима. – Состоялась неожиданная встреча с семьёй?

– Там, – и он кивнул головой в сторону коридора, – написано, что отец на отдыхе пропал без вести... Это не так. В моей памяти чётко всплыл эпизод, когда бандиты убивали в зале нашей квартиры маму и двух девушек...

– Разве это были не твои сёстры? – перебил его генерал.

– Сёстры? Надо подумать, – ответил Максим и задумался. – Да... сёстры! Они ведь есть на фотографии... но я их лиц не видел, когда бандиты на полу их душили... Да, да... а вот маму... видел её лицо наполненное ужасом.

– А отец где в это время был?

– Не помню.

– Ну, а ты как живой остался?

– Не помню тоже.

– А где ты находился, раз видел их?

– В комнате... да в комнате. Это была наша квартира... Моя комната... я приоткрываю дверь... вижу то, что я сказал... удар... и больше ничего не помню.

– Куда же делись все остальные члены твоей семьи?

– Не знаю. Если эти бандиты душили маму и сестёр, значит задушили, а отец не защищал из-за того, что он, наверное, уже не был жив. Я так думаю. Иначе бы вступился за свою семью, иначе и быть бы не могло. А можно ещё водички? – попросил Максим и покраснел.

Ему стало не по себе от высказанной просьбы, подумал, что этим нарушил правила этикета и уже хотел было отказаться от воды, но было поздно. Перед ним уже стоял наполненный водой стакан.

– Вот, Максим, после долгих лет терпеливого ожидания ты, наконец, узнал, что зовут тебя вовсе не Сергей, а Максим, и нашёл свою семью, которой, наверное, уже нет в живых... Я употребил слово «наверное» потому, что мы ещё... с тобой, сынок, не видели их, и не знаем, где они, если живы... или же... где их тела, тоже не знаем. Будем искать. Это дело резко изменится, я лично возьму его на постоянный контроль. Всё это будет после твоего допроса следователем.

В этот момент дверь открылась, и в кабинет вошёл мужчина в светлом костюме с уголовным делом в руках.

– Товарищ генерал! Ваше приказание выполнил. Дело из архива истребовал. Вот оно.

– Присаживайтесь, а дело дайте мне, – ответил начальник ГУВД. Начал изучать его.

Максим до боли напрягал мозги, чтобы ещё хоть что-то вспомнить, но не смог.

Мужчина в штатском бросал взгляды то на него, то на читающего генерала. А тот, закончив читать, поднял голову, взглянул на Максима и спросил:

– А тебя сбил автомобиль?

– Нет... Я же в комнате был.

– Но тебя обнаружили без сознания на проезжей части возле дома, в котором все вы жили. Как там оказался?

– Не знаю, товарищ генерал.

– А враги были у твоего отца?

– Может, и были, но я об этом ничего не знаю.

– Хорошо, Максим... Сейчас тебя допросит следователь... Иван Григорьевич Кравченко, – и он кивнул в сторону мужчины в светлом костюме, – и дело будет переквалифицировано, а потом передано в прокурату-

ру по подследственности. Если же ты ещё что-нибудь вспомнишь, сразу к следователю. Понял?

– Так точно, товарищ генерал!

– Поступаешь в наш институт?

– Так то...

– Отвечай по-простому, – перебил его начальник. –

А может, пойдёшь к нам на работу, а на учёбу – заочно? Тебе сколько лет?

– Шестнадцать – семнадцатый.

– О-о... не пойдёт... Учись пару лет, а потом можно.

В какой службе ты хотел бы работать?

– В уголовном розыске.

– Поговорим тогда в 2006 году, а сейчас идите, – и генерал глянул на обоих. – А после, – он остановил взгляд на следователе: – Зайдёте ко мне.

– Есть! – ответили в один голос оба и ушли.

Генерал, поразмыслив минут пять, позвонил начальнику УВД Ковалёву. Тот радостным голосом, как это делал всегда, ответил.

– Ты же работал вместе с Кизелским?! – сказал генерал.

– Лазарем Анисимовичем? Да работал, – ответил тот, не меняя своего голоса и настроения.

– Так вот. Мы нашли его сына, Максима. И теперь знаем, что Кизелский с семьёй не пропал без вести, а был убит в своей квартире. Уголовное дело, которое расследовал твой следователь Сименянец, будет переквалифицировано и направлено в прокуратуру по подследственности. А мальчик теперь не Средин Сергей Сергеевич, которого вы отправили в детский дом, а Кизелский Максим Лазаревич. Вот так-то. Ты-то рад?

– А-а... как-то... Вы как... уз-знали о-обо всё-этом? – потеряв дар речи, заикаясь ответил тот.

– Очень просто оказалось. Ребята из детского дома и одновременно с нашего колледжа, которые собрались поступать в милицейский институт, прибыли к нам по нашему приглашению, а с ними и Максим... Вот он и узнал своих родителей на большой фотокарточке. Так что займитесь возвращением их квартиры, а также имущества Максиму, а также восстановлением его личности.

– А-а... не с-сказал, кто у-убивал?

– А ты чего заикаться начал? Что, есть и твоя вина в этом?

– Не дай-то Бог... Я о-опешил, узнав радостную в-весть, товарищ генерал. Так назвал он кого-нибудь?

– Нет пока. Но уже хорошо, что память начала восстанавливаться. Решите вопрос с квартирой – позвоните мне, но я тебе поручаю. Все вопросы разрешить в пределах месяца... и не больше.

– Буду стараться, товарищ генерал.

Положив трубку, Ковалёв схватился за голову и сам про себя произнёс вслух:

– Всё хорошо и благополучно не закончилось... А всё плохо... может быть только начинается.

За весь период жизни он не потрудился воспитать сына добропорядочным, законопослушным и патриотом, заложить в него честность, уважительное отношение к пожилым, детям и женщинам. И сейчас, когда судьба схватила его за хвост, в голову полезли только мысли о спасении и защите. Он уже начал строить планы, направленные на недопущение разоблачения. «Надо предупредить Кузьму. А вдруг этот Максим видел его там... в квартире... О-о! Не дай Бог! Может, его...

к отцу отправить? Пока не поздно?» – пронеслось в голове, и он тут же позвонил Кузьме.

– Сынок, срочно ко мне, слышишь... срочно!

– Что-то случилось? – спросил в тревоге тот.

– Случилось... И крайне беспокойное.

Спустя минут десять он уже заходил в кабинет отца, стараясь угадать по его тревожному лицу о случившемся.

А тот нервно расхаживал по кабинету, грызя ногти и о чём-то размышляя. Остановившись и глянув в глубину глаз сына, он произнёс:

– Беда, сын... большая беда.

– И в чём она заключается? – с насмешкой спросил тот.

– А в том, что Максим... сын Кизелского жив и здоров. В институт милиции поступает... Узнал своего отца и всю семью... и вспомнил то, что не без вести они пропали, а убиты в их же квартире. Сам факт убийства он якобы видел.

По телу Кузьмы пробежала дрожь, в горле пересохло. Он достал из кармана пачку сигарет, повертел её и опять положил на место.

– Он назвал тех, кто совершал убийства? – спросил, подходя на дрожащих ногах к стулу и садясь на него, Кузьма.

– Не назвал... Еще память к нему полностью не возвратилась... но может, не сегодня, так завтра всё вспомнит.

– Какой же я болван... тупой... идиот.

– Почему ты так говоришь?

– Да потому!.. Когда мы стали грузить всех... и уже закончили, я вспомнил того пацана, который подсма-

тривал за действиями моих корешей, приоткрыв дверь, а я влетел туда и шарахнул его по калгану пистолетом... Он, как мяч, отлетел и ударился о стенку... Кажется, я его ещё раз ударил... так вот... погрузили всех, а за ним пойти я поленился. Он остался в той комнате.

– Эх, Кузьма, Кузьма! Не варит у тебя башка. Что теперь делать? Он ведь тебя может вспомнить, коль вспомнил своих.

– Может, его... таво? – вкрадчиво и тихо промолвил тот.

– Я этого не слышал. Но надо думать.

– А что если я уволюсь... да уеду на Украину к своим корешам?

– Ты, что... хочешь так жить до конца своей жизни? Там тоже кого-то грохнете и будете отвечать по всей строгости закона. А там уже тебе никто не поможет. Надо здесь что-то придумать, а вот что... ума не приложу.

– Ну, что тут можно придумать? Долбану между двух шаров, и он забудет то, что помнил, – сердито сказал Кузьма выражением, позаимствованным у своего соучастника и главаря Твердилова, а потом подумал и добавил: – Нет, всё-таки мне надо уезжать... Не увидит меня, а значит и не опознает.

– А если где-то... ну-у... в кадрах увидит твоё фото... Может опознать. Видишь, сын, варианты есть... далеко не в твою пользу, – с намёком на убийство Максима произнёс отец.

– Ёлки зелёные... я только начал уважение заслуживать... да с каким трудом, а тут на тебе... этот объявился.

– Да, сын... Уважение заслужить ох как тяжело, а потерять совсем легко. Тебе подобало бы знать ещё в ран-

ние годы о порядочности и не терять это чувство... и не совершать разные гадости.

– Знаешь, папа! – перебил он отца. – А ты разве не подталкивал меня на эти гадости своими намёками?

– Я? Да ты что? Когда это было?

– Всегда... и сейчас это делаешь. Своими намёками ты советуешь подумать, как мочить Максима... мол, другого варианта нет. Мне остаётся только грохнуть его и дальше жить спокойно. Разве не так?

Возмущённый словами сына, Ковалёв подавил в себе раздражение. Он хорошо понимал, что если наступит день его краха, то следом то же самое будет и с ним. Хорошо знал и о решимости сына, его жестокости, отсутствии благоразумия, о низком, эгоистическом и алчном нраве, чего хватало и у самого, непорядочности и массе других негативов.

– Сынок, я тебя на самое страшное не настраиваю и не делаю никаких намёков, а просто рассуждаю. Но ты ведь из моих рассуждений выбираешь то, что тебе по душе. Не надо меня обвинять в том, чего я не заслужил. Подумай и над другими вариантами... К примеру, финансовыми... Вдруг он клюнет... Я могу тебе в этом помочь.

– Папа, ты красиво можешь говорить... прекрасно знаю про это... но не надо крутить хвостом, заметая свои следы там, то есть в том, что мы натворили. Возьмём вопрос о твоём бывшем начальнике, которого мы грохнули... Разве не ты расшифровано намекал на его ликвидацию, преследуя цель не столько избавления нас от уголовной ответственности, сколько чтобы сесть в его служебное кресло? Я ничего не придумываю, сам знаю... сомневаюсь в реальности дать ему на лапу. Ты ведь скаредный человек...

– Я? – перебил его отец. – И почему это я скупой? Что я для тебя пожалел и не сделал?

– Не только для меня, но и для моих корешей ты пожалел... Где те огромные деньги, что мы взяли у инвестора Суслова? Ну-у... скажи.

– Я же их сдал...

– Не надо, папа! – снова перебил его сын. – Я всё проверил. Не сдал ты ни единой копейки. Они у тебя. Ну-у... давай... честно сознайся.

– Ну не сдал. А знаешь почему? Да потому, что возникнет ко мне масса вопросов, на которые я ответить не смогу, а они касались бы и вас всех.

– Может быть, ты и прав в этом, тогда почему чересчур и основательно материально наказал не только меня, но и моих корешей?

– Я сомневался в вашем благоразумии... Гульнёте... начнёте швырять деньгами налево и направо... и засветитесь. Ей Богу, я правду говорю. Вот я тебе и сказал, что готов материально помочь в решении вопроса с Максимом. Я, конечно, могу сносить твои оскорбления, но они застревают в твоей голове, а это не очень хорошо.

– Во-первых, это не оскорбления, а истина происшедшего. Что было, то и есть. Ладно, давай больше не будем об этом, а что касается финвопроса, то он не подходит. Как я ему предложу? Да и не уверен, что Максим клюнет на это... Я подумаю, что можно предпринять. Поговорю с Твердиловым... а он может на пару дней приехать... и показать, где раки зимуют. Да-а... вот ему и надо будет заплатить.

– Ну, ладно... решай, как сам знаешь. А когда деньги нужны будут, скажешь, – сказал отец, понимая, что

именно затеял сын, и этим приоткрыл ему дверь для совершения нового тяжкого преступления.

Кузьма, как и полагал, понял его новый намёк, засмеялся, сделал удивлённое лицо и смотрел на отца, криво улыбаясь.

Тот обратил внимание на насмешливое выражение лица сына, поэтому спросил:

– Что-то не то я сказал?

– То, папа, то... Но вот твои слова, разве нельзя расценивать, как намёк о согласии, направленном на одобрение наших действий с тяжкими последствиями для Максима? Я понял, что ты их одобряешь, коль готов платить Твердилову.

– Кузьма! – закричал он свирепо.

Глаза его от злости выходили из орбит.

– Пошёл вон! – гневным тоном скомандовал генерал, рукой показывая на дверь. – Ты умышленно связываешь меня с вашим... с этим Твердилой, чтобы неопровержимо уличить меня. Моё заступничество понимаешь и расцениваешь по-своему.

– Да не кипятись ты... папа! Успокойся... Я тебе просто... по-сыновьи сказал, без всякого умысла. Я уйду, но наш уговор остаётся в силе?

Тот кивнул головой и резко бросил:

– Иди!

Кузьма торопливо развернулся и поспешно направился к выходу. Как только за ним захлопнулась дверь, Ковалёв вслух произнёс, словно выдохнув:

– Кажется, отдушина найдена. Господи, помоги им и защити.

Он не заморачивался, что обращение к Богу с такой просьбой является непростительным грехом, и если Бог

услышал его, то может неотвратимо наказать по-своему, или же гиеной огненной и его, Ковалёва-старшего, как просителя, и соучастников тех действий, которые они намерены совершить. Ковалёву не терпелось поскорее услышать о том, что возникшая проблема исчезла, и тогда душа его успокоится. Он ежедневно безутешно мечтал об этом и мысленно выстраивал свои противозаконные планы, чтобы вовремя, если потребуется, вмешаться и попытаться предостеречь сына и его соучастников от провала, а также наступления часа расплаты для него самого и их, в том числе.

В то время он знал, что Кузьма, помимо недобросовестного отношения к своим служебным обязанностям, погряз ещё и в коррупции, но после проведённой беседы, как ему казалось, исправился, был детально осведомлён о том, что сын запутался в тенетах зла и втянул его самого, но не знал, что он ведёт греховно-порочную жизнь.

Кузьма очень часто пользовался услугами уличных развратных девиц, отчего несколько раз заражался от них венерическими заболеваниями, в тайне за деньги лечился, понеся заслуженную кару. Однако, разочарования в интимной жизни не последовало, и он продолжал раз за разом окунаться в сексуальные удовольствия, будучи осыпанным не Божьими милостями, а отцовскими, не отступаясь от пороков. Жил своими неизблемыми принципами, считая себя эксцентричным мужчиной, органично относясь ко всему противоречащему совести и чести.

Зайдя в свой кабинет, Кузьма сразу же начал звонить Твердилову. Несколько попыток успеха не принесли, но он продолжал настойчиво звонить. Ближе к вечеру,

наконец, тот поднял трубку. Обменявшись приветствиями, Кузьма спросил:

– Савелий, можешь на пару деньков нанести визит мне? Очень надо.

– Я один или с братьями? – спросил тот.

– Один. Так нужно. Ты будешь доволен.

– Попробую... Перед выездом звякну. А вопрос-то твой личный?

– Нет. Наш... общий. По последней встрече. Понял? Привет вам от того мента.

– Всё... понял. Буду.

– Когда тебя встречать?

– Сегодня что у нас... ого, вторник... давай в пятницу.

Но в любом случае точно позвоню.

– Понял. До встречи.

Наступила пятница, но звонка не последовало. Кузьма несколько раз с четверга до субботы звонил Савелию, но трубку никто не поднимал. Лишь в понедельник Жорж Павловский ответил:

– Нет Савелия. Он в тюрьме... Мы смылись, а он не успел. До этого говорил, что к тебе надо было ехать.

– А ты можешь приехать? – спросил Кузьма.

– Ни я, ни другие ребята пока не сможем... Под колпаком... Понял? А сюда я случайно зашёл... кое-что забрать, больше сюда приходить не будем. Твой телефон есть у нас... Всё устаканится, позвоним. Пока, Кузя... то роплюсь.

Положив трубку, Кузьме сделалось грустно, он глубоко вздохнул и задумался. Очень расстроился, услышав сказанное, теперь его мозги работали над тем, что делать дальше: «Может, самому попробовать прикончить этого Максима? Или уволиться да уехать? А куда? Нет,

наверное, попробую грохнуть... Не получится – уеду». После этого Кузьма стал выяснять о месте жительства Максима и о том, чем он занимается. Когда вся нужная информация была собрана, он сам лично занялся слежкой, но держался на расстоянии, да так, чтоб бдительность не ослабла, а уверенность окрепла. Мысленно он обращался к Богу, умоляя, чтобы вёл его по желаемому и безопасному пути. Как огня, Кузьма боялся тюрьмы, потому что хорошо знал о возможном пожизненном наказании.

Придя домой и дождавшись возвращения отца с работы, рассказал ему о том, что случилось с его корешами на Украине.

– Сейчас скажу такое, что ты ахнешь, – тревожно промолвил отец и добавил: – Все уголовные дела объединены в одно производство, и теперь его расследует не окружная и не городская прокуратуры, а Генеральная... Создана целая группа следователей. В эту группу вошли старший следователь прокуратуры Кирилин и наш Гузиев... Ну и ещё несколько человек из других административных округов. Одним словом, ленивая речушка событий и бед превращается в сильно бурлящую реку, а мы с тобой будем, как щепки, плавать в ней.

– Что же делать, папа? – растерялся Кузьма. – Может, всё-таки мне уехать с глаз долой.

– Если так... тогда куда?

– А Казахстан или Армению.

– У тебя же нет гражданства, а республики наши бывшие стали суверенными... Погоди... Есть у меня друг... ну не друг, конечно, а приятель... Я с ним учился в высшей школе милиции, а он сейчас руководит милицией всей Рязанской области. Тут рядом. Если он примет тебя, то

и вопрос решён. Завтра же с ним потолкую. Только если всё сложится, ты сюда ни ногой, а мы с матерью будем наведываться...

Кузьма застыл в глубоком раздумье. Не представлял он себя в одиночестве от семьи и только сейчас ощутил страх, а также чувство надвигающейся въедливой тревоги, что бередила и угнетала.

– Поговори... но я ещё не закончил то, что начал... попробую, а вдруг получится... О, если бы так случилось, то и бежать не надо было бы.

Ковалёв умышленно не стал спрашивать сына о его планах, сделал вид, что не уловил последних фраз, ни к чему ему знать о намерениях сына, а вдруг итоги окажутся тяжкими.

– Победить противника одной воли мало. Для этого ещё ум нужен... вершить чью-то судьбу... мы, наверно, родились для этой цели. Если мы что-то делаем, значит Бог позволяет нам это делать. Значит те, которые становятся объектом нашего внимания, не заслуживают Божьей милости... А вот скажи мне... те слухи о том, что ты постоянно взятки берёшь, правдивы?

– Да врут они всё! Знают, чей я сын, и любым способом намереваются оклеветать меня. Даже подсовывают мне взяткодателей, а я их прогоняю. Конечно же, те, кто их послал, остаются недовольными и подыскивают другие методы насолить мне.

– В каждой лжи есть ничтожная доля правды. Услышанное о тебе возмутило меня. Будь чрезмерно бдительным, а лучше старайся ничего не делать, если это представляет опасность, – напутствовал отец и подошёл к окну.

За стеклом стояла крошечная тьма. Глянув в тёмное небо, он увидел падающую звезду, тянущую за собой

огненный хвост. Небесная тишина охватила всю столицу, вызывая у каждого состояние сна. Её почувствовал и Ковалёв. Зевнув, он оглянулся, пристально и даже как-то въедливо посмотрел на Кузьму.

– Мы должны победить ту складывающуюся против наших желаний ситуацию, а потом все негативы завязать напрочь и жить спокойно. Понял меня, сын? А сейчас пойдём-ка спать, надо дать голове отдохнуть, а то от мыслей всё вскипает, бурлит.

Тот выдержал пронизательный взгляд отца и согласился:

– Да. Пойдём, папа.

На следующий день он начал слезку за Максимом, и тут получилось то, чего он не ожидал. Максим, будучи одетым в милицейскую коллежскую форменную одежду, вышел из магазина и свернул за угол. Кузьма, поджидавший его там, спрятав под маской своё лицо, внезапно набросился на него с ножом. Первую попытку нанести удар в грудь Максим отбил, а во время второй, перехватив руку Кузьмы, Максим заломил её и ударом колена в лицо, а потом в бок, нанёс такой удар, от которого тот улетел в сторону и, уронив нож на асфальт, упал грудью на низкий штакетник. Максим тут же подошёл к нему. Увидев льющуюся из-под маски кровь и застывшее тело напавшего, быстро вернулся в магазин и попросил охранника вызвать «скорую помощь» и милицию, а сам сразу же вернулся на место нападения, но напавшего там уже не было. Пробежав вокруг магазина и не увидев его нигде, он расстроился. В этот момент со стороны соседнего дома шли две пожилые женщины. Максим в надежде что-то узнать подбежал к ним:

– Простите! Вы не видели бежавшего от магазина мужчину?

– Видели, – в один голос сказали обе, и одна из них пояснила. – Какая-то маска на морде, кровь, а он пулей вон к тому дому, сел в серую машину и уехал.

– А какая марка, номер?

– Не разбираемся мы в них, уж извини, но точно не наша, а забугорная какая-то... на номер не успели обратить внимание да и ни к чему... а он опрометью сразу же крутанул за угол... Что-то украл в магазине?

– Нет... Другое... похлеще. Ну, спасибо вам, – сказал Максим и поспешил к магазину.

В это время приехали работники милиции. Он им рассказал все о происшествии, показал штакетник, испачканный кровью и большой хозяйственный нож нападавшего. Те сразу же вызвали оперативно-следственную группу, которая, осмотрев место происшествия, изъяла образцы крови и нож, предложила Максиму написать заявление и явиться в отдел для допроса, что тот и сделал.

Кузьма в это время тряпками и салфетками, найденными в «бардачке» автомобиля, вытер кровь с лица, приехал домой, поставил на парковку машину, смыл тряпками следы крови в салоне, потом выбросил их, салфетки и маску в мусорный контейнер и пошёл домой.

Мать, увидев его, разволновалась и бросилась к телефону, но он ей не дал никуда звонить, а сам позвонил отцу. Тот пообещал срочно приехать. Подойдя к зеркалу, Кузьма сам себя не узнал. Повреждена была щека, на ней зияла рана, лицо и грудь распухли от удара о штакетник.

«Вражда, ненависть и презрение противников – порождают произвол и жестокость, а также уничтожают полностью здравый смысл», – с этой мыслью он опустился в кресло, и опустошённость, но в то же время переживания за себя любимого овладели им.

Первое Божье наказание

Генерал Ковалёв был ошарашен, увидев лицо сына. Устремив всепроникающий взгляд на него, хотелось узнать, что всё-таки случилось, но находящаяся рядом с ним мать, Нина Андреевна, мешала сделать это. Он понимал, что необдуманный ответ сына на заданный вопрос может серьёзно насторожить её, а потому стал ожидать момента, когда она отлучится.

Этот момент настал. Зазвонил телефон, и она торопливо пошла на звонок. Воспользовавшись этим, Юрий Кузьмич, понизив голос, спросил сына:

– Что случилось?

– Пролетел я. Он оказался спортивно подготовленным. Уделал меня... Еле ушёл. Хорошо, что очнулся мгновенно... – шёпотом пояснил тот. – Маме я сказал, что споткнулся и упал.

Пока Нина Андреевна разговаривала по телефону со своей приятельницей, они продолжили разговор, который был не для её ушей.

– Я связался по телефону с Рязанью. Тебе надо поехать и подать рапорт о переводе... Но вот как? В таком

состоянии? Вот что... посылай по почте, а я предупрежу. Пока рапорт – туда, а потом личное дело затребуют... у тебя, надеюсь, всё заживёт. А сейчас бери больничный и на улицу ни шагу. Есть кто-нибудь знакомый из врачей?

– Есть, папа... может, мне лучше на Украину?

– Здесь у тебя я есть, а там меня не будет. Наломашь дров, с тебя станется... И не спорь, поедешь туда, куда договорились... И забывай напрочь о том, что было в прошлом, не повторяя и грамма его доли. Отрасти усики... может, и бородку. Вот уже будет немалый шрам на лице. Волос на голове отрасти подлинней, и хорошо было бы ещё, чтобы волосы стали волнистыми... Для парикмахеров это не проблема, всё могут сделать. Короче, ты должен стать неузнаваемым.

– Раньше я твоих мудрёных слов не переносил, а сейчас я от них пьянею.

Отец добродушно улыбнулся от такого понимания и непосредственности, глаза Кузьмы заискрились добротой, чего никогда подобного не было.

За окном шёл мелкий дождь, но как-то быстро прекратился, и солнце щедро осветило всю округу. Умытые на деревьях листья засверкали от солнечных лучей.

Кузьма подошёл к отцу, обнял его и добродушно промолвил:

– Спасибо тебе, папа, за всё и прости меня за то, что я такой... и тебя втянул... Завяжу... Клянусь.

– Дай-то Бог, а то мне всё время казалось, что ты раскаиваешься с чувством только в том, чего никак не можешь скрыть.

Серые плутовские глаза Кузьмы забегали, было видно, что он что-то задумал, но смотрел на отца с покорным видом, как будто ждал от него чего-то.

– Папа, а что если я застрелю Максима? И тогда не надо будет никакой Рязани, – вдруг выпалил он.

«Да-а! Его понять нельзя. Ни улыбка, ни глаза ничего хорошего не предвещают», – подумал тот, вслух грубо выдал:

– Ты совсем с ума сошёл, Кузьма! Это Божий знак. Ты получил первое наказание Бога... Опомнись! Я тебе запрещаю даже думать об этом... Хоть какая-нибудь снисходительность к людям у тебя осталась? Мне кажется, что ты с совершенным равнодушием относишься не только к ним, но и к нам с матерью. Или ты так пошутил?

Кузьма сконфузился и торопливо ответил, глядя на вошедшую мать:

– Да пошутил я, папа, пошутил.

– Что он шуткой называет? – спросила покровительственным тоном она. – То, что у него на лице? И на груди? В совокупности?

– Как? И на груди есть повреждения? – воскликнул отец, расширив от удивления глаза.

– Папа, да там мелочь. Я же пояснял... споткнулся и упал на штaketник, который был возле цветочной клумбы... он небольшой... в смысле не высокий.

– Всё. Бери больничный и сиди дома, – требовательно сказал отец, а потом обратился к супруге: – А ты работай ему раны, чтобы туда инфекция не попала.

– Непременно. Я уже всё приготовила. Идём, сынок... Только сними рубашку и брось её в стирку.

Кузьма переоделся в домашнюю рубашку и пришёл к матери. Та осмотрела раны на груди и покачала головой. В глубине материнской души возникло непонятное волнение. Она не верила словам сына, глядя на раны

тревожным взглядом. А он смущённый, опустив глаза к полу, стоял, ожидая маминой помощи по обработке ран на груди.

В это время в следственном управлении Генеральной прокуратуры проходило активное и детальное обсуждение объединённого уголовного дела по всем фактам убийств и покушений, а также по новому, только что возбуждённому делу по факту покушения на жизнь Максима Кизелского. Весь состав следственной бригады собрался в кабинете начальника следственного управления государственного советника юстиции 2 класса Николая Васильевича Прохорова. Докладывал руководитель бригады следователей по особо важным делам, государственный советник юстиции 3 класса Эдуард Семёнович Макаров. Он каждое возбуждённое уголовное дело по фактам убийств или покушений, объединённых в одно единое, назвал отдельными эпизодами и закрепил за каждым из них по одному прикреплённому работнику прокуратуры и по одному оперативному работнику милиции. Сделал это для того, чтобы активность всестороннего расследования, его глубина и полнота не уменьшалась, а наоборот – увеличивалась. Поэтому каждое дело докладывал закреплённый следователь. Очередь дошла и до обсуждения уголовного дела, возбуждённого по факту убийства Лазаря Кизелского и его семьи. Его расследовал советник юстиции Машетов Михаил, он же и докладывал.

– Михаил Петрович, – прервал его начальник следственного управления: – Ваше личное мнение... Дело, которое вы расследуете связано с другими? Или это только догадки?

– С момента убийства семьи инвестора Сулова, а дальше пенсионерки Кравец Марии Петровны, покушение на жизнь следователя прокуратуры Кирилина, убийства семьи Кизелского, студентки Лены Глухой, покушение на жизнь начальника уголовного розыска Кульнёва, убийство Свеклова и покушение на жизнь Максима Кизелского, усматривается тесная связь между ними, утверждающая, что всё это дело рук одной и той же преступной группы. После убийства семьи Сулова явно просматривается ликвидация свидетелей. Мария Петровна могла опознать одного из участников убийства семьи Сулова, Кирилин потянул ниточку и работал со свидетельницей, Лазарь Анисимович Кизелский взял эти дела на личный контроль и постоянно контролировал, заслушивая ход оперативно-розыскной работы по ним, начальник ОУР Кульнёв активно вёл работу, выполняя указания своего начальника – Лазаря Кизелского. А вот убийство Свеклова можно считать пятьдесят на пятьдесят. Подтверждение дают только следы пальцев рук в его автомобиле, таких же, как обнаружены в квартире Кизелского. Считаю, что покушение на жизнь Максима Кизелского напрямую связано с убийством членов его семьи. Подтверждением этого является следующее... Максим жил спокойно до тех пор, пока не опознал своего отца и семью по фотокарточке, после чего начал вспоминать и давать на следствии показания особой важности... И тут на него покушение. У меня такое впечатление, что в отделе милиции, руководимом в своё время Лазарем Кизелским, завелась «крыса», которая снабжает нужной информацией преступную группировку.

– В последнем высказанном следователем Машетовым предложении я его поддерживаю. У меня такое же мнение. В нашем отделе есть предатель, – добавил старший оперуполномоченный Николай Гузиев. – Возьмите последний факт, связанный с Максимом... Кто-то же дал адрес его, и тогда, полагаю, за ним начали следить, что позволило напасть на него почти там же, где был убит Свеклов.

Начальник управления задумался.

За окном в это время мелькнули сполохи молнии, спустя секунды прокатился далёкий гром. Ветер нахально играл ветками деревьев, раскидывая их в разные стороны. Погода часто непредсказуема, приносит свои сюрпризы, то похолодания, которые и не ожидают, то резкое душное тепло... Вот так и от некоторых людей не знаешь, чего ожидать.

Николай Васильевич поднял свой задумчивый взгляд на собравшихся и спросил:

– Кто расследует дело об убийстве Свеклова?

– Я, – поднялся следователь прокуратуры, юрист 1-го класса Валерий Волков.

– Из ранее поступившей информации видно, что по этому делу задержаны ранее судимые Агапов и Егоров. Они имеют отношение к другим убийствам и покушениям... Так, Валерий Иванович?

– Когда было совершено убийство семьи инвестора Сулова, они находились ещё в воспитательно-трудовой колонии и освободились после совершённого убийства только спустя три дня. А вот по делу Свеклова они задержаны только на основании записи разговора, звучащего из диктофона, где называлась фамилия Агапова, через которого мы установили и Егорова. Но отпечат-

ков следов их пальцев в автомобиле Свеклова не обнаружено, зато там оказались «пальчики» совсем другого человека, которого пока не установили. Во время убийства Свеклова Агапов и Егоров находились в Солнцевском РОВД. Их задерживали на трое суток по подозрению в грабеже, но виновники были установлены, а эти субъекты освобождены... По убийству Свеклова – считаю, умышленная подстава. Их сегодня же буду освобождать... И голос, записанный диктофоном, совсем другого человека.

– Какая же твёрдая скорлупа в этом фальшивом орехе?! Похоже... Похоже на то, что надо сейчас всей бригаде направить работу на установление этой «крысы», притаившейся в РОВД. Свои действия надо согласовать с руководством ГУВД, если они будут выходить за рамки следственного процесса. Считаю, что передозировка подлости находится в этом же РОВД. С полной очевидностью можно считать, что это так, исходя из ваших докладов. Подумайте хорошо над этим вопросом и поддерживайте между собой постоянную связь. Подсластите пилюлю так, чтобы «крыса», не задумываясь, проглотила её... и дала о себе знать.

Все остальные эпизоды общего объединённого уголовного дела ещё долго детально обсуждались. Важные и целенаправленные предложения и высказывания записывались каждым. Обсуждались не только недостатки и упущения, допущенные в ходе расследований уголовных дел, но и оперативная работа по ним.

Один из недостатков вызвал особое и всеобщее возмущение. Следователь РОВД Симонянц, расследуя уголовное дело по факту дорожно-транспортного происшествия, в ходе которого пострадал Максим, а эту

версию он выдвинул сам, не обратил никакого внимания на сомнения лечащего врача Ивлева в том, что телесные повреждения могли быть получены мальчиком не в ходе ДТП. Следователь тогда спросил его: так, мол, от чего же по вашему? И тот ответил коротко и ясно: «Несомненно от руки человека, а что было в руке, это вам устанавливать». Отмахнувшись от этих предположений, Симонянц продолжал расследование в том направлении, которое выбрал сам. В дальнейшем высказывания врача нашли своё подтверждение. Халатность следователя милиции стала чреватой серьёзными последствиями. Его бездействия были обсуждены на оперативке у начальника РОВД, а после он стоял на ковре перед начальником ГУВД, не зная, как объяснить свою ложную самоуверенность. После же долго переживал, что необдуманно сунул свою голову в пучину неприятных разговоров о нём. Спас его от заслуженного наказания прошедший срок давности той неосмотрительной халатности. Теперь этот пробел в работе стоял незримой тенью между его следственной деятельностью и желаемыми итогами.

Опознание соучастника убийств

Продолжали пролетать годы. Максим поступил учиться в милицейский институт, закончил его и получил в 2009 году распределение в уголовный розыск РОВД «Строгино», руководил которым майор Гузиев. Полковник Кульнёв уже был назначен на должность начальника одного из управлений ГУВД города Москвы. Ковалёв – начальником УВД, однако, продолжал состоять в той же должности и в том же административном округе Москвы.

Кузьма внешне в корне изменился. Его голову украшали густые, волнистые и преждевременно поседевшие волосы, а лицо – узкие бакенбарды, усы и короткая бородка. В Рязани он работал старшим опером УВД, а в Москву появлялся от случая к случаю. Из Украины ему периодически позванивали то Жорж Павловский, то Остап Коваль, а в 2009 году позвонил и Твердилов, освободившийся из мест лишения свободы. Он часто посещал город Ровно, где подружился с Алек-

сандром Музычко (Сашком Билым), который хвастался о своём участии в чеченской войне на стороне басаевского подразделения, а потом якобы возглавлял украинскую команду КНА УНСО «Викинг», которую называл западно-украинским паломничеством, и исполнял роль командира личной охраны Джохара Дудаева в 1994-1995 годах. Но Твердилов, видя его неадекватность в поведении, полностью не верил ему и часто мечтал о возвращении в Россию, хотя от исполнения этой мечты отказывался, боясь возмездия, основанного на законе. В 2009 году из рассказа Кузьмы он узнал всё о Максиме и злобно возмущался, оскорбляя Кузьму серийным набором нецензурных выражений.

– Готовься, Кузя к приёму, – сказал он при разговоре по телефону. – Мы приедем... на недельку... И Максима откомандируем к его батяне, если ты сам до сих пор не мог решить эту плёвую проблему.

– А когда вас ждать? – спросил Кузьма.

– Сейчас август, а мы нанесём тебе визит, к примеру, в октябре. О'кей?

– Буду ждать. Но ты ещё позвонишь? Так за недельку до выезда, чтобы я ко всему приготовился.

– Обязательно. Ну, покедова, Кузя!

Максим не знал, что столько лет по его пятам идёт незримая опасность. Кропотливая учёба в школе, а потом в институте, не измеримая временем работа в уголовном розыске, обязывавшая направлять все мысли и желания на раскрытие разного вида совершённых преступлений и поимки лиц их совершивших, отвлекли его от восстановления памяти о деталях гибели всей семьи. Тем не менее, эта напряжённость не помешала ему познакомиться с девушкой Юлией Васильевной Зуевой.

Это случилось во время очередного осмотра места происшествия и приглашения её в качестве понятой. Увидев её, божественно красивую, голубоглазую, с темными волнистыми волосами, чуть вздёрнутым носиком, розовыми, пухлыми губами, цветущую в свои девятнадцать лет, как роза, – ему сразу же захотелось погрузиться с головой в эту симпатию, в обозначившийся мир любви, который предсказывал только неопределимое счастье вместе с желанным благополучием. Дальнейшую свою жизнь Максим видел исключительно значимой, спокойной, целенаправленной и осмысленной, в главенствующем союзе с прочной ответной семейной любовью.

Не так частые встречи с Юлей, перегруженные оперативной, с разными сложностями, работой, позволили ему вспомнить исключительно тёплые отношения матери и отца, их родительские отношения к нему и его сёстрам. А ручей родственной теплоты, заботы и любви – брал исток от родной тётки Глафиры Лукьяновны, которую Максим вспоминал после знакомства с Юлей. Теперь он уже в полном объёме вспомнил всех своих родных, часто эти воспоминания сопровождались слезами на глазах, а потому эти чувства перерождались в бурю гнева против убийц, где-то продолжающих жить, а может быть действовать в том же направлении.

После покушения на его жизнь, тогда возле магазина, Максим стал исключительно бдительным. Находясь на улице или среди скопления людей, он отмечал для себя всё происходящее вокруг. Особое внимание обращал на мужчин, подозрительно ведущих себя, или с лицами, похожими на ранее судимых и не вставших на путь, определённый законом, выдавая себя своим поведением.

Повседневная опасная работа и с каждым днём растущие тёплые отношения с Юлей, ухаживание за которой становились уверенными и настойчивыми, не позволяли ему впадать в тоску. Его с неодолимой силой влекло к Юле, а то, что она отвечала ему взаимностью, ещё сильнее укрепляло и усиливало его чувства. Она тоже всей душой, умом и сердцем любила Максима. С неукротимым трепетом и желанием ожидала каждую их встречу, а когда она происходила, радовалась, как дитя конфетке. Работа Максима незримо стояла между его оперативной деятельностью и Юлей. Однако он старался изо всех сил, чтобы чувства к Юле не мешали относиться должным образом к работе.

Юля понимала его добросовестное отношение к работе и гордилась преданностью своего парня к своим обязанностям.

Как-то при очередном желанном свидании они обнялись. Их горячие губы слились в сладком, трепетном поцелуе, как в этот момент в кармане Максима зазвонил телефон. Ответив на звонок, он расстроился, виновато сказал:

– Юлечка, миленькая, прости... Мне надо срочно выехать на место происшествия. Убийство на Строгинском пляже... Три человека погибли.

– Максим, да я понимаю сложность твоей должности и поддерживаю тебя. Поезжай. Удачи тебе. Найди тех, кто так безжалостно распорядились чужими жизнями, – сказала она и нежно поцеловала его.

– Спасибо тебе, Юлечка! До встречи!

Ласково обняв, поцеловал в такие желанные для него губы и быстро уехал.

Прибыв на место происшествия, увидел там участкового и больше никого, а на песке лежали полуголые трупы троих мужчин с простреленными головами и грудью.

– Оперативно-следственная группа уже выехала. Скоро будет, – доложил участковый.

Солнце клонилось к закату. Надо было торопиться. Максим, окинув взглядом всё вокруг, увидел следы ног двух человек, обутых в разную обувь. Следы вели к отпечатку шин автомобиля и дальше прекращались. Было понятно, что убийцы после контрольных выстрелов в голову убитых уехали на этой неизвестной машине.

– Как с понятыми? – спросил Максим участкового, сам втыкая палочки-ориентиры вокруг следов ног преступников и небольшого участка шин автомобиля.

– Сейчас сержант привезёт... А, вот он едет.

Прибывшим понятым Максим разъяснил их статус в процессе осмотра места происшествия, а затем лентой огородил территорию, предоставляющую интерес для следователя, и стал измерять следы обуви двух совершивших преступление лиц. Возле трупов он обнаружил шесть стреляных гильз от пистолетных патронов, отметив их палочками хвороста. В это время прибыла оперативно-следственная группа: заместитель следственного управления прокуратуры города старший советник юстиции Сергей Лапин, следователь прокуратуры округа, юрист 2 класса Николай Самойлов, криминалист Василий Тельцов и судебно-медицинский эксперт Сергей Шахов.

Максим доложил Лапину, а заодно и следователю об обнаруженном: а именно стрелянные гильзы, следы обуви стрелявших, следы шин автомобиля, векторно-ра-

зрисованную и размеренную дорожку следов обуви уходивших убийц, а также подготовку части этих следов и следов шин для гипсовой заливки и дальнейшего использования при идентификации.

Лапин поднял на него удивлённые глаза:

– Столько лет на прокурорской службе и впервые вижу опера как прокурорского следователя. Где так научился?

– В институте, товарищ полковник, – ответил Максим.

– Ну, я же не полковник, а старший советник юстиции.

– Это звание больше подходит. Не могу согласиться с таким положением. Причём здесь советник? Да ещё юстиции? Юстиция ведь отдельное учреждение от прокуратуры. Не понимающий человек юстиции назвал прокурорского работника своим, а те и согласились.

– Как ваша фамилия?

– Кизелский... Максим Лазаревич.

– Служба нравится?

– Нравится.

– А к нам, в прокуратуру нет желания?

Максим, закусив нижнюю губу, подумал и с присутствующей ему смелостью ответил:

– Тоже нравится. С великим удовольствием бы, но я уже начал работать в органах милиции... и отец мой работал здесь же... Как-то неудобно ставить вопрос о переходе. Тем более я милицейский институт заканчивал. Преданность...

– А вы подумайте. Если возникнет желание... Мы решим все вопросы с вашим начальством, – перебил его Лапин. – А что касается преданности, то она не-

изменная. Вы и мы выполняем одно государственное дело... правда, у нас немного с большими полномочиями... Чувство верности Отечеству, которое преобладает над всем – у нас едино, да и не только у нас с вами, а у всех чувствующих и знающих наличие Родины... Вот и сейчас мы с вами работаем над этой непостижимой бессмысленностью человеческого варварства и жестокости, – и он кивнул головой в сторону трупов, – и задача у нас одна – докопаться до истины, найти убийцу, обеспечить наличие неопровержимых доказательств их вины, и всё это в строгом соответствии с процессуальным законом...

– О-о! Товарищ полковник! – прервал его Максим, взгляд которого устремился в сторону берега близ воды в десяти метрах от них. – Там видна какая-то надпись. О, а вон и след обуви такой же, как обнаружили... ведёт туда и обратно.

Они осторожно и аккуратно подошли сбоку и прочитали: «Дорога сукам».

– Что это значит? – слышался голос Лапина. – Почему «сукам»?

– Суки – это воры, нарушившие воровской закон. К примеру... эти тоже могут быть судимыми, но, когда отбывали меру наказания, сотрудничали с работниками лагеря, а убийцы могут быть их однолагерниками. Но вот одежда убитых где? – озадачился Максим, вглядываясь в прибрежные воды.

Вдруг он сделал резкое движение назад, разулся, снял носки, закатал выше колен брюки и вошёл в воду. Каково же было удивление всех, когда он доставал со дня одежду: брюки, рубашки, майки, пиджаки и разную обувь, в каждом из них завернутый камень.

В карманах были обнаружены личные документы убитых.

– Ну, ты и молодец, Максим Лазаревич! – воскликнул Лапин, а потом, глянув на остальных, спросил: – Странно, а почему пляж пустой?

– Так срок купания уже закончился, а эти, нарушая, распивали спиртное и на безлюдном пляже как бы загорали, – ответил участковый.

Максим себе в блокнот переписал из документов потерпевших все анкетные данные, вернул их следователю, который сердечно поблагодарил его за реальную ценную для следствия помощь.

В конце осмотра Лапин вновь вернулся к прежнему разговору с Максимом:

– Так как, Максим Лазаревич, подумаете над моим предложением?

– Простите, Сергей Валерьевич, я могу вас спросить?

– Спрашивайте.

– У вас много бывших оперов работает?

– Ни одного. Вы будете первым.

– А раньше вы предлагали другим?

– Нет, конечно. Оснований не было. При каждом выезде на место происшествия опера занимались только опросом граждан, выявляя свидетелей, и тяги к следствию я у них не видел. А вот у вас, Максим Лазаревич, другое дело. Так как... мой вопрос?

– Подумаю.

– Буду ждать вашего положительного ответа.

Максим, вернувшись в свой кабинет, сразу же занялся личностями погибших, связался со спецчастью ИТК, в котором они отбывали наказание, получив характеризующую их информацию, выяснив отношения с дру-

гими заключенными и уже освобождёнными, а также адрес убийства. После тщательного изучения всех полученных данных понял, что изначально стал двигаться в правильном направлении, и этот путь является самым конструктивным. Спустя две недели это преступление было раскрыто, убийцы задержаны, пистолеты изъяты, а также установлено, что приезжали они к пляжу на угнанном автомобиле. Руководство было в восторге. Учитывая, что это было не единственное преступление, раскрытое им, можно сказать, по горячим следам, начальник ГУВД Москвы поощрил Максима своим приказом. Доволен был и Сергей Лапин. Не дождавшись от Максима ответа на своё предложение, он позвонил ему:

– Максим Лазаревич, прежде всего, хочу выразить свою благодарность за раскрытие тройного убийства и одновременно узнать итог нашего разговора о переходе на работу к нам в прокуратуру.

– Сергей Валерьевич, вы знаете, что произошло с моей семьёй? – вопросом ответил тот.

– Да, знаю... И выражаю свои соболезнования. Но это не препятствие.

– Препятствие в другом, но всё равно связано со всем остальным. Дело в том, что убийцы до сих пор не найдены. Они продолжают жить... находиться на свободе и, наверняка, совершать подобные зверства. Я хочу их найти. Как только это случится, сразу же пойду к вам, Сергей Валерьевич. Я понимаю все обязанности следователя прокуратуры, его постоянную занятость расследуемыми им уголовными, порой крайне сложными делами... и времени свободного у меня не будет. А здесь всё-таки могу уделить для этого толику времени.

– Ну ладно... Как только, так сразу звоните.

– Хорошо.

Положив трубку, Максим задумался. Глубокий колодец его травмированной души был чрезмерно переполнен постигшим горем, связанным с невозвратимой утратой всей семьи, пережитым детским прошлым, мучительным напряжением вспомнить о происходящем в квартире, особенно лиц убийц и неудержимым желанием любым способом найти их. Он не мог представить себе спокойную жизнь без стопроцентного исполнения задуманного. В каждом совершённом преступлении искал ту золотую ниточку, за которую можно было потянуть и вытянуть весь состав убийц его семьи, или же хотя бы одного, а через него выйти на остальных. Все эти годы ни он, ни следователи прокуратуры не знали, что собака зарыта ни где-нибудь, а в кабинете начальника УВД генерала Юрия Ковалёва, который неустанно и постоянно строго контролировал события, касающиеся, как его сына, так и его соучастников.

Но сколько веревочке не виться, всё равно конец покажется. Да и не зря в народе говорят, что неоплатная кровь не бывает. Наступит непременно то время, когда придётся сполна ответить, как по Божьим законам, так и по государственным. Этот временной момент и ожидал с нетерпением Максим.

А те, которые по жизни шли рука об руку с преступлениями: Твердилов, Кузьма, Георгий Кузнецов, Жорж Павловский и Остап Коваль – не думали об этом, радуясь удачно прошедшим дням и ночам. Но долго радоваться не пришлось. Пьянствуя в одном из ресторанов Киева, группа Твердилова устроила драку с посетителями и была задержана, арестована и осуждена в 2011 году к трём с половиной годам лишения свободы каждый. По

этой причине запланированный ими выезд в Россию не состоялся. Возможно, этим судьба и уберегла Максима от кровавых рук этой банды. Он в это время продолжал успешно работать, жить в квартире родителей. Происшедшее в 7-летнем возрасте неотступно присутствовало в его душе. Вспомнились удары пистолетом человеком с наклейкой на носу. Вспомнил, как с трудом выходил из квартиры на улицу, а очнулся уже в больнице. До боли в голове он продолжал вспоминать лица убийц, которых мельком увидел через приоткрытую дверь. Почти каждый день он прокручивал в голове мельчайшие воспоминания того дня, хотя, всплывая, эта отвратительная картина приносила только душевную боль. В один из дней из закоулков памяти вышло и явственно представало перед глазами, как трое бандитов насильовали маму и его сестёр, а четвёртый, выйдя из кухни, стоял лицом к Максиму и, ехидно улыбаясь, глядел на преступные действия соучастников. На мгновение Максиму показалось, что у стоявшего бандита, ростом чуть ниже среднего, нет зуба впереди в верхнем ряду, а нижний ряд зубов был кривым и коричневым, как следствие, что тот к зубным врачам не обращался и не пытался восстанавливать недостатки зубов. Скорее всего, цвет изменился от систематического курения, может, из-за употребления густого чефира, приготовленного из обыкновенного чая. Это лицо Максим стал вспоминать всё чаще и чаще, боясь забыть его. Об этом он рассказал следовательно, поучаствовал в составлении фоторобота, что далось ему очень трудно. Но это придало большей уверенности следствию в раскрытии преступлений. О том, что он вспомнил, рассказал и Юле, отношения с которой для него были очень важны, любимый человек всегда

поддержит и вдохновит, и успокоит, если надо. Она уже почти постоянно находилась в его квартире, занимаясь бытом, а когда Максиму исполнилось двадцать три года, он попросил её руки. В 2011 году они поженились. В то время Юля работала в газете «Петровка, 38».

Два года подряд они отпуск проводили в Судаче Крымской Автономной Республики, а в 2014 году собрались туда же вновь, однако в Киеве в это время вспыхнул ставший впоследствии кровавый «Майдан», которым дирижировали США и Евросоюз, и они решили поехать на отдых в Прибайкалье. Юля в это время была уже беременна.

В Крыму в этом же году намечался референдум, жители которого желали быть в составе России, а на востоке Украины в Донецкой и Луганской областях наступала кровавая гражданская война.

Мокрушники на востоке Украины

С момента развала Советского Союза и обретения государственного суверенитета, Украина в результате некоторых необдуманных и противоречивых действий, а в других случаях и бездействий, как руководства страны, так и правительства, сделала крен не в сторону экономически и политически выгодного и нужного ей соседа России, а в сторону Евросоюза. В результате – послевоенный национализм в стране начал активно развиваться, набирая силу. Этому особенно способствовал президент Ющенко, но были и другие.

В 2010 году, придя к власти, В. Янукович правил страной не лучшим образом и породил в Украине массу недовольств. Огромная часть населения ощутила нищету. Социальный кризис в стране с каждым днём усиливался, а руководство развивало стремление к объединению с Евросоюзом. В период 2012-2013 гг. работа в направлении улучшения жизни населения правительством симулировалась, а взгляд на Запад продолжался.

Этому всячески способствовал Евросоюз, избрав тактику отрыва Украины от России. Его давно родившиеся и возрастающие агрессивские привычки, направленные именно на эту цель, неуклонно постоянно росли.

В Киеве и других городах Украины в ноябре 2013 года начались волнения населения. Появились лозунги о евроинтеграции. Но этот первоначальный курс оппозиции вскоре потерялся, и, в основном, начали звучать требования об отставке Януковича, как президента, усиленно работающего только на себя, своих близких и приближённых. Протесты постоянно усиливались. Народ собирался в Киеве на майдане, протестуя и требуя отставки Януковича, который своими действиями, а то и бездействием, давал повод для активности протестующих.

1 декабря 2013 года состоялась акция протеста на Банковой, но правоохранители, используя свою силу, разогнали протестующих, после чего те вокруг майдана устроили баррикады, что усердно поддерживались Евросоюзом и США. Их представители находились среди протестующих, всячески подталкивая на активность.

Эти протесты в своих целях использовали и радикалы из организаций: «Патриот Украины», «Правый сектор», «Чёрный комитет» и СНА (Социал-национальная ассамблея). Вокруг Крещатика возводились укрепления, устанавливались палатки.

Этим воспользовалась и группа Твердилова (Кузнецов, Павловский и Коваль). Их дружба с Сашком Билым укрепилась. Но желаемое знакомство с представителем украинского авторитета Алика – Нарика (Нареклешвили Александр Владимирович, он же Петровский Александр Петрович), не получилась. Тот, заподозрив

Протесты на майдане в Киеве

в Твердилове воровскую непорядочность, не стал вступать с ним в более близкий, постоянный контакт, после чего вся его группа влилась в число протестующих, участвуя в захвате административных зданий, в смене существовавшей государственной власти путём националистического мятежа.

18 февраля 2014 года во время заседания украинского парламента украинские радикалы, и твердиловцы вместе с ними, с целью поднять дух демонстрантов, попытались мирно проникнуть в Верховную Раду, но получили отпор силами правопорядка. Началось настоящее столкновение, которое переросло в вооружённое. В ходе его с обеих сторон погибло более двадцати человек, что послужило апофеозом для протестующих, сбавляющих в то время своё настроение. В ходе состоявшихся переговоров Януковича с лидерами оппозиции – Яценюком и Кличко – компромисс не был найден. Радикальное движение «Правый сектор», к которому в большей степени склонялась группа Твердилова, обратилось к общественности с призывом о выходе на майдан с огнестрельным оружием. В областях Западной Украины ими начались захваты административных зданий (Львов, Тернополь), управления и отделы милиции, прокуратуры. При этом захватывались тысячи единиц огнестрельного боевого оружия и боеприпасов. О.Я. Тягнибок, при поддержке Евросоюза, объявил мобилизацию сторонников майдана, которого уже стали называть Евромайданом, и отправления их в центр Киева. Нарастали бои начавшегося мятежа. Янукович, видя такую ситуацию в стране, решил провести переговоры с лидерами оппозиции, но при посредничестве представителей Евросоюза. Те согласились, и переговоры состоялись 21 февраля 2014 года, в результате было подписано «Соглашение об урегулировании политического кризиса на Украине», обнародованное сразу же. Оно предусматривало: возврат к конституции 2004 года, проведение досрочных выборов президента Украины до конца 2014 года, избрание правительства национально-

го доверия с участием всех политических сил страны, отвод из центра столицы сил правопорядка, а также сдача оппозицией огнестрельного оружия. Это соглашение подписали: президент Украины В.Ф. Янукович, лидеры оппозиции О. Тягнибок, А. Яценюк и В. Кличко. Их подписи заверили министры иностранных дел Германии Ф.В. Штайнмайер, Польши Р. Сикорский и глава континентальной Европы французского МИДа – Э. Фунье. Автомайдан сразу же отказался признать это соглашение, Ярош – лидер «Правого сектора» расстроился вместе со своими однопартийцами, и твердиловцами, в том числе. Он твёрдо заявил, что его организация не сложит оружия, и блокируемые административные здания останутся в том состоянии до тех пор, пока Янукович не выполнит требование об отставке. В наступившую ночь (22 февраля 2014 г.) было блокировано здание Верховной Рады, Администрации президента, кабинета министров и МВД. За Януковичем была организована охота, но ему удалось сохранить свою жизнь своевременным бегством из Киева.

Наутро А.Яценюк и В.Кличко вместе с 328 единомышленниками, хотя и не законно, но подписали постановление об отстранении В.Януковича от президентской власти. Евросоюз и США были довольны этим. Радикалы начали требовать то, что желали: полный разрыв отношений с Россией, запрет русского языка на Украине, несмотря на то, что русскоязычных коренных жителей в стране (особенно в восточной части) миллионы, уход в Евросоюз и вступление в НАТО. Выразили они и своё недовольство в отношении автономного статуса Крыма. Такие недовольства звучали и в 2013 году.

*П. Порошенко, В. Кличко, Госсекретарь США
Джон Керри и А. Яценюк.
01.02.2014 г.*

*Зарубежные представители, используя уличное телевидение,
подзадоривают протестующих к активным действиям*

Ещё в то время (10 декабря 2013 г.) Президиум Верховного Совета АР Крыма обратился ко всем депутатам и общественности с просьбой поддержать конституционный строй республики против насилия и киевской анархии, а также заверил крымчан, что не отдаст «Крым на растерзание оголтелых «евроинтеграторов», неонацистов и русофобов».

Радикалы Евромайдана открыто стали угрожать Крыму потерей автономии и запретом русского языка. Парламент Крыма вновь (12 декабря 2013 г.) обратился к крымчанам за защитой. Принимались меры, направленные на обеспечение правопорядка в Крыму. Меджлис стал поднимать голову, выражая протест и поддерживая Киев. Видя это, «Правый сектор» предложил свою помощь и послал в Крым свои группы, преследуя цель захвата административных зданий. Вместе с этими группами приехала и группа Твердилова. С их приходом, хотя и проводились мероприятия по препятствию беспорядкам на территории Крыма с евромайдановцами, меджлис провёл митинг в поддержку Киева, на который прибыли около 800 человек из числа крымских татар. Одновременно прошёл митинг жителей Крыма против киевского безобразия. На нём участвовало около 5 тысяч человек.

Вскоре начался решаться вопрос о статусе Крыма и проведении общего опроса крымчан о судьбе полуострова. Было принято решение об обращении к Президенту и Законодательному собранию России с просьбой выступить их гарантом, а также защитить права и свободы граждан Крыма. В ответ на это Киев стал принимать решительные меры противодействия, а в Симферополе стал решаться вопрос о выходе Крыма из состава Укра-

ины и присоединения к родному дому – России, если в Киеве не урегулируется кризис.

Видя такое положение в Киеве, многие крымские татары, ставшие противниками Евромайдана, возвращались автобусами в Крым.

Националисты начали оказывать препятствия. 20 февраля 2014 года, в Корсун-Шевченском районе Черкасской области, они, будучи вооружёнными, остановили восемь автобусов с возвращавшимися домой крымчанами и стали избивать их, издеваться, сожгли четыре автобуса, лишили жизни семерых человек, около тридцати пропали без вести, остальные были травмированы. А в Киеве в это время горел и кровавил Майдан. Гибли люди-демонстранты и бойцы «Беркута», обеспечивающие правопорядок.

Огнём полыхает Майдан

После этого случая 23 февраля в Крыму прошёл массовый митинг, после которого стал рассматриваться вопрос о проведении референдума с повесткой дня:

- о воссоединении Крыма с Россией
- об оставлении Крыма в составе Украины.

Этому способствовал усиливавшийся конфликт на Евромайдане, где всё горело, и рекой лилась кровь.

16 марта 2014 года, несмотря на сопротивление Киева, на территории Крыма состоялся референдум. 96,6 % жителей Крыма, среди которых были и представители крымско-татарского населения, высказались за воссоединение с Россией, а 2,51 % – против.

Твердилов и его группа после этого вместе с группами «Правого сектора» ретировались из Крыма в Киев, где антиконституционные действия продолжались, с каждым днём усиливаясь. Видя всё это, на востоке в Донецкой и Луганской областях, глядя на присоединившийся к России Крым, тоже возникло подобное желание. Историческая давность подтверждает то, что эти, как и другие, территории ранее являлись российскими, но в своё время были переданы Украине для расширения её территориальности. Тот статус областей не устраивал их тогдашних руководителей, и они пытались расширить свои полномочия, оставаясь в составе Украины. В 1993 году руководство Донецкой области (председатель В. Чупрун) продолжил давно начавшийся разговор о федерализации в Украине, но киевские власти никого, в том числе, и его не слушали.

27 марта 1994 года областной Совет Донецка даже провёл консультативный референдум по наболевшим вопросам об автономии и свободе русского языка. За первый вопрос проголосовали 79,69 % жителей, а за

второй – 87,16 %. Но опять же Киев показал своё лицо, подключив против этого прокурорские и судебные органы. К этому приложили свою руку президенты Украины Л.Кучма и В.Ющенко, организовав массовые беспорядки в областях Западной Украины. Эта борьба продолжалась до самого возникшего Евромайдана.

В Донецке 3 марта 2014 года состоялся митинг против принятого решения Турчиновым об увольнении губернатора области А.Шишацкого и назначении на этот пост – С.Таруту. После этого состоялся сбор подписей о проведении референдума по статусу Донецкой области.

В Луганской области происходило аналогичное. Прошедший митинг (02.03.2014 г.) и депутаты не признали новую власть в Киеве и поддержали референдум о федеративном устройстве Украины.

9 марта повторился митинг, в котором участвовало около 10 тысяч человек с требованием о проведении референдума о самоопределении Луганской области.

Видя, что в Донецке 7 апреля 2014 г. самопровозглашена «Донецкая народная республика» и назначен по этому вопросу референдум, 28 апреля на очередном митинге было объявлено о создании «Луганской народной республики».

7 апреля 2014 года и.о. президента Украины, А.Турчинов, в связи с такими решениями объявил о начале «антитеррористической операции», проведение которой поручил вооружённым силам, которые должны были действовать против Донецкой, Луганской и Харьковской областей. Практически с этого момента на Украине началась гражданская война.

О государственной самостоятельности в Донецкой Народной Республике (ДНР) проголосовали 89,7 % избирателей, а в ЛНР – 90,53 %. Эти референдумы были противопоставлены объявленной Турчиновым войне.

В ходе названной Турчиновым «антитеррористической операции» войска Украины начали артиллерийские обстрелы жилых населённых пунктов ДНР и ЛНР. Началась охота за журналистами. Их арестовывали и специально убивали во время боёв с ополченцами этих самопровозглашённых республик. Люди погибали сотнями и тысячами в своих жилых домах, квартирах, в автобусах, магазинах, на улицах, в школах и детсадах, на автовокзалах... Только в Луганске с начала июня погибли 250 мирных жителей. Среди них были и дети. Больницы оказались переполненными ранеными мирными жителями ДНР и ЛНР. С начала весны по август 2014 года в ДНР и ЛНР погибло 1543 человека и несколько тысяч ранено. Данные помощника генсека ООН по правам человека Ивана Шимоновича подтверждают, что в этих республиках во время украинских обстрелов ежедневно погибали или были ранены по 50 человек. Обстрелы из тяжёлых пушек постоянно ведутся, как по Донецку и Луганску, так и по всем сёлам. Их активным образом совершают нацгвардия Украины, отряды «Правого сектора» и другой разный бандитский сброд.

Мокрушники Твердилова, возвратившись из Крыма в Киев, сняли скромную квартиру на Набережно-Корчеватской улице, подальше от огненного центра. Кварталы были заселены исключительно рабочими семьями. Твердилов и его друзья не знали никого из соседей, да и те не хотели их знать, видя недоброжелательные отношения к ним. Внешний вид мокрушников дополнял

их статус в этом доме. На их одежде красовались для собственного удовольствия знаки «Правого сектора», которые большинство киевлян не просто не любили, а ненавидели. Ежедневно, возвращаясь из центра, они запирались в квартире и выходили только тогда, когда в этом возникала необходимость.

Как-то выходя из дома, они увидели возле подъезда толпу, собравшуюся вокруг консьержки, которая громко разговаривала про погибших на майдане. Мокрушников не заинтересовал разговор, поэтому, не останавливаясь, они продолжили свой путь.

– Молодые люди! – тут же обратилась к ним консьержка. – Вот на вашей одежде я вижу значки новой власти. Януковича вы уже где-то кокнули, а этот сектант сейчас сидит в его кресле. Скажите, долго будет продолжаться это безобразие? Мы же люди... не звери, чтобы шастать по лесам... и хотим спокойной и обеспеченной жизни. Наступит ли она?

Они не знали, кто такой сектант, и какая теперь на Украине власть. Да это их совершенно и не интересовало. Твердилов смерил её таким взглядом, что ту кинуло в дрожь, после чего он молча кивнул головой своей команде, и те, не обмолвившись ни единым словом, ушли.

Подходя к майдану, где пахло гарью и кровью, Твердилов, сморщив лицо от этого запаха и глядя на своих дружков, предложил:

– Мы люди исключительно свободной мысли и жизни, верующие во Всевышнего в душе, отвергнутые всем обществом и страдающие множеством ограничений... Мне лично надоело всё это... и скитаться по тюрьмам, лагерям и киевским квартирам. Есть предложение поехать в Донбасс... пострелять для своего успокоения...

Повозмущаться ополченцами, которые совершают зло и не задумываются над совершаемым нами... Как смотрите?

– На чьей стороне стрелять будем? И по кому? – спросил Остап Коваль, ковыряясь ногтём в зубах, потом поправил пучок волос, похожий на селёдку, спадающий к правому глазу. Такую причёску он имел всегда.

– Всё, давайте отойдём от этого смрада, – произнёс Твердилов, направившись в сторону Днепра.

– А может хватит поддерживать украинские войска, быть против ополченцев. Получится, что мы будем стрелять в своих братьев? Там же почти одни русские живут, – сказал Кузнецов.

– Братья – это мы с вами, а все остальные для нас – чужаки. Если честно, то я согласен месяц стрелять по ополченцам и месяц со стороны их по хохлам. Нам больше подходит прекрасное и удовлетворяющее безумство. Ну, так что? Согласны? Если да, то я буду разговор вести на эту тему с помощником Яроша... С ними и метнёмся на восток. Они же платят за участие, вот мы чуток и подзаработаем.

Кузнецов и Павловский безоговорочно сразу же согласились, а Коваль как-то замялся, как будто почувствовал что-то недоброе, но после небольшой паузы всё же согласился. Его «чуйка» часто подсказывала опасность или удачу в совершаемых действиях. Вот и сейчас чувствовал близкий удар судьбы, что и вызвало его внутреннее колебание. Но когда-то же надо пожинать плоды своих кровавых, жестоких и бандитских выпадов.

– Вон в тот скверик зайдите... посидите, а я прогуляюсь... погутаю с этим нацменом, – сказал Твердилов, указав на сквер, а сам направился в сторону Крещатика.

До этого и после – гибель мирных жителей на востоке Украины продолжалась ежедневно. Кроме этого, беда пришла и в Одессу. 2 мая произошла страшная трагедия. Киевская власть, используя украинских ультра-националистов, жестоко расправилась со сторонниками федерализации. Число погибших по официальным данным составило более 40 человек, а по неофициальным – около 220. Евросоюз и США к этому относились хладнокровно и продолжали вести себя так, как будто вообще ничего не случилось. Их интересовала только нерушимая устойчивость киевской власти, игравшая кровавые марши под их дирижёрством.

Все эти вопросы, пока Твердилов отсутствовал, обсуждались Кузнецовым, Павловским и Ковалём. Но определённого ничего не было сказано. Их разговор прервал возвратившийся главарь.

– О-о! А вот и Савелий! – воскликнул Павловский, первым увидев подходившего к ним Твердилова. – Ну и что? Как там?

– Всё отлично, – ответил тот. – Он выслушал меня, задал сотню вопросов, потом позвонил Дмитрию Анатольевичу и всё объяснил ему. Тот дал «добро». Но с одним «но». Мы две недели будем проходить у него спецподготовку, после чего он в свой «Правый сектор» нас не зачисляет, а отправит в украинскую войсковую часть, которая в настоящее время стоит либо под Донецком, либо под Луганском.

– А кто такой Дмитрий Анатольевич? – поинтересовался Коваль.

– Ну, Ярош... лидер «Правого сектора»... Так что завтра к 9 часам утра мы должны явиться по названному мне адресу.

После двухнедельного срока спецподготовки они получили не столь глубокие, но навыки стрельбы с различного стрелкового оружия: пистолетов, винтовок, автоматов, пулемётов и даже пушек, и были отправлены в украинский батальон под Донецком, как добровольцы. 14 июля они были очевидцами бомбежки украинской авиацией города Снежное Донецкой области и участвовали в обстреле посёлка Карловка. В результате этого за сутки погибли восемь человек и один ребёнок.

А.Порошенко, выступая, заявил, что украинская армия больше не будет вести бомбардировки и обстрелы по мирным жителям. Однако это были только слова, а на деле всё так и продолжалось. Погибали только мирные жители и их дети. 21 и 23 июля в районе Авдеевки украинская армия, а в ней и Твердиловская группа, вели боевые действия против ополченцев. В результате были повреждены три высоковольтные электролинии, из-за чего прекратилась подача воды в Куйбышевском, Ленинском и Кировском районах Донецка, возник пожар на донецком химзаводе, а также погибли три мирных жителя, десять ранено, снарядами повреждено двадцать строений.

26 июля группа Твердилова наблюдала, как украинская авиация сбросила фосфорные бомбы на станцию Мандрыкино, что на южной окраине Донецка. В районе аэропорта продолжалась сложная обстановка, где были блокированы украинские подразделения, а другие воинские части пытались им помочь. В этот день к линии «фронта» прибыли украинские системы «Град» и нанесли удары по станции Дебальцево. Разрушено было ряд строений в Донецке и несколько домов в посёлке Октябрьском.

– Вот нам бы такую технику, – глубоко вздохнув, вымолвил Твердилов, глядя на летевший рой огненных снарядов в сторону посёлка и Донецка. – Мы бы показали этим ополченцам, где раки зимуют.

– А без этой дурацкой войны разве нельзя было обойтись? Или у каждого киевского идиота рот был забит снарядами и бомбами? Я вот видел много раз, что некоторые украинские пушкари стреляют не по населённым пунктам, а куда-нибудь в степь, чтобы не убить кого-нибудь, не разрушить дома, – сказал громко Кузнецов и добавил более тише: – Вот и нам надо так действовать.

– Закрой своё хлебало! – завизжал на него Твердилов. – Ты что... не видел, как офицерня расстреливает своих солдат и зарывают, как падаль... в канавах? Вот и тебя так прихлопнут.

Все замолчали. И тут раздалась команда для очередного обстрела. Это был первый день августа. Они со всеми остальными начали обстрел посёлка шахты Абакумово. Один из снарядов разорвался рядом с такси, в котором находилось пять человек, один из них был убит, трое ранены, их всех таксист доставил в больницу.

От артобстрела в Донецке пострадали двадцать шесть электроподстанций, около пяти тысяч домов остались без света. Понятно было, что обстрел ведётся обдуманно и целенаправленно, в том числе, по мирным жителям, обрекая на тяжкие условия жизни.

10 августа по Донецку вновь начали вести артиллерийский огонь. Твердиловская группа обслуживала три пушки, поднося боеприпасы. От их выстрелов или от находившихся по соседству пушек в Донецке была разрушена больница и жилой дом, пострадала одна женщина, разрушены девятнадцать трансформаторных станций,

газораспределительная станция, продуктовый магазин и монумент памяти Великой Отечественной войны на кургане Саур-Могила.

14, 16, 21, 23, 28, 29 августа Донецк подвергался обстрелу из тяжёлых орудий. В результате пострадали здания прокуратуры и колледжа. Только 14 августа погибли двадцать два мирных жителя от попавшего снаряда в автобус, разрушен продовольственный магазин и несколько жилых домов. И 16, и 21 августа от зверских обстрелов пострадали мирные жители, было разрушено много жилых домов. 23 августа погибли три человека в Донецке, находившиеся на автобусной остановке. В тот же день в ходе артобстрела системой «Град» разрушена школа №33 и 16-этажный дом, пострадала областная клиническая больница, Дом культуры, а трое мирных жителей заживо сгорели в автомобиле от взрыва попавшего снаряда. 29 августа украинская армия стала прицельно бить из пушек по густонаселённым жилым кварталам Донецка. Обстрелы велись по населённым пунктам: Дебальцево, Иловайску и Старобешево. Рушились жилые дома, школы, детские сады, больницы, магазины, точки газо- и электроснабжения, число жертв среди мирного населения с каждым днём всё увеличивалось.

Ополченцы не спали, а отвечали на зверства силовиков. Погибали и украинские солдаты и офицеры, часть которых отправляли для захоронения по местам прописки, а иногда хоронили, где попало, скрывая число погибших, сообщая о них, как о без вести пропавших. На территориях, занятых украинскими войсками, солдаты зверствовали, жестоко обращались с мирным населением, часто расстреливая их. В присутствии твердилов-

ской группы были расстреляны тридцать мирных жителей и закопаны. Видели они и беспощадный расстрел трёх человек со связанными руками. Это выполняли бойцы «Правого сектора».

Кузнецов, не выдержав всех этих показательных расстрелов, шёпотом предложил Ковалю:

– Давай мы этих бендеровцев прикончим. Они ведь убивают как русских, так и украинцев из центральной части Украины. И нас могут также прикончить, с них станется...

– Брось ты об этом думать. Можно подзалететь, – ответил тот, уклонившись от предложения.

Кузнецов не стал больше говорить на эту тему ни с ним, ни с другими, а позднее ночью, когда все спали, забросил связку гранат в блиндаж бендеровцев. Все двенадцать человек погибли. Считая, что в этот блиндаж попал снаряд ополченцев, остальные начали беспорядочный артобстрел местности.

Коваль же утром, заглянув в глаза Кузнецова, ничего не сказав, лишь покачал головой.

Спустя два дня из Киева поступило указание о временном прекращении обстрелов. Однако некоторые, особенно бендеровцы, не хотели с этим смириться, жаждали войны. Поэтому реже, но открывали огонь по Донецку или населённым пунктам области, ложно докладывая, что инициаторами стрельбы были ополченцы.

Твердилов со своей группой начал обмозговывать план побега, но вопросы: когда? как? и куда? – тормозили задуманное.

В тайном отпуске в ДНР

Максим, слушая телепередачи и читая газетные статьи о происходящем на востоке Украины, часто задумывался над розыском убийц его семьи. «А что, разве они не могли убежать на Украину и участвовать там в гражданской войне? Сколько таких случаев было во время чеченской, куда стремились все отребья общества. Спрятаться они могли только там. Столько лет подряд ни прокуратура, ни милиция не могут их обнаружить и арестовать. Поехать бы в Донецк или Луганск... а вдруг с Божьей помощью и удастся найти их. Но как? Уволиться? Вот если бы взять отпуск и, никого не ставя в известность, поехать? Прикинуть добровольцем, а если что не так получится – объясню людям... они поймут... Повойою месячишко. Долю пользы принесу ополченцам. Да может, Бог даст, и себе тоже. Всё! Еду!» – твёрдо решил он.

Наутро он уже был с заявлением у начальника. Тот прочитал, глянул на Максима и спросил:

– И куда вы собрались... с женой? На море?

– В Забайкалье, товарищ полковник. К родителям жены.

Родители Юлии жили в Листвянке Иркутской области, расположенной на берегу озера Байкал.

– Ну, что ж... был бы другой работник, я бы подумал о возможности предоставления отпуска, а тебе, Максим Лазаревич, препятствовать не буду. Отдыхайте. Надоест – возвращайся... Буду только рад.

– Спасибо вам!

Домой он вернулся в приподнятом настроении, к тому же раньше обычного. Юля уже была дома.

Нависшее свинцовое небо закрыло солнце раньше его захода, ветер гулял в своё удовольствие.

Максим знал, что любимая жена ждёт его. Своим отношением она всячески помогала, окрыляла любовью и, несмотря на то, что прошлое никак не забывалось им, старалась не допускать возникновения отчаяния, вселяла надежды. А потому он постоянно ощущал прилив душевных сил. И сейчас она, как всегда, встретила его радостно, подбежала, поцеловала, вся искрясь улыбкой. Целуя её в пухленькие, розовые губки, обнял, прижал крепко, ощутив радость жизни и такое теплое, обычное, человеческое счастье. Одно его постоянно мучило, да так, что он места себе не находил, – это насильственная смерть его семьи. С болью вспоминал не только то, что они погибли, но и то, что он не мог посетить их настоящую могилу. В условную братско-семейную он положил лишь их одежды и установил памятник с высеченными на нём именами, приходя туда, неизменно со слезами обращался к Богу и просил помощи в розыске и наказании убийц.

– Максим, ты сегодня рано пришёл. Вижу, в приподнятом настроении... Что-то хорошее произошло? – спросила Юля, ласково глядя в его глаза.

– Произошло, Юленька. Отпуск взял.

– О-о! Как здорово! – воскликнула она оживленно. – Я свой завтра же попрошу. Куда поедем?

– Юлечка... Кроме того, что ты моя супруга, так ты ещё и преданный друг. Поможешь мне? Если да, – скажу именно в чём.

– Ради тебя готова жизнь отдать, поэтому любую твою просьбу я выполню.

Максим вкратце рассказал о том, что задумал, о своей поездке в Донецк, и попросил её никому не говорить, а руководству его тем более.

Безрезультатный розыск убийц ему был крайне невыносим. Ещё будучи студентом, а, в основном, уже работая в милиции, а потом и в полиции, созданной 1 марта 2011 года, он проделал много работы в этом направлении, но пользы она не принесла. А сейчас сердце его звало в Донецк, и уверенности возродилось в нём больше, чем когда-либо.

– Максимушка, любимый мой, я готова поехать с тобой хоть в пекло, если потребуется. Что я должна сделать? С тобой ехать?

– Нет. Ты поезжай к своим... в Забайкалье...

– А если с тобой... А? Хочу быть рядом.

– Там опасно. Стреляют из всех видов оружия.

– Для каждого человека – часть его жизни это смерть, а когда она наступит, – возникнет другая жизнь. Так ведь утверждают некоторые... Человек – это песчинка в безбрежном человеческом море, и найти её будет одному крайне сложно, а вот вдвоём нам... процент увеличивается. Я не боюсь, Максим, пусть стреляют.

– Понимаешь... Мне придётся мотаться по всей территории Донецкой области, и мысли мои будут разд-

ваиваться... то о твоей безопасности, то о желании достичь успеха в том, зачем туда приехал. А так, ты у своих родных отдохнёшь, соскучилась, наверно, по ним, вот и поводишься, наберёшься сил, да и мне на душе будет спокойнее.

– А мне разве спокойно там будет? Я с ума сходить буду, думая о тебе и молиться о том, чтобы все пули пролетали мимо тебя.

– Юлечка, в этом и заключается моя просьба. Я и шефу своему сказал, что мы с тобой едем в Забайкалье. Прошу тебя, родненькая... Пойди мне навстречу.

После некоторого раздумья Юля ответила:

– Хорошо. Но ты мне позванивай почаще.

– Хорошо. Буду...

– А когда мы уезжаем? – перебила его Юля.

– На следующей неделе в среду.

– Я буду ходить в церковь и молиться за тебя и за твой успех. Мне тоже очень хочется, чтобы ты нашёл этих уродов... За что они с ними так поступили?

– Не знаю. Что это было – не знаю... Кара Божия или стечение обстоятельств. Хоть бы одного найти... он мне всё расскажет. Уверен.

Максим решительно встал, у него был весьма воинственный вид, который позволил Юле поверить в положительный итог поездки Максима в Донецк. Они оба после этого разговора увлечённо и усиленно все дни готовились к поездкам, она – в Забайкалье, а он – в Донецк. Максим разузнал, откуда отправляются из Москвы автобусы, их расписание, маршруты. За день до отправления автобуса он проводил Юлю до аэропорта, и она самолётом улетела в Иркутск, а на следующий день в шесть часов утра сам выехал в Донецк. Ещё на-

ходясь в Москве, заказал номер в гостинице Донецка, и уже сидя в автобусе, знал, что жильём обеспечен. Весь день пассажиры находились в пути, останавливаясь только для принятия пищи и другим потребностям.

Ближе к вечеру приближались к Донецку. Дорога была разбита. В стороне слышались выстрелы и разрывы снарядов. Женщины и дети в автобусе волновались, а водитель гнал его на большой скорости, не обращая внимания на выбоины. При приближении к городу был слышен в стороне аэропорта грохот далёкого боя. При подъезде к центру города все вздохнули облегчённо, чувствуя себя в безопасности.

Максим вошёл в гостиницу, оформил проживание, взял ключ от номера и направился на второй этаж. Впереди по лестнице поднимался худощавый мужчина с чёрными усиками и короткой бородкой, одетый в военную форму без погон. В руках нес книги, одежду, посуду и другую домашнюю утварь, которая то и дело падала. Максим подобрал упавшие вещи, а тот благодарно посмотрел на него и промолвил:

– Вы на какой этаж?

– На второй, – ответил Максим.

– И я на второй. Спасибо вам, – сказал он, подходя к своей комнате. – Вот тут и живу.

Максим глянул на номер, потом на свой ключ и ответил:

– А я по соседству.

Передав мужчине его вещи, Максим хотел было уйти, но хозяин комнаты протянул ему руку и произнёс:

– Михаил.

– Максим, – и Кизелский пожал его руку.

– Издалека приехали?

– Из Москвы.

– О-о! Здорово! Это наша мечта. Город славы, чести и всеобщего уважения. Ну, определяйтесь... вижу, вы только сейчас прибыли, заходите ко мне, как только расположитесь у себя в номере, хотите, пойдём вместе поужинаем. Согласны?

– С удовольствием! У меня тоже возникло желание поговорить с вами о том, что меня очень интересует.

– Вы журналист?

– Нет. Я работник уголовного розыска. И меня интересуют одни... Хотел сказать люди, но вовсе они не люди... твари и, возможно, сейчас на стороне украинских силовиков.

– Вон как. Давайте поговорим... в спокойной, непринуждённой обстановке. Через полчаса заходите.

Спустя это время они уже сидели за столом в ресторане на первом этаже гостиницы. Оба сменили верхнюю одежду и выглядели привлекательно. Максим при разговоре бросал частые, заинтересованные взгляды на Михаила, видя в нём доброго, открытого, отзывчивого и душевного человека. Его интересовало, кто он вообще, и как начать разговор на волнующую его тему.

– По сто грамм водочки... за встречу... Как смотришь, Максим? – спросил Михаил, потирая ладони.

– Бокал пива могу, а другого не употребляю... Спорт для меня превыше всего, а ты выпей водки.

– Хорошо. Ты бокал пива, а я сто грамм... боевых. И каким видом спорта занимаешься? Ну надо же... как незаметно мы перешли на «ты». Это упрощает и сближает.

– Много лет осваиваю каратэ, боевое самбо и ушу, – Максим после этих слов сделал небольшую паузу... –

Миша, как я понял, у вас, ополченцев, не имена, а позывные... ведь так?

- Да, у меня позывной «Гиви».
- Грузин?
- Русский... Толстых Михаил Сергеевич.
- А я Кизелский Максим Лазаревич, старший лейтенант полиции.
- Не плохо. Но у меня звание немного повыше... Так о чём хотел со мной поговорить? И кто такие эти твари?
- Это касается моего отца... полковника милиции, мамы, двух моих сестёр и тёти. Их всех эти твари убили... Вот теперь я в тайном отпуске здесь, в ДНР.
- И как это произошло?

Михаил Сергеевич Толстых – офицер ополчения, позывной «Гиви»

Максим подробно рассказал об этом, да с таким чувством, что на его глазах выступили слёзы. Михаил слушал, не перебивая, сжимая до хруста кулаки, а когда Максим закончил свой рассказ, одним движением опрокинул в рот всё, что было в рюмке, и, не закусывая, протянул Максиму руку.

– Максим... отныне ты мой брат. Буду помогать тебе во всём.

– Спасибо, Миша, – расчувствовавшись, ответил тот.

– Но как ты их узнаешь? Ведь столько лет прошло. Да и здесь ли они?

– Сердцем чую... здесь. А узнать могу только одного. Небольшой рост и причёска... прядь волос, как сельдь, свисает на правый глаз. Ещё одного видел, но его лицо не отпечаталось в моей памяти... Хотя если его увижу, может, память и подскажет, вспомню его?

– Всё может быть. Значит, завтра рано утром едем с тобой в Славянск... на передовую. Начнём оттуда, а потом будем переходить по линии фронта, хотя эта линия официально называется разграничением. Будешь делать так, как я буду говорить. Это в целях безопасности. Снайпера охотятся за нашими бойцами так же, как и наши за ихними.

– Спасибо тебе, Миша!

– Рано ещё благодарить. Нужен положительный результат. А там, на месте ребята несомненно будут нам помогать. Везёт тем, кто сам везёт, а не сидит в ожидании «авось». И общение с людьми всегда помогает, и это, считаю, большая, ощутимая роскошь – общение. Мир не должен быть закрытым, и, закрывшись в себя, мучиться нельзя, не имеет смысла. Я видел, Максим, твои полные слёз глаза, но слабости в тебе не заметил, в глазах – не-

удержимая решимость. Хоть мы и взрослые, а в душе остаемся детьми. А слёзы свидетельствуют о том, что мы в состоянии наказать и пожалеть... Конечно, не имею в виду уродов, которые лишили жизни всю твою семью.

Они ещё долго беседовали и только на тему, интересующую Максима. В их разговоре рождалось исключительное здравомыслие. Оба они олицетворяли прямому справедливости, готовые прямо из ресторана броситься в неизвестность на поиск убийц.

Возвратившись из ресторана, стоя у своих номеров, они тепло, даже по-братски простились, пожелав друг другу спокойной ночи.

Максим долго ворочался, вспоминая прошедший разговор с Михаилом, и с трудом, но незаметно, провалился в сон. Спустя пару часов раздались взрывы. Максим сорвался с постели и подошёл к окну. На окраине Донецка полыхали пожары, рвались снаряды, выпущенные из пушек украинскими военными. Глянув на свои наручные часы, Максим увидел – три часа сорок пять минут.

«Сволочи! Бьют только по жилым кварталам, где проживают мирные люди, а ополченцы ведь на линии разграничения», – тихо произнёс Максим, присаживаясь на пуфик у стены в метре от окна.

Обстрел продолжался сорок минут, потом наступило затишье.

Конечно же, в руководстве Украины не было нормальных людей. Все они с психическими отклонениями, если избрали силовой метод для решения вопроса о судьбе восточных областей.

За всё ими творимое они должны ответить строго по закону, когда нормальный президент сменит Порошенко, не думающего о своём народе, а по-звериному

издевается над ним, набивая свои карманы противозаконными доходами. Если бы его команда работала по уму, то сегодня Крым находился в составе Украины, и не было бы гражданской войны на территориях Донецкой и Луганской областей.

Жилой дом после обстрела

После этого Максим уже не смог уснуть. Побрился, умылся, оделся и сидел в кресле, ожидая Михаила. В шестом часу утра услышал шаги за стеной, тогда он специально несколько раз переставил стул, давая понять, что тоже не спит и готовится к выходу.

Спустя несколько минут – в дверь тихий стук.

Максим открыл дверь и увидел по-боевому одетого «Гиви».

– Ну что, готов, Максим?

– Готов, – ответил тот, выходя с небольшой сумкой, в которой находились: блокнот, канцприборы, телефон, небольшой бинокль и другая нужная мелочь.

– Поехали.

Спустившись, они сдали ключи от своих номеров, вышли на стоянку, сели в старенький автомобиль, за руль которого сел «Гиви» и поехали. В пути он рассказывал Максиму об обстановке, о поведении при переходах, особо останавливаясь на вопросах безопасности. Прибыли в то место, где можно оставить автомобиль, до передовой пошли пешком, пригибаясь, где надо. В траншеях их встретили радостно бойцы ДНР, обступив «Гиви», стали поздравлять его с наградой и присвоением очередного воинского звания. Максима заинтересовали три вопроса: «За что награда? Какая? И какое звание?», но спрашивать об этом «Гиви» не решился, а тот в этих вопросах был немногословен. Представил своим товарищам по оружию Максима как брата и коротко рассказал происшедшее с его семьёй. Когда же полностью рассвело, дал Максиму воинский бинокль, усадил в безопасное место и предложил:

– Смотри на их рожи, а вдруг увидишь своего врага. Если так случится, снайпер наш решит эту проблему.

– Нет, нет, «Гиви», он мне нужен только живым и невредимым. Через него я выйду на остальных.

– А как ты его возьмёшь?

– По-пластунски и к ним. Возьму его и обратно к вам. Только бы увидеть его, а взять нет проблемы.

– Это опасно... Но подумаем, как отвлечь остальных его идиотов.

Часами сидел Максим с биноклем в отведённом месте, пристально глядя на лица карателей. Использовал он и оптический прибор снайперской винтовки. Ему хотелось раз за разом нажать на спусковой крючок, видя вражеские лица, но это делать было запрещено. Бойцы ДНР

первыми не начинали провокаторскую стрельбу, а только прицельно отвечали на неё. Не добившись положительного результата, он и «Гиви» переехали на окраину другого населённого пункта. Вся работа Максима началась и заканчивалась так же, как и под Славянском. Каратели ежедневно, а то и по ночам открывали огонь по населённым пунктам, рассчитывая, что жители уснули и не успеют уйти из-под пушечно-миномётного обстрела.

После обстрела войсками Украины населенного пункта ДНР

«Настоящие поставщики смерти», – мысленно Максим сравнил карателей с убийцами его семьи.

Так он и «Гиви» переходили от одного населённого пункта к другому приближаясь к аэропорту. В некоторых местах каратели, будучи под воздействием чрезмерного употребления спиртного, а некоторые и наркотиков, бросились на оборону ополченцев в атаку. В этих случаях Максим активно принимал участие в отраже-

нии наступающих, стрелял из автомата, иногда из снайперской винтовки, выбирая через прицел бендеровских начальников. Тех, кто не хотел воевать и стрелять земляков, а находились под приказом, он, как и ополченцы, различали. Они находились за спиной карателей и стреляли вверх. В них же никто не стрелял. Каратели, бывало, резко оборачивались, что-то бешено орали, а иногда стреляли в них.

Обстрел деревни Старомихайловки

Спустя пятнадцать дней и ночей Максим и «Гиви» оказались в районе аэропорта. Киев использовал его для переброски свежих войск, военных грузов и техники.

Охрану аэропорта обеспечивало подразделение 3-го полка спецназначения. Руководство ДНР всячески пыталось отвоевать аэропорт, прекратив доставку войск и оружия по воздуху к Донецку. Ополченцы очистили окраины Донецка от украинских войск и 25 мая 2014 года попытались захватить аэропорт, установив

жесткий контроль над диспетчерской вышкой, регулирующей полёты авиации Украины. Со стороны ополченцев руководил командир бригады «Восток» Александр Семёнович Ходаковский. В его подчинении находились добровольцы, как с Украины, так и из России. Но с воздуха мешали налетевшие шесть вертолётов и самолёты, которые сбрасывали бомбы на населённые пункты и вели пулемётный огонь по ополченцам. Несмотря на это, ополченцы блокировали аэропорт и стали уговаривать украинских солдат не проливать кровь, освободить аэропорт «Донецк» от своего присутствия.

Пятьдесят военнослужащих сдались, и им обеспечили безопасный уход из аэропорта. В этот период и прибыли сюда Максим с «Гиви».

Военная техника, брошенная против ополченцев

– Пойдём, Максим, выберем хорошее местечко для твоего наблюдения. Ты будешь заниматься своим делом, а я своим, – сказал «Гиви», увлекая его за собой.

Аэропорт Донецка в огне

– Пойдём, Миша. Как я тебе благодарен за все проведённые вместе дни...

– Не стоит... Не стоит, Максим. Вот здесь и определяйся. Смотри, как хорошо просматривается аэропорт.

Максим улёгся на землю, положив рядом снайперскую винтовку без патронов и бинокль, раздвинул ветки кустов и посмотрел в оптический прицел. «Гиви» уже хотел было удалиться, как вдруг Максим вскрикнул:

– Ба-а! «Гиви»! Вон он, гад!

Тот схватил бинокль и стал осматривать солдат на территории аэропорта, но не находил того, которого увидел и описал ещё в ресторане Максим.

– Где ты его увидел? Не могу найти.

– Смотри... правее от автобуса стоит грузовик, а впереди его трое солдат, один из них без головного убора с селёдкой на правом глазу. Это он! Клянусь тебе... это

он. Всё... нашёл. Теперь мне надо туда. Спасибо моему чутью и сердцу... за подсказку.

– О-о! И я нашёл его... Ты уверен, что это он? Украинцы многие такие причёски делают себе.

– На сто процентов уверен... и сердце моё подсказывает. Я пошёл, Мишенька!

– Куда ты пошёл? Тебя сразу же уложат выстрелом.

– А что если белый флаг, и пойти открыто, как бы на переговоры... Отдадут его?

– Даже и не думай... Ни за что. Уверен полностью, притом тебя одного я не отпущу. Пойдём вместе. Стемнеет и пойдём.

– Миша! Ну, тебе-то зачем рисковать?

– Есть причина... Ты мой брат. Наблюдай за ним... куда пойдёт, и где будет находиться, а я смогаюсь к своему начальству. Надо предупредить, – сказал тот и быстро удалился.

Максим зорко наблюдал за опознанным. А это действительно был Остап Коваль. Рядом с ним стояли Твердилов и Павловский. Кузнецов в это время лежал в постели после отравления говяжьей тушёнкой. Они продолжали обсуждать свой план побега из украинской армии, сожалея, что не ушли с теми пятьюдесятью солдатами, которые сдались, и их свободно отпустили на все четыре стороны.

– Нас двоих, – и Твердилов кивнул в сторону Ковалья, – под охраной отправили перетаскивать боеприпасы. А ты где был? – спросил он у Павловского.

– Меня с двумя бойцами и Кузнецом отправили перетаскивать продукты. Вот там он и отравился. Я ему тогда говорил, чтобы не ел... запах был отвратительный, но он засадил три ложки... дурак, а я солёный огурчик

с печенюшкой и почти полбутылки горилки... Водочка хороша была, – пояснил тот.

– Нам-то чего не принёс?

– Ага! Перед выходом из помещения нас обыскали и всё, что прихватили, отобрали.

– Ладно... У меня предложение уйти ночью через российскую границу. Она тут недалеко... Ну обойдём Донецк, а потом...

– А потом куда? – перебил Твердилова Павловский. – Документы у этих бендеровцев. Как без них?

– Скажем, как есть. Бежали... не хотим войны. Поверят. На наших глазах сколько украинцев с центральной части перебежали к ополченцам...

– Нас тут же спросят: почему, мол, мы оказались в России, а не сдались ополченцам. Что ответим?

– Я и говорю... Не хотим войны... ни с той, ни с другой стороны.

– Так нас же спросят и о том, как мы попали в армию Украины... Призвать нас не могли из-за российских паспортов и гражданства... значит добровольцы, – возразил Коваль.

– Тоже проблема. Надо что-то придумать... А если так... мол, попались на чём-то, и нас не в каталажку, а на войну. Ведь так тоже может быть. ВеСеУшники на всё способны... мутузили нас и добились нашего согласия. Вот мы и бежали, не к ополченцам, а к вам – русские... земляки наши дорогие.

Они продолжали обсуждение волнующего вопроса, а Максим наблюдал за ними и размышлял, как лучше поступить с захватом опознанного: «Зачем я буду подвергать опасности Мишу? Он и так повседневно живёт, подвергая себя опасности. Попробую сам. А что? Полз-

ком до аэропорта. Стемнеет, я оприходуя одного из украинских солдат, переоденусь и пойду туда, где будут эти проживать. Похоже, они все трое вместе, но меня интересует тот, у которого селёдка на голове. А обратно этим же путём. Этому... с селёдкой скажу, мол, командир срочно вызывает. Ну-у... хорош план». Он оставил винтовку и бинокль на том же месте, где лежал, а сам пополз к аэропорту. Спустя минут двадцать на это же место прибыл «Гиви». Увидев отсутствие Максима и следы, указывающие на то, что он пополз в сторону аэропорта, «Гиви» расстроился и, недолго думая, пополз по его следу.

Максим тем временем лежал у самой границы аэропорта, наблюдая за продолжающимися беседу. Но беседа подходила к концу. Твердилов, указав рукой в сторону стоявшего рядом грузовика, пошёл к нему, а Коваль и Павловский, разговаривая между собой, вошли в огромный квадратный «ящик», похожий на товарный контейнер. Двухстворчатая дверь после их входа до конца не закрылась. Похоже, что это и был контейнер, используемый под жильё солдат.

Максим, прищурив глаза, прикинул расстояние до контейнера: «Метров сто». В это время почувствовал, как кто-то спокойно положил руку на его левую голень. Резко обернувшись, увидел Михаила, и шепотом произнёс:

– Ну, ты чего, «Гиви»? Я бы сам.

– Самовольничать нельзя, Максим. Это тебе не в магазин сходить. Как я мог тебя одного сюда отпустить? Да никак. Вот я по твоему следу и прибыл сюда. А ты почему так поступил?

– Не хотел тебя подставлять под опасность.

– А ты знаешь, что если вдвоём, то процент опасности сокращается?

– Смотря в каких случаях. А в этом... я уже подробно спланировал. Мой план очень прост.

– Давай, рассказывай.

Максим детально изложил свои намерения. «Гиви» со своей стороны чуть подправил, и они спокойно стали ожидать темноты.

Похищение убийцы

Услышав гул самолётов, ополченцы, пользуясь темнотой, мгновенно изменили место расположения, а самолёты, налетев, сбросили бомбы, которые падали и взрывались там, где только что были ополченцы. И в этот момент наземное воинское подразделение противника в срочном порядке доставило в аэропорт украинским военным тяжёлое вооружение. Началось его размещение, и многие солдаты и офицеры занялись этим. Группа Твердилова осталась неистребованная, так и продолжали находиться в своём контейнере, где сам быт был в плачевном состоянии: матрасы побросаны на пол, без простыней, подушек и одеял. Так они и спали. Умываться и в туалет ходили в здание аэропорта, электроосвещение в этом контейнере отсутствовало.

– Надоела мне эта собачья жизнь, – сказал Твердилов, уткнувшись глазами в невидимый в темноте потолок. – А чё... живём в собачьей будке, но будки для собак в самый раз, а мы ведь люди.

– А кто в этом виноват? Не твоя ли инициатива? Твоя... притом настойчивая, – послышался голос Ковалёва.

– Ты закрой своё хавало... Все решали... Я вам не приказывал.

– Да ты всегда из воды сухим выйдешь. Я лично очень жалею, что с тобой связался... и этой проклятой жизни конца не вижу, а насчёт хавала... то ты тоже почём зря не разевай, не то получается, что тебе можно говорить всё, а мы должны только слушать и молчать... А вот хрен тебе, буду говорить то, что захочу.

В этот момент что-то в воздухе прошумело, и раздался глухой удар в стену. Это Твердилов, разозлившись, кинул в ту сторону, откуда слышался голос Ковалья, свой ботинок. Он не любил никаких противоречий, касающихся его, и всегда чувствовал себя перед этой миникомандой не простаком, а лидером. Находясь в украинской армии, изо всех сил рвался занимать первенствующее положение среди военных и из шкуры лез, выполняя любые приказания, а чувствуя затруднение, подключал всю свою команду. Казалось, он и спал с полуоткрытыми глазами, неустанно контролируя любую ситуацию. А сейчас уязвлённый холодным, чересчур наглым и самоуверенным тоном Ковалья, из которого, как ему показалось, так и попёрло хамство, он еле себя удерживал, чтобы не сорваться и не наброситься на него с кулаками. Ещё секунда, и это бы случилось, но скрипнула дверь, и в проёме показались две фигуры военных, вспыхнул луч фонарика и, пробежав по лицам лежавших, уверенно остановился на лице Ковалья. Это были Максим и «Гиви», одетые в военную украинскую форму. Они проследили за двумя солдатами, ударами успокоили их, завладели их одеждой, а свою припрятали так, чтобы забрать её на обратном пути.

– Фамилия? – строго спросил Максим того, которого осветил фонариком.

– Коваль, – ответил тот, привстав.

– Имя и отчество?

– Остап Алексеевич.

– Поднимайся и пойдём к командиру. Быстро!

Тот начал обуваться. Спали они всегда в верхней одежде, но разувались.

В это время со своего матраса поднялся Твердилов и, подойдя к вошедшим с фонариком, требовательным голосом поинтересовался:

– А вы куда его?

– А ты кто ему? Начальник? – возмущённо спросил «Гиви».

– Да, начальник. Это мой солдат...

– Да не дури ты, ради Бога! – одёрнул его Коваль. – Я готов, – промолвил он, глядя на военных.

– Да кто его вызывает? И зачем, – не отставал Твердилов.

– Тебе какое дело? – включился в разговор Максим и, уже обращаясь к Ковалю, произнёс: – Давай выходи.

Твердилов резким движением схватил Ковалья за локоть и придержал.

– Никуда он не пойдёт, пока толком не объясните.

Максим шагнул вперёд и резким движением руки в секунду уложил Твердилова на пол. Тот ойкнул и затих, а Максим взял Ковалья за плечо и направил к выходу.

Выйдя из контейнера, «Гиви» после того, как вышел Максим со своим врагом, закрыл то, что называлось дверью, и догнал торопившегося Максима. Оказавшись за пределами аэропорта, Коваль почувствовал что-то неладное и, не понимая, куда его ведут, спросил:

– Скажите... куда мы идём?

– Там узнаешь, – ответил Максим и в одну секунду заломил его руки за спину, а потом надел на них наручники.

«Гиви» и Максим переоделись в свою одежду, подхватили Ковалья под руки и побежали в сторону ополченцев.

Теперь Коваль понял, что его конвоируют не украинские военные, а ополченцы, только никак не мог додуматься, зачем они это делают, и кому именно он понадобился. В его голове всплыла картинка, когда эти два бойца вошли в контейнер и стали освещать фонариком лица лежавших, а потом никого иного, а именно его взяли. «Ох неспроста это. Кому-то нужен именно я. А я-то кто? Подносчик, грузчик... ну стрельнул пару раз из пушки... для интереса. Что-то здесь не то», – размышлял он, спотыкаясь и торопясь вместе с ними. И тут вспомнил разговор украинских военных, которые обсуждали тему минирования территории вокруг аэропорта. Весь он задрожал, с опаской переставляя ноги и не выдержав, произнёс:

– Здесь могут быть мины?

– Что? Сам минировал? – спросил его «Гиви».

– Нет. Я слышал разговор бендеровцев, когда разгружал снаряды и ящики с боеприпасами. Они, сидя, покуривая индийскую коноплю, обсуждали именно эту тему.

– А ты можешь показать, куда разгружал?

– А почему нет... Могу.

– И тебе не жаль украинских военных?

– Мне жаль тех, кто из центральной части Украины, а тех западников... бендеровцев – нет. Они никого не жалеют... ни чужих, ни своих... Да и все они наркоманы. Хотите... пойдём обратно, и я покажу?

– Что... желание появилось поднять тревогу? – спросил Максим. – Не выйдет!

– Даже и не думал об этом. Если честно, я немного рад, что вы меня взяли, но только волнительно... зачем? кому я нужен? Со мной находились Твердилов, Павловский и Кузнецов, так вот мы все планировали совершить побег... не к вам, а в Россию. Мы ведь оттуда, а сюда... придурки... пришли как добровольцы, не зная, кто и с кем воюет.

В это время в воздухе раздалось очередное шипенье, и загорелась ракета. Они упали в траву, что уже делала шестой раз, когда ракетами освещали ополченцы и противник. Со стороны украинских военных было выпущено четыре, а со стороны ополченцев – только две, что означало, что украинцы боялись ночной вылазки больше, чем ополченцы. Но запуск ополченцами двух ракет все-таки их успокаивал. Ополченцев они называли сепаратистами, да и не только их, но всех жителей ДНР и ЛНР. Между украинцами бытовал слух, что американский Байден и его сын, якобы, купили все донбасские земли, поэтому старались всячески поддержать Порошенко и его единомышленников, чтобы властвовать.

Когда ракета потухла, все трое продолжили путь. Пройдя метров сто, их остановил донесшийся впереди окрик.

– Стой! Кто идёт?

«Гиви» спокойно ответил паролем, и спустя минуту они оказались в траншее. Обступившие ополченцы, прикрывшись плащнакидкой от противника, быстро осветили лицо Ковалья, а один из них спросил:

– Бендеровец?

– Бендеровцы остались в аэропорту, а я чистокровный украинец, и так же, как и вы, ненавижу этих сволочей, – ответил пространно Коваль.

– Ну-ну... каждый бендеровец, находясь в твоём положении, скажет именно так.

– Я сказал честно. Можете не верить.

– Максим, – обратился «Гиви» к Кизелскому, – будь с ним здесь, а я быстро к командиру.

– Хорошо, – коротко ответил тот.

Оставшись наедине с похищенным, Максим чувствовал себя отвратительно. Ему хотелось, не откладывая на потом, задать ему ряд вопросов. Себя ловил и на том, что у него возникло желание прямо здесь застрелить его, как самого злейшего и опасного врага. Прохаживаясь туда-сюда и не спуская глаз с него, сам себя успокаивал, ссылаясь не только на свою порядочность, но и на существование строгих государственных законов, регулирующих отношения задерживающего с задержанным.

– В Москве бывал? – предварительно спросил он Ковалья и посмотрел в его прикрытое темнотой лицо.

Тот подумал немного и с опаской ответил:

– Давно бывал.

– А здесь сколько уже живёшь?

– Так сколько?.. Где-то с 1995 года... нет, нет, кажись, с 1998 года... примерно. Точнее не помню. Ну, где-то в этих годах. Мы уехали в Киев, потом колесили по Ровно, Одессе и снова Киев... и сюда.

– А кто это – мы?

– Ну-у... мои кореша.

– Те, что остались в контейнере?

– У-гу.

– Ты называл их фамилии – повтори.

– Кузнецов, Павловский и Твердилов, которого тышибанул. Интересно, жив ли он или...

– Не волнуйся – жив. А в Москве что вы делали?

– А ничего. На работу устроиться не могли... Так кое-где подрабатывали.

– А что вам мешало для устройства?

– Ты чего... меня допрашиваешь?

– Да ладно тебе. Время коротаю. Пока командир нас примет... не хочешь – не говори. Мне всё это до лампочки, – Максим постарался не выдать своих эмоций, быть как можно безразличнее.

Оба на какое-то время замолчали. Каждый думал о своём. Остапа интересовало то, что хочет узнать этот ополченец, которым считал он Максима, и почему его интересуется Москва, а Максим размышлял над тем, как построить свои вопросы этому похищенному убийце, когда перейдёт к официальному допросу. Задумался он и над тем, как подключить к допросу «Гиви», да ещё так, чтобы он допрашивал от своего имени, а Остапу с Максимом произвёл очную ставку. В таком случае какой-то вес эти два следственных документа будут иметь в уголовном деле, если ещё от следователя из Москвы поступит официальное поручение о производстве этих двух следственных действий.

Их размышления перебил возвратившийся «Гиви». Во всем его облике чувствовалась решительность.

– Ну, что, друг мой, – обратился он к Максиму, – провожу тебя в Донецк и быстро обратно вернусь. Есть очень важная работа.

– Мне надо с тобой поговорить... здесь и срочно, – Максим посмотрел как никогда сосредоточенно.

«Гиви» повернулся к двум стоявшим в двух метрах ополченцам, потом шёпотом что-то сказал им, и те в один миг щёлкнули затворами автоматов, взяв под охрану похищенного. После этого «Гиви» и Максим зашли в блиндаж, где находились два офицера, и Максим начал:

– «Гиви» до конца помоги мне... очень тебя прошу. Допросить его должен именно ты и сделать между ним и мною очную ставку. Кроме этого позвони следователю... у меня есть его номер телефона, а зачем я тебе объясню. Если всё это я сделаю от своего имени, то работа окажется пустышкой, так как я заинтересованная личность в уголовном процессе. Если ты сделаешь эти два следственных действия прямо здесь, то я могу отправиться в Донецк, а оттуда в Москву.

– Более подробнее можешь объяснить? – попросил «Гиви».

Тот детально всё объяснил, и «Гиви» задумался. Оба офицера все это время молча слушали и смотрели на них, а когда увидели задумчивого «Гиви», подумали, что он хочет отказать Максиму.

– Гиви, помоги ему. Такое дело, что нельзя отказать. Если что... мы поможем, – заверил один из них.

– Молодцы, ребята... Я задумался над тем, с чего начать и чем закончить. А вы при допросе сидите и слушайте, а потом я и вас допрошу как свидетелей. Согласны?

– Без проблем! – в один голос заявили оба.

– Тогда, Максим, хоть и поздновато... звони следователю... вернее, набирай номер, а я поговорю с ним.

Тот достал из своей сумки блокнот, полистал его и набрал номер телефона. Гудок вызова долго звучал, но

никто не отвечал, и «Гиви» уже хотел было сбросить вызов, как вдруг послышалось хриплое и сонное:

– Да. Кто это? В чём дело?

– Я извиняюсь за поздний звонок... Я звоню из Донецка... точнее, из окопа линии разграничения с войсками украинской верхушки. Дело вот в чём. Мы только сейчас похитили из расположения украинских войск одного из их бойцов, некоего Ковалю Остапа Алексеевича. При беседе он пояснил, что ранее, в девяностых жил вместе с остальными тремя своими соучастниками в Москве, и что они совершили убийство семьи Кизелского Лазаря Анисимовича...

– Бывшего начальника РОВД?! – закричал обрадовано следователь. – Ага! Ну и что? Мне выехать? Немедленно это сделаю.

– Нет, нет. Не стоит. Его доставят вам в Москву. Я о другом. Сможете завтра с утра нам по интернету или другим способом... чуть позже назову вам источники... Направить своё поручение о проведении ряда следственных действий с Ковалем, чтобы вся моя работа была на законном основании. Мой позывной «Гиви», фамилия Толстых, зовут Михаил Сергеевич.

– Смогу. Завтра же с первой минуты начала рабочего дня всё сделаю... Да, постараюсь намного раньше прийти в свой кабинет. Диктуйте мне номера телефонов или адреса.

«Гиви» продиктовал и то, и другое, после чего следователь радостно сказал:

– Ох... как вы меня обрадовали. Спасибо вам. Материалы как мне перешлёте?

– Доставим Ковалю и всё остальное с ним. Если мы завтра от вас получим поручение, то послезавтра и он, и материалы будут у вас.

– Вообще... как в сказке. Может, всё это мне снится? – ущипнул себя, и боль почувствовал. «Да нет...» – Всё у вас?

– Да, всё.

– Тогда ожидаю с нетерпением. После его допроса позвоните мне. Хочу знать – в сознанку он идёт или крутит, вертит.

– Обязательно позвоню.

Тепло простившись, «Гиви» глянул на Максима, у которого улыбка не сходила с лица.

– Приступай, – радостно выдохнул он и пожал руку «Гиви». – Ты все подробности знаешь. А мне надо находиться где-то в стороне, неподалеку, но так, чтобы всё видеть и слышать.

– Сядь рядом с офицерами... спиной к нам, пока я его не посажу спиной к тебе, а потом... как тебе будет удобно.

Максим так и сделал.

«Гиви» вышел и, подойдя к Ковалю, увидел его взволнованным, в страхе смотрящим на наставленные ополченцами дула автоматов, а в голове неустанно вертелась мысль, что его расстреляют, как врага.

«Гиви» поблагодарил ополченцев за охрану похищенного, завёл его в блиндаж, посадил спиной к двум офицерам и Максиму, а сам устроился возле двух ящиков из-под боеприпасов, которые использовались в виде стола. Достал чистые листы бумаги и авторучку.

– Ну, что... начнём конкретный разговор, – сказал он, глядя в лицо Ковалю и на трясущиеся его руки. – Предупреждаю сразу... говори только правду. За враньё ответишь.

– А о чём говорить-то? – взволнованным и дрожащим голосом спросил Остап.

– О том, какие преступления ты совершил вместе со своими соучастниками в Москве?

Коваль враз побледнел, на секунду потерял голос. Прокашлявшись, ответил:

– Ничего там я не совершал... Ни я, ни мои кореша. Это какое-то недоразумение...

– Что? С первого вопроса уже начал врать? А ну-ка поразмысли... Как ты считаешь, мы за тобой пришли в логово этих бендеровцев случайно? Думаешь, по ошибке?

Тот молчал, а «Гиви» продолжил:

– Так вот... специально за тобой. Ты был главарь той банды, которая совершила злодеяние в Москве, и за это «паровозом» пойдёшь... Ответишь по всей строгости закона. У меня есть свидетель, который видит нас и слушает каждое твоё слово. Он тебя хорошо видел во время совершения тягчайшего преступления, а ты его – нет. Так что тебе светит либо расстрел, либо пожизненное. Ну, что скажешь?

Коваль опустил голову, взгляд его казался остекленевшим, сердце бешено колотилось, смешивались чувство тревоги, жалости к себе.

– Я не главарь. Это ошибка, – при этих словах заёрзал на ящике.

– Рассказывай. Если ты нам поможешь установить детальную истину всех событий, то мы и тебе поможем за сотрудничество со следствием. Давай, Остап, плюнь на своих корешей... они тебе не друзья, а соучастники, а их уже тащат к нам другие наши бойцы. Мы же, если не договоримся, возьмём курс на то, что именно ты главарь, так и задокументируем. Я с тобой честно веду разговор, не обманываю... Судить тебя будут, но срок будет

зависеть от твоих показаний на допросе, а я, как ты видишь, документирую свои вопросы и твои ответы. Если ты меня понял, начинай давать показания с самого начала своих действий в Москве. То, что было у вас в Киеве и вообще на Украине, меня не интересует. Если же ты сейчас не начнешь отвечать полно и честно, я начну задавать тебе вопросы, от которых ты не отвертишься. Ну-у... слушаю. Да-а, чуть не забыл... С момента похищения нами тебя и далее... о свободе забудь. Она будет светить тебе в зависимости от твоих показаний, как на следствии, так и в суде. Вот теперь слушаю тебя.

– Ладно... я готов сотрудничать, но у меня есть один вопрос к вам... Можно?

– Говори.

– Явку с повинной можете мне оформить?

– Нет проблем. Давай говори мне и в протокол сейчас занесём все подробности совершённого, а после я тебе дам бумагу, и ты собственноручно напишешь явку с повинной, коротко перечислив свои и других соучастников действия.

Подумав несколько секунд, Коваль достал из кармана серый, давно не стиранный платок, вытер свои слезившиеся глаза и, решительно посмотрев на «Гиви», сказал:

– Начинаю.

У Максима в этот момент по спине побежали мурашки. «Неужели Бог помог мне вспомнить лицо этого уродда?» – пронеслось в его голове.

– Я, – начал Коваль, – Твердилов Савелий, Жорж Павловский и Георгий Кузнецов, освободившись из лагеря по отбытию меры наказания, жили в Москве. Несколько раз пытались устроиться на работу, однако нас

никто не принимал. Несколько случаев было, мы разгружали вагоны и получали мизерные деньги, которых хватало на еду, одежду и плату проживания на частной квартире. Пришлось совершить тройку «гоп-стоп», но этих людей, у которых мы забрали деньги и ценности, я не знаю, а места показать могу, только вот даты и года не помню. После этого денег нам не хватало, так как их было мало, а отобранные часы, куртки и прочее проданы были за мизерные копейки. И тут нас выручила одна девка, не помню, как её звать, но с ней встречался, кажется, Кузнецов, но это не точно... а может, и Павловский. Так вот, она навела нас на квартиру инвестора Сулова. А в это время мы познакомились и подружились с Кузей... Кузьмой Ковалёвым. Его батяня в то время работал в милиции и был в звании майора, всё время всячески помогал нам.

Максим, услышав эту фамилию, в недоумении широко открыл глаза и повернулся в сторону Ковалья. В его голове сразу же всплыла картинка с человеком, ударившим его пистолетом по голове. Он вскочил и кулаком хлопнул о свою ладонь. Один из офицеров одёрнул его и приложил палец к своим губам, показывая этим, чтобы тот молчал. Максим опустил на своё место, глянул на офицера, кивнул головой, а потом кулаком своим постучал по голове с мыслью: «Чего же ты всё это время молчала».

– Мы проследили за Суловым и его семьёй, а потом проникли в его жилище. Грохнули Сулова, поочерёдно изнасиловали его жену и дочь, а потом забрали несколько миллионов рублей... там была и зарубежная валюта. Кузьма Ковалёв тоже с нами участвовал и делал всё то, что и мы... участвовал и в изнасиловании и убийстве

всех Сусловых. Для сокрытия похищенные деньги он забрал себе. Но, по его словам, якобы отец... Ну Ковалёв... майор... забрал эти деньги и... якобы сдал их следствию, в чём я сомневаюсь. Так вот дальше... У Кузьмы тогда на носу было тёмное родимое пятно, и по этому пятну его опознала соседка Сусловых, которая дала показания на следствии... Её, по болезни, положили в больницу. Майор Ковалёв через своего сына Кузьму сообщил нам об этом и намекнул, что надо избавиться от свидетеля. Лидером у нас был Твердилов, а не я. По его указанию мы и её грохнули. Через некоторое время Кузьма сообщил Твердилову в нашем присутствии, что его отец увидел активность в расследовании уголовного дела следователем прокуратуры, фамилию его не помню, и тоже намекнул нам задуматься. Мы и совершили на него покушение автомобилем, но неудачно. А после этот же майор снова через Кузьму сообщил нам, что его начальник взял эти дела на свой особый контроль. А ему в этом оказывал помощь начальник уголовного розыска... Его фамилию тоже не помню... А главного начальника звали Лазарь... и тоже он сделал нам намёк, что надо ликвидировать его. Вдобавок, как я понял из разговоров Кузьмы, его отец, майор, неудержимо хотел сесть на его место. Ну, вот мы и ринулись в его квартиру. Командовал всё тот же Твердилов. Нам в то время Кузьма сообщил ещё и о том, что якобы, как ему заявил отец, у этого Лазаря есть на нас все данные, и он хочет нас арестовать. Ворвавшись, Твердилов сразу же замочил открывшего нам дверь квартиры Лазаря. Ну, мы и начали поочередно насиловать его жену и двух дочерей, а потом замочили их и ещё одну старуху. Во всём этом активно участвовал и Кузьма, он же замочил и его сына.

После этого снова этот же майор сделал намёк о том, что девка – наводчица... О-о! Вспомнил... её звали Леной... Так вот она может заложить нас. Мы и её грохнули... А потом майор передал через Кузьму, что нами серьёзно заинтересовались, и присоветовал нам срочно уехать. Вот мы, провожаемые Кузьмой, и мотонули на Украину. Твердилов поддерживал с ним телефонную связь. Это всё.

– Нет, не всё, – сказал «Гиви». – Все трупы следствием осмотрены и исследованы, а вот семьи начальника милиции Кизелского Лазаря – нет. Куда вы их спрятали?

– О, да... я забыл сказать. На автомобиле мы их вывезли в лес и закопали, а труп пацана остался в квартире. Мы про него забыли. Место, где закопали, могу показать. Яма совсем не глубокая и общая.

От услышанного у Максима по щекам побежали слёзы, он заскрежетал зубами, глаза расширились, рука потянулась к кобуре. Один из офицеров придержал её и положил успокаивающе свою руку на его плечо. На лицах обоих офицеров было сочувствие.

– А ты знаешь, что этот мальчик жив и сейчас работает в полиции... пошёл по стопам своего отца? – продолжил «Гиви».

– Как?! – воскликнул Остап и вскочил. – Его же убил Кузьма!

– Максим Лазаревич! Подойди сюда, – позвал «Гиви» Кизелского.

Тот снял очки с переносицы, которые изменяли его внешность (он их одел при подходе к контейнеру, где находился Остап со своими соучастниками), положил на ящик, где только что сидел, и подошёл, присел на

ящик, стоявший рядом с Остапом, и глянул в его лицо, их глаза встретились. Остап, не выдержав этого взгляда, опустил глаза и встал перед ним на колени, дрожащим голосом произнёс:

– Я не прошу прощения... За такое не прощают. Виновен я... Убей меня...

– Это я сделал бы с великим удовольствием, но о твоём наказании будет решать суд. Скажи... там, в этом вашем контейнере, остались твои соучастники... всех убийств, о которых ты сейчас рассказал? – спросил Максим.

– Да... Твердилов, Кузнецов и Павловский. Вы хотите их взять?

Максим, не отвечая, задумался, а потом глянул на «Гиви».

Тот всё понял и, ни минуты не задумываясь, выпалил:

– Давай, будь здесь, Максим. Только я сейчас бегом сметаю к начальству и назад, – а потом, повернувшись к Остапу, продолжил: – А ты сейчас собственноручно изложишь всё, о чём нам рассказал.

Уходя, он подошёл к двум офицерам и что-то им начал тихо говорить. Те кивали головами, после чего он быстро ушёл.

Остап начал писать, а один из офицеров вышел и через минуту вернулся в сопровождении ополченца с автоматом на плече, который остановился у входа, а офицер вернулся на своё место. По лицу Остапа нетрудно было догадаться, что им овладело чувство безнадежности. По суете ополченцев он понял, что прямо сию минуту они пойдут за его соучастниками и приведут их сюда. Как он с ними встретится? Что скажет? Эти два вопроса накатывали в его голове вновь и вновь.

– Максим, – обратился он к Кизелскому. – Извините, что я так вас называю... я ведь не знаю, как обратиться к вам по-другому... Можно вас попросить?

– Смотря о чём, – коротко ответил тот.

– Когда вы арестуете Твердилова и остальных... не оставляйте меня с ними наедине. Я готов с ними на очные ставки, если потребуется, но не более. Им очень не понравится, что я согласился на сотрудничество со следствием.

– Ты мог бы об этом и не говорить, потому что и так будете содержаться только врозь.

– Всё равно... спасибо, – сказал он и продолжил писать.

– Пиши, Остап, только правду... хоть капля лжи может изменить доверие к тебе... Выбрось из головы всё лишнее и сосредоточься только на деталях совершенных преступлений.

– Хорошо.

В это время вернулся «Гиви». Глянув на офицеров, кивнул им головой, потом посмотрел на Максима и промолвил:

– Бегом! Мы должны успеть.

Выбежав из блиндажа, они тут же растворились во мраке.

Очередное покушение

Спустя минут тридцать после того, как Максим и «Гиви» увели Остапа Ковалю, Твердилов пришёл в себя и, отстранив от себя руки Кузнецова и Павловского, которые хотели помочь ему встать, промолвил:

– Кто эти два идиота были? Куда они увели Остапа? И вообще, что им от него надо? Это настораживает.

– Знать бы об этом, – ответил Кузнецов. – Такое тут было...

– Не столь важно, что было, важнее, что будет. Они и вас избивали? – прервал его Твердилов.

– Нет... не тронули. Заграбастали Остапа и увели. Он же украинец, может, это сыграло, и он зачем-то понадобился?

– Всё может быть... А вдруг заинтересуются нами и нашим прошлым. Надо уходить. Прямо сейчас и не откладывая. Двинем в сторону Ростовской области...

Твердилова прервал артобстрел украинскими подразделениями населённых пунктов ДНР. Снаряды падали и взрывались, рушили дома жителей сёл и пригорода Донецка.

Максим и «Гиви» в это время находились за километр от места пребывания твердиловской банды, которая, будучи вооружённая автоматами, пробиралась им навстречу, уходя из территории аэропорта. При выходе за его пределы, они напали на четырёх украинских военных, убили их, забрали документы и оружие, после чего направились в сторону Российской границы. Ещё бы десятка два шагов, и они бы встретились.

– Надо ускорить шаг, не то не успеем до начала нашего ответа бендеровцам, – услышали они приглушённый голос «Гиви» и сразу же залегли и замерли.

«Гиви» и Максим в метрах пяти от них, пригнувшись, быстро прошли в сторону аэропорта.

Как только они удалились, твердиловцы, взяв курс левее, продолжили свой путь.

Обстрел продолжался и становился с каждой минутой всё реже.

Подойдя к контейнеру, из которого похитили Остапа, «Гиви» и Максим никого в нём не обнаружили.

– Что делать? – произнёс «Гиви».

– Они сбежали, – ответил Максим. – Помнишь рассказ Остапа о плане Твердилова?

– Думаешь, они направились в Ростовскую область?

– А больше некуда. Оттуда они постараются перебраться за пределы России.

– Всё, уходим. Сейчас начнут наши.

Они спешно побежали обратно и наткнулись на четырёх зарезанных украинских солдат, не исключив, что это работа твердиловской группы. Как только Максим и «Гиви» оказались за пределами аэропорта, со стороны Донецка по небу потянулись огненные линии. Это

ополченцы ответили украинским войскам из РСЗР (реактивных систем залпового огня) для подавления наземных огневых точек и опорных пунктов, находящихся на территории аэропорта. Там начались оглушительные взрывы.

– Похоже, наши попали в склады боеприпасов, – сказал набегу «Гиви». – Слышишь, какие взрывы? Корректуры у нас молодцы... Дали точные данные для пушкарей.

– Я видел у вас два танка имеются... Откуда они? – спросил, не перегоняя его, Максим.

– Они украинских войск... Были подбиты, а наши великолепные мастера отремонтировали их, и они у нас в строю. У нас много оружия и техники ВСУ, добытых в боях.

– А что такое ВСУ?

– Вооружённые Силы Украины.

Окриком их остановил часовой.

«Гиви» ответил паролем, и они прошли в блиндаж.

Остап поднял тревожный взгляд и, увидев, что его соучастников нет с ними, спросил:

– Что?.. Не взяли их?

– Нет, не взяли. Похоже, они бежали, даже убили четверых украинских военных... А вот куда? – ответил «Гиви».

– Я знаю куда.

– Ну, так говори.

– В Ростовскую область, а вот дальше куда направятся... вопрос.

– Ты написал то, что тебе велено?

– Да, написал всё.

«Гиви» с Максимом посмотрели и увидели три исписанных листа. Максим и «Гиви» задали ему ещё по

несколько вопросов, а потом «Гиви» составил протокол очной ставки. Офицеры за это время также написали свои показания... услышанного из рассказа Остапа Ковалья. Максим стал знакомиться с написанным, а «Гиви» попросил одного из офицеров – сообщить на границу России о бегстве Твердилова, Кузнецова и Павловского.

Когда всё было закончено, небо начало светлеть. Новое утро всегда встречается с надеждой, что день будет удачным.

«Гиви» посмотрел на Максима, складывающего следственные документы в свою сумку, и ему показалось, что он расстроен.

– Ты чего загрустил, друг ты дорогой мой? – спросил он его.

– Совсем и не грустный, а сосредоточенный. Думаю, как мы будем добираться до Москвы. Тем же путём, которым я приехал? Или...

– Нет, однозначно не автобусом, – перебил его «Гиви». – Мы тебя доставим в аэропорт Ростова, а там полиция посадит вас в самолёт, а в Москве встретят. Не волнуйся... этим вопросом займусь сам. Позвоню в аэропорт, забронирую два места, а потом позвоню следователю генеральной прокуратуры. У меня есть ещё один план.

– А ну-ка.

– Ты видел, что у тех убитых украинских военных нет их личных документов... притом не у всех четырёх, а у троих... Значит эта тройка взяла их себе и под этими фамилиями будет действовать. Так вот... как только наступит рассвет... Я с белым флагом пойду на переговоры с украинским военным руководством. Они должны

дать нам полные данные тех трёх погибших от рук банды Твердилова. После этого дополнительно сообщим в Москву.

– Отлично. Спасибо, Миша, ой прости... «Гиви».

– Ты отдохни немного, а я займусь всем намеченным... Остап будет находиться под охраной наших бойцов, – сказал «Гиви» и ушёл.

Трезвая предусмотрительность и здравомыслие Максима не позволили ему расслабляться, и он не стал ложиться отдыхать. Благодарственно, с нескрываемым восхищением посмотрел вслед удаляющемуся «Гиви» и начал готовиться к предстоящей поездке. Из разговоров офицеров и бойцов о нём Максим понял, что «Гиви» в составе ополченцев заслуженно пользовался всеобщей симпатией и огромным уважением, поэтому поймал себя на довольно-таки приятной мысли – продолжать контактировать общение с ним. Закончив сборы, он вспомнил о любимой Юле и, выйдя из блиндажа, позвонил ей, хотя и было слишком раннее местное время, но вспомнив, что в Забайкалье утро началось уже несколько часов назад, спокойно ожидал ответа на звонок.

– Максимушка, любимый, родной мой. Здравствуй! – радостно зажурчал её голосок. – Почему ты так долго не звонил? Я уже с ума сходить стала. Сердце не выдерживает. Разреши к тебе приехать?

– Не позволяла обстановка, Юлечка. Успокойся, моя родненькая. Думаю, что завтра буду в Москве, но там так складываются события, что я вряд ли смогу приехать к тебе. Здесь у меня всё хорошо, – ответил он, а губы дрожали от волнения, слыша голос любимой жены.

– Ты доволен поездкой? Понимаешь, о чём я говорю?

– Конечно, Юлечка, безумно доволен.

– Я поняла. Тогда до встречи в Москве... и не уговаривай меня. Без тебя больше не могу.

– Не буду уговаривать, но буду рад тебя видеть. Всё, Юлечка... Говорить больше не могу. До встречи, моя любимая! – сказал Максим, увидев приближающегося к нему «Гиви», и закончил разговор.

Подойдя, «Гиви» положил руку на плечо Максиму и произнёс:

– Завтра в девять тридцать вылетаешь со своим живым багажом из Ростова в Москву... Максим, генеральная прокуратура очень довольна твоей поездкой к нам и результатом. Тебя будут встречать ребята из особого отдела, которые доставят багаж туда, куда следует, а ты возвращаешься домой и к шестнадцати часам должен быть в генпрокуратуре со всеми материалами.

– А до Ростова как и на чём я доберусь?

– Лично тебя отвезу. Это моё решение, основанное на согласии моего начальства.

Максим расцвёл в улыбке, глядя на «Гиви», а потом дал волю своей обузданной натуре – стал обнимать его, радостно хлопая по плечам, приговаривая:

– Ты настоящий мой брат. Спасибо тебе, Мишенька, – но последнее слово произнёс шёпотом, потому что комком стояло слёзное, от добрых чувств, настроение.

Тот отвечал теми же эмоциями и вдруг стал необыкновенно задумчив, но внутренняя энергия в нём была неисчерпаемая, о собственных интересах он даже не думал, голова была забита всем, что было связано с побратимом. Ещё тогда, когда услышал, как Максим стал

полным сиротой, твёрдо решил, что он отныне станет его родным братом. Глянув на свинцовое небо, он произнёс:

– Мне пора, Максим.

– Удачи тебе, брат. Буду очень сильно переживать до самого твоего возвращения.

– Всё будет хорошо.

Наступило светлое утро. Горнист протрубил сигнал, «Гиви» поднял белый флаг и пошёл к аэропорту. Ему навстречу вышел офицер украинской армии. Они шли, сближаясь, строго глядя друг другу в лицо. На расстоянии трёх метров остановились:

– Какие вопросы, сепаратист? – спросил офицер, криво улыбаясь.

– У вас в одном месте погибли четыре солдата... были зарезаны. Вы их обнаружили? – спросил «Гиви».

– Ну и что?

– Это не мы так поступили.

– А кто же, как не вы?

– Ваши добровольцы... Твердилов, Кузнецов и Павловский. Вы их нашли?

– Нет. Они у вас?

– У нас только Коваль. Он в этой резне не участвовал, а они от вас убежали в сторону границы России. Но мы их тоже разыскиваем, как участников многих убийств, совершённых в Москве, и думаю, что и на Украине. После убийства ваших солдат они забрали их документы, но не всех... одному оставили. Значит, они будут продвигаться под этими документами. Просьба к вам... дайте нам анкетные данные этих троих солдат. Это ускорит поимку этих уродов.

– Я доложу своему руководству. Куда позвонить?

«Гиви» назвал свой номер телефона, а тот запомнил его, и они разошлись.

Только «Гиви» успел вернуться в своё расположение, как зазвонил телефон. С украинской стороны сообщили фамилии убитых: Ищенко Степан Петрович, Луговой Иван Тарасович и Степаненко Станислав Егорович. «Гиви» записал их в свой блокнот с дополнением даты и мест рождения, поблагодарил и отключил телефон. Потом достал из него симку и уничтожил. Достав другую, вставил её в телефон. После этого позвонил в Москву и продиктовал следователю Генеральной прокуратуры все полученные данные о скрывшейся твердиловской группе, а также о дате вылета Максима в Москву из Ростова. Кроме этого ответил на целый ряд вопросов следователя, а тот узнал, что благодаря Максиму процесс пошёл к раскрытию целого ряда убийств.

– Как же так? Он в отпуске... в Забайкалье. Может, это кто-то другой? – не поверил и с удивлением произнёс он.

– Его удостоверение личности я сам держал в руках. Он же дал мне и ваш номер телефона. Пригласить его к телефону?

– Ладно... Здесь поговорим, а от меня крепко пожми ему руку... Спасибо вам обоим.

Закончив разговор, «Гиви» сообщил о нём Максиму, а тот сначала разволновался, что в Москве стало известно о его нахождении в Донецке, а не в Забайкалье, но брат его успокоил. Спустя полчаса они оба, посадив Остапа в автомобиль, выехали в Донецк. Остап сидел на заднем сиденье с застёгнутыми на руках наручниками и вторыми пристёгнутый к ручке дверцы.

В Донецке «Гиви» зашёл в магазин, купил всё необходимое, чтобы в пути подкрепиться, после чего они выехали в направлении Ростова. Ехали молча. Максим вспоминал каждую минуту, проведённую в Донецкой области. Эта невыносимая затея, в которую он ринулся, как ему казалось, наградила его желанным удовлетворением, а также принесла устойчивую перспективу для дальнейшей деятельности по расследованию давно не раскрытых убийств и покушений. Перейдя мысленно к личности «Гиви», он недоумевал, чем собственно эта гражданская война смогла вовлечь такого неугомонного, деятельного и блестящего офицера. Стоило Максиму так подумать, как «Гиви» почувствовал его мысли, нарушив молчание, произнёс:

– Тем, кто твёрдо стоял, стоит и будет стоять на защите своей Родины и народа, слава будет вечной. Даже тогда, когда раны войны будут исцелены. Время роли играть не будет. Оно для народа будет бессильное...

Не успел он закончить то, что хотел сказать, как вдруг в метрах двадцати от мчавшегося автомобиля разорвался снаряд. «Гиви» прибавил скорость и начал вилять по дороге. Второй снаряд разорвался чуть ближе дороги. Спустя минуты три третий снаряд разорвался на дороге в пятнадцати метрах сзади автомобиля.

– Бендеровские уроды, – процедил сквозь зубы «Гиви» и ещё добавил газа.

Обстрел прекратился. Максим, повернувшись к Остапу, увидел его лицо, отражающее ужас. «Сволочь, убивал людей – не боялся, а здесь в страхе перед своими поставщиками смерти», – подумал он.

До границы доехали благополучно. На контрольном пункте задержались не более десяти минут. За это

время «Гиви» узнал, что бежавшие Ищенко, Луговой и Степаненко не были задержаны. Остапа Ковалья пограничники сфотографировали, зафиксировали в своих учетах, и «Гиви» своих пассажиров повёз в Ростов. За рулём он сидел бодро, несмотря на то, что всю ночь он и Максим не сомкнули глаз, а Максим еле сдерживал себя, чтобы не заснуть, время от времени тёр уши, несколько раз начинал разговоры на любые темы, а глаза всё закрывались. В таком мучительном состоянии он прибыл в аэропорт. Выйдя из машины, они подошли к дежурной части полиции, представились, объяснили о факте задержания убийцы. Максим, пристегнув Остапа наручником к стулу с подлокотниками, сам ушёл в туалет, оставив «Гиви» возле задержанного. Спустя пять минут вернулся и, глянув на «Гиви», сказал:

– Миша, поезжай к себе, а мы тут побудем до отправления... Ещё целых полтора часа надо ожидать посадки. Тебе тоже надо отдохнуть... Поезжай.

– Уеду, Максим, но только когда твой самолёт будет в воздухе, – ответил он и сел на стул, стоящий ближе к дежурному, из помещения которого сладостно лилась трогательная музыка.

Они обмолвились ещё несколькими фразами и замолкли. Необыкновенная стойкость и упорное воздержание от сна постепенно уступили состоянию дремоты. Все ночи, проведённые на передовой, были почти бессонными. Поэтому головы их несколько раз дёрнулись и медленно опустились на грудь. Дежурный полиции что-то писал, сидя за своей стойкой. Глаза Остапа загорелись, он окинул взглядом помещение и, не увидев работников полиции, кроме дежурного, остановил свой взгляд на кобуре Максима, которая находилась на

поясном ремне. Протянув руку, он тихо и осторожно расстегнул её, достал пистолет, и в этот момент Максим открыл глаза. Остап вскочил со стула, к которому был прикован наручниками, вместе с ним поднялся и Максим.

– Сидеть на месте! – закричал Остап, наставляя пистолет на Максима, потом на открывшего глаза «Гиви» и дежурного полиции. – Дёрнитесь, уложу, не задумываясь. Расстегни наручник, – потребовал он от Максима.

Глаза Остапа бегали по лицам, и он всё тыкал пистолетом поочередно в каждого. Максим не торопясь сделал движение в сторону Остапа. Тот нажал на спусковой крючок. Послышался не выстрел, а щёлчок. Тогда он передёрнул пистолет, досылая патрон в патронник, и снова нажал на спусковой крючок, но выстрела не произошло.

– Был ты тварью, ею и остался, – сказал Максим и резким движением нанёс удар ему в подбородок.

Остап упал вместе со стулом на пол и уронил пистолет. Подобрал пистолет, Максим из кармана достал обойму с патронами, которую вогнал в рукоятку пистолета.

«Гиви» удивлённо смотрел на них, а дежурный полиции с пистолетом в руке вышел из-за стойки и тоже не понимая бросал взгляды то на Максима, то на лежавшего на полу задержанного.

– Какой же ты умница, Максим, – произнёс «Гиви», поднимаясь со стула.

– Чувствовал, что ему доверять нельзя. Вот ведь жучара, по-своему оценивал происходящие события, ожидая момента и рассчитывая на собственные выго-

ды. А нас с тобой спокойная обстановка в дежурной части полиции склонила к дремоте... и такое я почувствовал, поэтому так поступил, – ответил он, похлопывая ладонью по щекам Остапа, приводя в чувства.

Тот, очнувшись, открыл глаза и с лихорадочной поспешностью поднялся, поставил на место стул и сел. Окинув взглядом окружающих, потрогал свободной рукой свой подбородок, дрожащим голосом еле слышно промолвил:

– Простите... Чёрт попутал.

– Ещё одно очередное покушение на жизнь Максима, то уж не обессудь. А этот эпизод сейчас задокументирую, – сказал «Гиви», вытаскивая из своей сумки бумаги и ручку. – А ты вот пиши объяснительную и пошустрее.

«Гиви» быстро заактивировал действия Остапа с подписями Максима и дежурного полиции, а также его самого и Остапа тоже, коротко описав бессонные ночи на передовой. Остап тоже выполнил требование «Гиви», и как только всё было закончено, послышалось голосовое объявление о начале посадки в самолёт. До этого дежурный и «Гиви» зарегистрировали авиабилеты. Уходя, при сопровождении дежурного, на посадку, Максим и «Гиви» по-братски простились, тепло обнимаясь и пожимая друг другу руки. Тому и другому казалось, что видятся они в последний раз. Чувства предсказывали одному из них трагическое будущее и при расставании у обоих засверкали в глазах слезинки. Ни тому, ни другому не хотелось расходиться в разные стороны, но сама обстановка и служба, в том числе, молчаливо требовали от них этого.

Спустя пять минут Максим с Остапом уже были в самолёте. Дежурный полиции был с ними рядом до тех пор, пока Остап не был пристёгнут наручниками к подлокотнику сиденья. «Гиви» не уходил с аэропорта, пока самолёт не пронёсся по взлётной полосе и не поднялся в небо. После этого он вышел из здания аэропорта к своей машине, сел и уехал на защиту своей республики.

А Максима понесло по поднебесью в объятия родного города и любимой супруги.

Третье «рождение»

Твердилов, он же Ищенко, Кузнецов – Луговой и Павловский – Степаненко, оказавшись в Ростовской области, не стали в дальнейшем использовать авиаперелёты, а решили по-другому. На грузовом железнодорожном транспорте приехали в Миллерово, а оттуда автодорожным транспортом до Воронежа. Там три ночи переночевали в доме старушки, помогая ей в ремонте крыши и крыльца. Здесь их на четвёртый день и увидел бригадир строительной бригады, которая по заказу частных строила дачные дома и коттеджи.

Он подошёл, посмотрел на их работу, а потом заинтересовался:

– Сами-то откуда будете?

Твердилов окинул его испытывающим взглядом и ответил:

– Из Украины. У нас война... работы нет... на войну загибают, отказывающихся воевать – сажают в тюрьму. Вот мы и приехали подзаработать немного. А сам-то кто будешь?

– Я бригадир бригады строителей. Могу предложить работу... Строим дачи, коттеджи за городом. Там у нас свои вагончики... в них и живём.

– Какова оплата?

– Первый месяц по пятьсот рублей в день, второй по тысячи. Такие расценки везде.

– А почему первый по пятьсот?

– Смотрим, как вы работаете, что умеете... научились ли тому или другому делу. Ну, так как? Тут закончите, женщина будет рада, что привели её дом в порядок... скажите, когда за вами приехать.

– Сегодня вторник... давайте в субботу. К этому времени, думаю, всё закончим. Можно было бы хоть сейчас, но старушка добрая и заботливая, надо довести дело до конца.

– Хорошо. В субботу, примерно, к десяти я за вами приеду. Тебя как зовут?

– Сав... и он осёкся, чуть не назвав своё настоящее имя. – Савельем хотела мама назвать, а отец настоял и назвали Степаном. А вас?

– Я – Григорий. Ну, пока... До субботы.

Слова Григория не расходились с делом. Помимо слов, всегда присматривался, что на самом деле делает человек и как. Поэтому разговаривая со Степаном, он бросал взгляды на то, что делали другие его приятели. Ничего особенного в этом не увидел и мысленно дал им оценку: «Деревня – мужики. Будут подсобными рабочими», – решил он.

Твердилов и остальные находились в затруднительном положении. Сами же они не задумывались, что проживают в России под ложными документами, что, переходя через границу, не проходили контроль,

что существуют строгие иммиграционные законы, но надеялись на авось. А неписанный закон каждого человека: «Если чем-то обладаешь, умей им пользоваться и знай его законосоответствие», – их не интересовал. Пользовались они собственно разработанной сложной паутиной ложных доводов и заранее подготовленными фразами.

Григорий, разговаривая с Твердиловым, поймал в его голосе элементы фривольного характера и, хотя нуждался в низкооплачиваемых гастарбайтерах, решил мало доверять ему и остальным, да ещё и особо контролировать.

Кузнецов и Павловский издавна считали Твердилова своим лидером и относились к нему как к «вору в законе», но каждый из них, и Коваль Остап, в том числе, в тайне уважали его, как цепная собака кошку. Даже, находясь в боевых действиях в районе Донецка, все они мечтали в тайне друг от друга пустить пулю в ненавистный затылок, ощущая его инородным телом в их бандитизмом сплетённом маленьком коллективе. Каждый из них давно хотел самостоятельно уехать куда-нибудь и жить, не подчиняясь Твердилову, не ощущая над собой грозную тень полиции и следственного комитета прокуратуры. Что же касается возвращения на территорию России, то все они своим чутьём ощутили начало цепной реакции непредсказуемых тяжелых последствий за преступные действия, совершённые в далёком прошлом в Москве. После разговора с Григорием, каждый из них, даже Твердилов, мысленно поклялись заработать денег и уехать за пределы России. Одно удерживало: липовые документы. Возникал не разрешимый вопрос, где раздобыть настоящие, не за-

ставляющие оглядываться и трястись при их проверке. Но в истине этот вопрос был напрочь окутан для них непроницаемой тайной.

Наступила суббота. К этому дню твердиловцы закончили обещанный ремонт, и старушка с сожалением отпустила их с бригадиром строителей Григорием.

Прибыв на место в лесной массив в пяти километрах от областного центра, они увидели там пятерых мужчин, проживавших в вагончиках и строивших коттедж, с рядом уже построенным. Григорий представил тех и других, и они по-лёгкому пообедали привезённую еду Григорием и приступили к работе, поселившись до этого на вторых ярусах коек в общем вагончике.

По соседству строился ещё коттедж, рабочими совершенно другой бригады. Глядя на своих каменщиков, Твердилов уловил сходство тех во внешности с ним и Павловским, что привело к мысли понаблюдать за ними. Он подошёл и Павловскому и тихо, чтобы никто из бригады не слышал, сказал:

– Жорж, глянь на тех двоих каменщиков... вон на тех, которые два проёма окон гонят.

Тот посмотрел и ничего не понимая, спросил:

– Ну, глянул. И что?

– Обрати внимание, на кого они похожи.

Внимательно посмотрев, он ответил:

– На себя, больше не на кого.

– Вот тот, который справа, – на тебя, а второй – на меня. Разве не так? Ну-у посмотри повнимательней.

Павловский ещё раз посмотрел и ответил:

– О-о! И точно! Есть сходство.

– Нам бы их документы... Интересно, из России они с Украины?

– Узнаем, дело-то... подойдём и пообщаемся. Нам надо другие документы. По этим, что у нас, уже опасно ходить в город. Там, в Донецком аэропорту, могли заподозрить, что мы этих четверых грохнули, а документы забрали. А я ведь тогда настаивал забрать документы и у четвёртого, так ты, Савелий, ведь не захотел. А зря.

– Ладно... Что было, то прошло.

– Э-э! Вы там! Хватит лясы точить, – закричал им каменщик. – Кирпич подавайте! И раствор надо замешивать... Заканчивается!

Те, не обращая внимание, продолжали обсуждать затронутую тему. Видя, что новые рабочие не реагируют на него, каменщик, возмутился:

– Вы, что... сюда болтологией пришли заниматься или работать?

Это услышал Григорий, работающий возле забора. Бросив всё, он подошёл со стороны торцевой стены коттеджа и, увидев за ней болтающих и не реагирующих на требование каменщика работников, тоже возмутился:

– Вы слышали, что вам сказано было? На первый раз по тыщи будете оштрафованы, а повторится – выгоню.

В этот момент на «мерседесе» приехал седовласый хозяин коттеджа. Григорий тут же поспешил к нему.

Твердиловцы сразу же перестали разговаривать, стали носить кирпич к каменщикам и готовить цементный раствор.

Хозяин обошёл своё строение, тщательно осмотрел работу каменщиков и стал ругать Григория, как бригадира, за то, что на обрамлении одного из оконных проёмов не соблюдена ровность. Потребовал исправить этот недостаток, притом за счёт бригады... и злой уехал.

Григорий накинулся на каменщика:

– Борис, я же тебе говорил, переложить обрамление, ты чего... Забыл? Теперь переключай, а я с твоей зарплаты удержу ту сумму, которую не доплатит хозяин. Понял? Что, глаза не туда смотрели?

– Гриша, а я тебя... да и мы все... просили купить уровень... ты его купил? Вот и получилось не так, как хотелось, – ответил тот.

Григорий схватил кусок шпата, привязал полкирпича и сунул ему в руки.

– Вот тебе уровень, а в магазине не было. Давай... по нему проверь свою работу и увидишь недостаток.

– Да я этот, давно известный, инструмент знаю... но так получилось... Переделаю, только не ори на меня. А хозяин тоже... богатый человек, а жадина несусветная, – он глянул на второго каменщика и возмущённо произнёс: – Петя, а ты чего лыбишься? Нет бы защитить меня. Ты, что... тоже поддерживаешь бригадира и этого богатенького домовладельца?

– Вот ты халтурщик, не могу поддержать, если ты, не желая этого, уже залез в мой карман. Штраф придётся и мне платить... А что касается этого богатого... я тебе расскажу анекдот... «Мужчина чем старше, тем богаче: серебро – в висках, золото – в зубах, камни в почках, сахар – в крови, железо – в артериях, недвижимость – в штанах и неиссякаемые запасы природного газа – в кишечнике».

Все громко засмеялись, а Григорий улыбнулся и командовал всем: «За работу!»

Твердилов поднёс ведро с приготовленным раствором каменщику Борису, который имел сходство с ним. Ему же он стал помогать разбирать обрамление оконного проёма. За час всё было исправлено, и Борис, прове-

рив самодельным уровнем, был доволен, о чём и доложил бригадиру.

Тот подошёл, проверил и тоже остался довольным, после чего ушёл на своё место, где выкладывал простенок забора.

– Степа, тебе спасибо, – поблагодарил Борис Твердилова и пожал ему руку.

– Не стоит, Боря, – ответил тот. – А сам-то ты откуда? С Украины?

– Из Гомеля. А ты?

– Из Украины. И Петя тоже оттуда?

– Да... мы с одной деревни Гомельской области.

– Вам, как и нам, надо в определённое время отмечаться в полиции и выезжать из России.

– Нет. От нас этого не требуют.

– О-о! Как здорово. Зато бригадир документы забирает... Только зачем – не понятно.

– Как? А у нас не забрал... наверное, хочет получить разного рода разрешения для вас.

– Может быть.

Твердилов задумался, хотел было ещё поговорить с ним, но тут снова потребовался раствор, и он пошёл к своим соучастникам. В его голове созрел план захвата документов и побега из Воронежской области. Его он обсудил с Кузнецовым и Павловским. Те одобрили, но Кузнецов был расстроен, что похожих строителей на него не было.

– Значит, начнём вот с чего... Сегодня суббота, а завтра до обеда работаем, и, как я понял, нас везут в Воронеж. Три паспорта должны быть у нас. Я и Жорж отвлекаем, а ты, Георгий, забираешь паспорта, кладёшь в пакет... целлофановый и зарываешь под ёлкой. Едем со

всеми, а спустя недельку, то есть во второе воскресенье из Воронежа не возвращаемся.

Так и получилось. Наступило воскресенье. Бригада работала до четырнадцати часов дня, и тут бригадир объявил о готовности к выезду. Все привели себя в порядок, приготовили свои документы, твердиловцам бригадир возвратил их паспорта, и сели обедать за сколоченный из досок стол. Твердилов начал рассказывать разные выдуманные истории, да с такой энергией, что строители вместе с бригадиром слушали, затаив дыхание. Часть истории была им взята из жизни украинских солдат под Донецком, а в большей степени он её приукрасил.

Тем временем Кузнецов, воспользовавшись занятостью строителей, забрал из карманов их пиджаков паспорта и спрятал под ёлкой, засыпав целлофановый пакет с паспортами игольником, после чего незаметно для всех возвратился на своё место и стал поддерживать вместе с Павловским Твердилова. Лидеру своему он показал взглядом, что его поручение выполнено.

К трём часам дня прибыла маршрутка, и все выехали в город. В самом центре бригадир, выйдя со всеми из маршрутки, объявил:

– Три часа вам... Погуляйте. В девятнадцать сбор на этом месте. Не опаздывать! Маршрутка уходит через двадцать минут после 19 часов. Всем понятно? Да-а! О спиртном забудьте!

Бригада подтвердила своим гудением, что употребить не будет, и все разошлись по разным сторонам.

Твердилов, взглянув на Кузнецова, спросил:

- Всё правильно сделал?
- Как ты сказал, так и сделал.

– Ничего не перепутал?

– Даже заглянул на фотки в паспортах. Ты теперь Шпаковский, а Жорж – Чиленко... Я же... Мохов. Куда денем украинские паспорта?

– Хорошо, что Григорий вернул нам... Сожжём. Не оставлять же их, они лишняя наша болячка. А новые паспорта – третье наше рождение. Точно теперь удача нам улыбнётся.

Побродив по городу, заглянув на продуктовый рынок, выпив в пивбаре по бокалу пива, они вернулись к условленному месту. Пять минут спустя прибыли остальные члены бригады. Вид у Шпаковского, Мохова и Чиленко был подавленный. Глянув на них, Твердилов спросил Шпаковского:

– Борь, что-то случилось?

– Случилось... У меня, Петьки и Лёни карманные вору украли наши документы и деньги.

Твердилов, услышав о деньгах, вскользь глянул в сторону Кузнецова, и тот опустил глаза. «Ишь, падла, а от меня утаил. Разберусь», – подумал он, а Бориса спросил:

– А как это? У вас троих сразу?

– Да, у нас троих... ротозеев. Но вот где?.. Ума не приложу. Главное паспорт находился в одном месте, а деньги в другом. Возможно там, где девушка песни пела... народа собралось на улице много, и мы остановились послушать... Да, только там.

Возвратившись к месту стройки коттеджа, Твердилов, зайдя в вагончик, сразу же схватил за грудки Кузнецова, прижал к стенке одной рукой, а вторую занёс, чтобы ударить в лицо. Но тот не растерялся и, смело глядя ему в глаза, произнёс:

– Только попробуй... В долгу не останусь. Меня бить не за что.

– Как это не за что? Ты хапанул деньги и затаил их? Отвечай.

– Ты знаешь, Савелий, я лично твоё верховодство больше переносить не буду... Отвечу тройне... Сходи да посмотри в пакет. Там лежат паспорта, а в них деньги... те, которые были в каждом отдельном кармане, – смело сказал Кузнецов и резко оттолкнул от себя Твердилова.

Тот с полминуты сердито, с искрами негодования смотрел ему в глаза, а потом молча удалился из вагончика. Вернувшись позже, он подошёл к Кузнецову и попросил извинения. Сам же принял решение при первой же возможности избавиться от него старым воровским способом.

Целую неделю они работали, не создавая ни малейших поводов недовольства каменщиков и бригадира, а в наступившее воскресенье таким же методом выехали в Воронеж, забрав с собой всё украденное. Перед выездом все трое подошли к Григорию и попросили выдать им деньги, которые уже заработали. Для этого они выдвинули причину о покупке необходимой одежды, обуви и бытовых принадлежностей. В городе они с трудом оторвались от всей бригады, уйдя на железнодорожный вокзал. Там за оградой сожгли украинские паспорта, а после этого «зайцами» сели в первый поезд и приехали в Сомово, что расположено совсем рядом с Воронежем.

Сняв комнату на три дня, они всё решали – куда поехать: вернуться в Россию или же уехать Белоруссию.

Воскресение отца

Самолёт легко приземлился и также легко побежал по посадочной дорожке. Пассажиры зашевелились, пытаясь отстегнуть ремни и подняться к багажным полкам. Но тут прозвучал по радио голос стюардессы: «Всем пассажирам оставаться на своих местах. После входа и выхода полиции, можно готовиться к выходу и вам». Все успокоились и, вытянув шеи, смотрели вперёд. Когда же самолёт полностью остановился, в проходе показались три офицера полиции. Максим отстегнул наручники от кресла, на котором сидел Остап Коваль. Подошедшие полицейские тут же взяли его под своё строгое сопровождение.

Возле самолёта стоял спецавтомобиль, на заднее сидение которого сели два работника полиции с Ковалём в середине, и Максим на переднее место рядом с водителем. Автомобиль мчал по улицам Москвы в Следственный Комитет прокуратуры Российской Федерации, а в его салоне господствовали три чувства: у работников полиции – надёжность охраны, у Остапа Коваля – гнетущее чувство боязни начала и конца ответа перед

законом, а у Максима – неутихающая боль утраты родителей и сестёр с одной стороны, а с другой – какая-то торжественность по поводу поимки и доставки в Москву одного из убийц. В какой-то степени он радовался этому и одновременно огорчился, что были упущены остальные, которые, можно сказать, находились в руках его и «Гиви».

Автомобиль въехал в ворота, открытые охранниками, и остановился у подъезда. Работники полиции, с ними и Максим, вышли, а следом на трясущихся ногах – Коваль. Его сразу же взяла под свою строгую опеку охрана. Максим был приглашён к следователю по особоважным делам. Войдя в кабинет Управления по расследованию особо важных уголовных дел о преступлениях против личности и общественной безопасности, он увидел другого следователя, которому и доложил обо всём происшедшем в районе Донецка, а также передал все следственные документы, подготовленные «Гиви».

Тот прочитал и с довольным видом посмотрел на Максима.

– Молодец, Максим Лазаревич! – сказал он, встал и пожал его руку. – Сегодня вы отдыхайте, а завтра к десяти утра подходите ко мне. Вас тоже надо допросить. А сейчас я поработаю с доставленным. Вы свободны.

– А где же... – он хотел спросить о следователе Макарове Э.С., в производстве которого ранее находились все уголовные дела, объединённые в одно производство, как вдруг открылась дверь, и вошёл Первый заместитель генерального прокурора Российской Федерации и Председатель Следственного Комитета (СКП), Действительный советник юстиции Александр Иванович

Бастрыкин. Вскочивший с кресла следователь стал докладывать ему, но он остановил его жестом руки.

– Не надо. Я в курсе всех событий, – сказал он и обратился к Максиму: – Максим Лазаревич, по-отцовски вас бы выпороть за столь опасное посещение Донецка и его окрестностей... но от себя лично выношу вам искреннюю благодарность... за смелость и отвагу и за ту крайне серьёзную работу, которую вы провели совместно с Михаилом Сергеевичем Толстых. Вы оказали неоценимую помощь нам. Вам сделал предложение прежний наш следователь... Подумайте над ним.

Он крепко пожал ему руку и разрешил отправиться домой.

Максим высказал свою благодарность и, беспредельно тронутый словами А.И. Бастрыкина, ушёл. Выйдя за пределы СКП, он не успел оглянуться, как его обхватила Юля и стала целовать всё его лицо. По её щекам катились радостные слёзы. Максим дорожил каждым, даже самым незначительным мгновением их совместной жизни и страстно любил Юлю, а от этой внезапности нервная система тоже дала сбой, и на его глазах выступили слёзы радости. Он ответил ей своими поцелуями.

– Идём, – еле выдохнула она, показывая на «такси».

Красота обоих привлекла внимание даже таксиста, он с тёплой улыбкой смотрел на них. Оба творца своего счастья подошли к автомобилю и сели на заднее сиденье. До самого дома они не проронили ни единого слова, так и ехали, глядя друг на друга.

Максим до первой встречи с Юлей мечтал о такой девушке, обладающей нежным и чутким сердцем, которая ценила бы всё то, что было с ним связано, в мыслях представлял, что его будущая половинка будет озарять

всё вокруг своей волшебной красотой во всех её проявлениях и притягательной силой. Именно такой была Юля.

Прибыв домой, Максим долго и подробно рассказывал ей о поездке в Донецк, о всех событиях и о братстве с «Гиви». Она с тревогой в сердце слушала его, а после оба находились в долгой и сладкой истоме.

День незаметно увлёк за собой вечер, за окном затихли воробьиные щебетания, а Максим и Юля, не включая свет, так и продолжали свой житейский разговор.

Наступило утро, и Максим прибыл в Следственный Комитет, где был допрошен о поездке в Донецк и по эпизодам уголовных дел, касающихся его... В конце допроса он спросил следователя:

– Когда Коваль будет показывать, где находятся тела моих родных, я могу присутствовать?

– Вам, Максим Лазарович, будет не очень приятно, а очень больно. Но если вы так хотите, я сообщу вам... Но вы же понимаете, там будут уже не тела, а косточки. Ведь столько лет прошло.

– Я хочу присутствовать, чтобы убедиться, что это мои родные. Ведь всякое бывает. Убийцы иногда лгут или же забывают, где и кого навсегда спрятали.

– Не волнуйтесь. Я вам сообщу. В таком случае мы ваше присутствие задокументируем как опознание, – ответил следователь, а сам подумал: «А что и кого он может опознать? Трупы разложившиеся. Разве что почувствует каким-то внутренним порывом... В таком случае надо пригласить и психолога, который сможет описать состояние Максима Лазаревича при извлечении костей трупов... Возможно, и элементы одежды ещё сохранились? А он сможет их опознать».

– А генерал и его сын задержаны?

– Нет, конечно. Это пока остаётся в тайне... до определённого периода... хода расследования... после допроса Ковалья, проверки его показаний на месте совершения убийства, а мы начнём с тяжких событий, происшедших в вашей квартире, а потом показа места захоронения трупов... И ещё... У нас есть фото Ковалёва Кузьмы... того периода, предъявим на опознании Ковалю и сразу при наличии веских доказательств начнём с Кузьмы. Интересно складывается... Коваль и Ковалёв... Как будто родственники. Да, вот ещё о чём вас хочу попросить: до осуществления всех мною перечисленных следственных действий никому и ничего не надо говорить. Для того, чтобы эта информация не попала в уши Ковалёвых. А сейчас можете быть свободны, и давайте отмечу ваш пропуск.

Из Следственного Комитета Максим прибыл в своё РОВД. Как только вошёл в свой кабинет, сразу же к нему явились опера Иван Штефан и Игорь Симонов, а минутой спустя вошёл и начальник угрозыска Николай Гузиев. Они поинтересовались, как он отдохнул, а Гузиева в основном мучил вопрос, сможет ли Максим приступить к работе, не закончив свой отпуск. Слух о появлении Максима в отделе быстро распространился среди сотрудников, дошёл и до начальника отдела В.Г. Кульнёва. Он сразу же послал своего секретаря найти его и пригласить к нему.

Максим явился к начальнику.

– Ну как отдохнул, Максим? – добродушные глаза Кульнёва выдавали искреннюю радость встречи. – И почему так рано приехал? Наверное, там не понравилось.

Тот замялся, раздумывая, как ответить, и ничего существенного не найдя, ответил:

– Так себе, Василий Григорьевич.

Начальник пристально, но с тем же добродушием продолжил:

– Что-то ты мне не договариваешь. Максим... я твоего отца знал, с ним работал, уважал до бесконечности, его слово было законом для меня. Как человек и начальник считался в числе порядочных, честных, добросовестных, требовательных и заботливых... поэтому... Его нет, а я тебе как отец буду до конца моей жизни. Не обманывай меня. Что у тебя там случилось на отдыхе?

Максим от услышанного почувствовал стыд, особенно после того, как Василий Григорьевич назвал себя его отцом, возникло чувство, что отец его воскрес, он подумал несколько секунд с отвлечённым взглядом, потом глянул в глаза начальника и ответил:

– Только строго между нами. То, о чём сейчас скажу, известно только Председателю Следственного Комитета Александру Ивановичу Бастрыкину, начальнику его управления и следователю по особо важным делам.

– Я... рыба! – воскликнул Кульнёв и коснулся двумя пальцами своих губ.

– Не был я в отпуске, Василий Григорьевич. В своей голове я вычислял убийц своих родителей и сестёр, и не напрасно. Меня неудержимо потянуло в Донецк. Жену отправил в Забайкалье к её родителям, а сам поехал в Донецк. Там познакомился с замечательным командиром ополченцев Михаилом Сергеевичем Толстых, позывной «Гиви». С ним мы выехали на передовую и из окопов выслеживали убийцу, лицо которого так и осталось в моей памяти. Выслеживал я его через бинокль и оптический прицел снайперской винтовки. Прошли весь фронт, и только в районе аэропорта я увидел сре-

ди других солдат его, как теперь уже известно, Ковалёв Остапа, тот что в тот трагический день для моей семьи стоял и смотрел, как другие его соучастники издевались над моей мамой и сестрёнками...

Он помолчал, стиснув до скрипа зубы, а потом продолжил рассказывать о проникновении с «Гиви» в расположение украинских войск, оборонявших аэропорт от натиска ополченцев, о похищении опознанного и доставке его в расположение ополченцев, о доставке его же в Москву, о допросе Максима в Следственном Комитете, о высказанной благодарности А.И. Бастрыкина в его адрес.

– Он сознался в убийстве? – поинтересовался Кульнёв. – И он же, наверное, был в вашей квартире не один?!

– Сознался... и скоро покажет, где закопали моих родных. А был не один и назвал фамилии: Твердилов, Павловский, Кузнецов и Ковалёва Кузьму. О них мы с «Гиви» узнали тогда, когда доставили Ковалёва к ополченцам, а остальных троих... Твердилова, Кузнецова и Павловского видели там же в вагончике аэропорта. Когда же услышали от Ковалёва о них, мы с «Гиви» снова проникли в аэропорт, но их уже там не нашли. Они убили четверых украинских военных, забрали документы троих и убежали в Ростовскую область. Направленная туда ориентировка пользы не принесла. Но теперь они известны и будут объявлены в розыск.

– Так... о Ковалёве Кузьме – это не ошибка?

– Нет. Они ответят оба... и он, и его отец.

– А отец причём?

– Он знал обо всём и даже корректировал на убийства... убийства Сулова, пенсионерки, моих родных, Глухой и ряда покушений.

– Это, что... правда?

– Обо всём этом рассказал Коваль, а мы ему вопросы не задавали в начале, а после уже по деталям, конечно, спрашивали.

– Вот это да-а... – схватившись за голову, простонал Кульнёв. – Такая мысль в мою голову нет-нет да и закрадывалась... Я видел, как Ковалёв рвался на место Лазаря Анисимовича, и когда его не стало... подумал, не он ли организовал всё это? Вай, вай... Какая сволота, да ещё в погонах... настоящий оборотень. Так и его же сын Кузьма сейчас в органах полиции, но почему-то из Москвы он перешёл в УВД Рязанской области и там работает... Если хорошо подумать... Почему ушёл из Москвы?.. То можно наткнуться на ответ: чтобы не быть опознанным... Недавно я его видел... выходил из кабинета отца – неузнаваем. Усики, причёска... у него ранее была короткая, и волосы зачёсаны вперёд и направо, а теперь – длинные и назад... к затылку. Максим, ты разворотил осиное гнездо. Молодец!

– Остальных уродов найти бы.

– Душой чувствую, что они попадутся нашим коллегам после объявления розыска. Теперь все трое известны... А вот о тебе я думаю... Ты ведь и не отдыхал... Донецк, передовая, в логово бендеровцев... опасное дело... Давай сделаем так... Вот тебе бумага, – и он достал из ящика стола чистый лист. – Пиши рапорт задним числом... «Прошу перенести мой отпуск с ...» и указывай сегодняшнее число. Забирай свою Юлечку и поезжайте на отдых... в Крым, Сочи или куда сами пожелаете.

Подумав, Максим вернул лист, а потом снова протянул к себе и написал рапорт с просьбой разрешить прервать отпуск и приступить к своим обязанностям.

Начальник прочитал, улыбнулся и произнёс:

– Ну как хочешь. Можешь выходить. Когда надо будет... пойдёшь на отдых с большим сроком. Понимаю тебе... Ход расследования убийства семьи – это объяснило. Кстати, тобой интересовались кадры ГУВД города. Думаю, хотят забрать тебя.

– Мне поступило предложение и от Следственного Комитета прокуратуры... Председатель тоже намекнул.

– Это здорово. Александр Иванович Бастрыкин замечательный руководитель... Если ты согласишься, то я тебя поддержу. Для меня, конечно, это убыток, но против твоего карьерного роста я не пойду... Ну ладно... Значит завтра выходишь на работу? Я действительно рад... Завал у нас, а с твоим возвращением пойдёт всё быстрее, в общем, на пользу.

– Разрешите идти, товарищ полковник?

– Да, иди, сынок, – сказал он искренне и серьёзно.

В этот момент зазвонил телефон. Кульнёв поднял трубку и, услышав первые слова, рукой замахал Максиму, собравшемуся было уходить, сесть на место. Тот опустил трубку. Это звонил начальник УВД генерал-майор Ковалёв.

– Товарищ генерал-майор, по этому делу почти весь наш отдел работает, но пока результаты нулевые.

Полковник глянул на Максима, покачал головой, указывая пальцем на трубку, и покрутил им же у своего виска.

– Не надо на меня кричать. Таких дел у нас куча, и ни одному из них вы не проявляли интереса в таком виде, как по этому. Он, что... ваш приятель? – дальше он только слушал, а потом снова ответил: – Да причём здесь Госдума? Вы нас заставляете бросить всё и заняться

только этим делом. Так же не бывает. Мы работаем одновременно по всем делам, а вы... – его оборвал генерал, а Кульнёв дослушав его, резко ответил: – Не надо мне угрожать. Вы что, заставляете меня обратиться с жалобой к начальнику ГУВД? Хорошо. Мне надоело выслушивать ваши оскорбления, унижения и угрозы, и терпение моё лопнуло. Без ваших угроз мы работаем по этому делу столько, на сколько хватает сил и возможностей.

С минуту он ещё слушал, а потом положил трубку и глубоко вздохнул, глядя на Максима, покачал головой и произнёс:

– Давно ему пора на параше сидеть. У бизнесмена обворовали магазин, и он замучил уже своими звонками. Когда уже им займутся?.. Крышует, наверно, этого бизнесмена.

– Скоро, товарищ полковник.

– Да он даже орал на меня за то, что я разрешил тебе взять отпуск... мол, положение такое в отделе, а я отпускаю оперов. Положение у нас такое же, как всегда было. Ну ладно. О тебе не заикнулся. Иди.

Максим поднялся, поблагодарил начальника за человечность и ушёл.

С южной стороны на Москву надвигалась тёмная огромная туча, грозящая сильным дождём. Вот так и над людьми порой нависают чёрные тучи.

Ненапрасные волнения Ковалёва

Повесив телефонную трубку, генерал Ковалёв выразился нецензурно в адрес Кульнёва и, глянув на бизнесмена Артура Степаняна, который берёт и защищал свой бизнес как зеницу ока, притом за хорошие ежемесячные вознаграждения, нервно произнёс:

– Сволочь паршивая! Гнать его надо! Но вот как? В руководстве ГУВД он один из лучших, а у меня наоборот. Ишь ты... он ещё смеет мне угрожать обращением с жалобой к начальнику ГУВД! А этого, конечно, допустить нельзя... Жаль... очень жаль, что нет здесь одних толковых и решительных ребят, – сказал, вспоминая корешей сына, которые давно сбежали, по его же требованию, на Украину. – Они бы за минуту разобрались с этим Кульнёвым, чтобы не путался под ногами.

– А не может быть так, что он на стороне воров и рьяно противодействует нам с тобой, не желая активизировать работу? – спросил бизнесмен.

– Не-е... этот карьерист! Он будет палец сосать, если

в кармане будет пусто, но закон не переступит. Чтобы наши желания материализовались, надо что-то другое придумать.

– Ну вот и думай, Юрий Кузьмич. Ты получаешь от меня большие бабки, а отдача нулевая. Если не будет получаться, мне придётся обратиться к другому... Есть на примете веский человек, но он дороговат для ежемесячного содержания.

– Да погоди ты, Артур! Ещё точка не поставлена... Работа по делу продолжается. Такие дела на раз-два не раскрываются, по ним надо усердно работать. Твой магазин грабануть могли, как уличное воровьё, так и твои коллеги по бизнесу, поэтому отработать надо и тех, и других. И не надо так возмущаться...

– Что значит – не надо! А если очень хочется, то можно, – перебил генерала бизнесмен.

– Наша жизнь насыщена разными представителями многомиллионного общества, вот и попробуй найти иголку в стоге сена. Будем работать. При положительном результате я тебе позвоню, а ты повспоминай, кто из твоих конкурентов может пойти на такое... и сообщи. Мы проверим на причастность.

– Ладно. Но ты тоже не тяни. Постарайся как можно побыстрее решить эту проблему... Я пошёл.

– Пока, Артур.

В это время зазвонил телефон ГУВД. Ковалёв помахал Степаняну рукой и поднял трубку.

– Кадры беспокоят, Юрий Кузьмич, – представился мужской голос после приветствия. – Долго задерживать не буду. Интересует один вопрос... Ваше мнение о личности Максима Лазаревича Кизелского – оперативного работника.

Сердце генерала тревожно забилося. Он не знал, что именно ответить кадровику, но знал, что если он им интересуется, то вопрос рассматривается о его продвижении по служебной лестнице.

– Что я могу сказать... опер как опер... не хуже и не лучше других, даже я больше склоняюсь к слову «не лучше»... И вообще мало я его знаю. А в чём дело?

– Мы располагаем другими данными. После гибели его родителей он пошёл по стопам своего отца и снискал всеобщее уважение в коллективе РОВД. Его считают способным, умным и добропорядочным, как в оперативно-служебной деятельности, так и просто в житейском общении. Я беседовал со многими работниками РОВД и с его начальником Кульнёвым... Так вот, все они характеризуют его как человека способного думать интеллектуально, исключительно с умственно-духовным развитием. Хотел знать и ваше мнение. При наличии такой всеобщей характеристике вы не можете не знать, о ком идёт речь.

Рука с трубкой возле уха генерала задрожала: «Зря я так сказал. Во болван».

– Простите... я тут зачитался сводками о преступности и спутал его с другим работником. Да-да! Я такого же мнения! Толковый работник. А что, вы хотите его забрать у нас?

– Есть такое желание, но ещё им заинтересовался в кадровом плане и Следственный Комитет Генеральной прокуратуры России. Я не знаю, на какую именно должность, но предполагаю, анализируя состоявшуюся беседу с их кадровиком, что на должность человека по особым поручениям Александра Ивановича Бастрыкина. Личность Кизелского они изучили детально и лучше знают, чем мы с вами.

Ковалёв скривил лицо, не зная, что ответить, а кадровик продолжал:

– Руководство просит... это слишком мягко... требует прислать на Кизелского объективную справку, характеризующую, как его оперативную деятельность, так и личность.

Ковалёв смекнул, что в данном случае кичиться ему нельзя, а необходимо проявить чёткую исполнительность и ответил:

– Завтра же утром она будет у вас.

– Всего хорошего вам, – сказал кадровик и положил трубку.

Кусая ногти, Ковалёв стал размышлять: «Кто его ведёт... этого Кизельского? Чувствуется волосатая лапа. Да-а... надо и мне как бы поддерживать его. Хотя нет даже малейшего желания». Он сразу же позвонил Кулёнёву и в приказном порядке потребовал немедленно подготовить справку о Кизелском в ГУВД.

– Она должна быть за моей подписью, – добавил он в конце разговора.

Поняв, что обуреваемые его волнения и тревога не напрасны, и чувствуя приближающие неприятности, он позвонил сыну, расхаживая по кабинету тревожной поступью.

– Как у тебя дела, сынок? – спросил он без приветствия.

– Всё в пределах нормы, папа. Что-то случилось? – спросил Кузьма.

– С чего ты взял?

– По голосу твоему определил.

– Не нравится мне тот щенок... Ты знаешь, о ком я говорю. Его от нас забирают в другую более серьёзную стаю.

– Ну, что с этого? Пусть забирают. Тебе-то какое дело до этого?

– У него появится намного больше прав и возможностей...

– Папа... успокойся, – прервал его Кузьма. – Всё ведь нормально... Давай я в эту субботу приеду и поговорим. По телефону не стоит обсуждать важные вопросы. У меня есть тоже неплохая новость. Звонили мне с ближнего зарубежья... Ты знаешь кто. Теперь они у батьки... Лукашенко. Долго молчали, а тут отозвались.

– Они что, хотят вернуться? Ни в коем случае! Здесь им делать нечего и небезопасно. Так и передай, если будут снова звонить.

– Ладно... передам. Пап... а ты можешь меня финансировать...

– Ещё чего? Я же недавно дал тебе столько... и что, мало? – перебил его возмущенный отец.

– Не хватает...

– Ха! Как мёд, так ложкой, а как дерьмо, так пальцем? Ты, вообще, сколько доить меня будешь? Ведь купаешься в золоте и серебре... и, наверное, чувствуешь себя по сравнению с окружающими намного солиднее. Твоё финансовое излишество грозит опасностью... Оно может быть твоей ахиллесовой пятой, сынок. Остановись. Не выпячивай свою обеспеченность. Она, со стороны, очень заметна. Что ты ещё хочешь? Автомобиль купил, квартиру и всё для неё необходимое тоже, одеться, обуться есть во что.

Кузьма сначала хотел было резко ответить и положить трубку, как это часто делал, но воздержался. Подумав, он ответил:

– Я ведь коллекционирую картины... небольшие... и ружья. Заходи – посмотришь. Ты ведь в моей квартире ещё ни единого разу не был.

– Оно тебе надо?

– А почему бы – нет? Я вот читал... Отто фон Бисмарк коллекционировал градусники, Максим Горький – японские фигурки из кости...

– А ты-то какое отношение имеешь к этим... Бисмарку и Горькому? Первый – исторический союзник Российской Империи, а второй – советский литератор, – перебил его отец.

– К ним – никакого, а к их коллекциям проявляю интерес.

– Всё... давай... Пока. При встрече поговорим.

Положив трубку, Ковалёв задумался. Начавшаяся возня, а он именно так называл это, вокруг Максима Кизелского, ему не давала покоя. В глубине души он ожидал что-то непредсказуемое, а сердце своё считал компасом при общении с окружающими. «В жизни дофига было случаев, при которых сердце моё заранее чувствовало непредсказуемость неприятностей, и я их распознавал, спасая сам себя. Так и сейчас. Шило в мешке не утаишь. Оно обязательно своим острием где-нибудь да вылезет. Но что может быть? Ну, назначат на вышестоящую должность... Ну, получит он очередное звание, ну увеличится перечень прав по занимаемой должности... И что с этого? Да ничего, касающегося меня и Кузьмы. И всё же что-то здесь зарыто... и может вскрыться. Не было бы этого Максима, было бы клёво, даже обалденно или сидел бы где-нибудь участковым – ништяк. Фу ты чёрт! Уже перешёл на вульгаризм. Но что делать? Что предпринять? Знать бы конкретику! Этот, дурак-сыну-

ля всю мою жизнь испортил. Не было бы его, да и жены тоже – жил бы я бобылём – достиг бы до министра, а сейчас довольствуюсь малым – на этой должности бы удержаться. Идиотизм... постоянно прихожу домой усталый от этой дурацкой работы... Пашу ведь как битюг – весь в мыле. А этот... мой выводок... Кузьма – лентяй. В кого он? Я майор в то время был, а он участник банды. И сколько мне теперь трястись? Хлопнул бы его кто-нибудь. Ну, погоревал бы какое-то время, зато после до конца жизни жил бы в тишине и спокойствии. Вот дурак... куда залез я со своими мыслями?» – но его размышления прервала секретарь.

– Юрий Кузьмич, справку принесли от Кульнёва на Кизелского, – доложила она, входя в кабинет и подавая пакет.

– Так быстро? – воскликнул генерал удивлённо.

– Кульнёв всегда такой. А Кизелский заслуживает особого внимания.

– Ты-то откуда знаешь? Ведь дальше приёмной твоя нога не ступала, а высказываешь, да ещё с каким видом?! Что влюбила? – разгневанно произнёс Ковалёв.

– К чему это? Он женатый человек. Любит свою жёнушку. О нём я знаю из всякой переписки и разговоров сотрудников.

– Свободна! – недовольно выкрикнул он.

Вытянув из пакета справку, прочитал её, и губы в гримасе скривились. Появилось непреодолимое желание скомкать, порвать на мелкие кусочки и бросить в мусорную корзину, но воздержался от этого, вспомнив слова кадровика ГУВД.

– Хм! Как будто его будут назначать на должность не в ГУВД, не в Следственный Комитет и даже не в Ми-

нистерство Внутренних дел, а в администрацию президента... Постарались кульнёвцы, – вслух выдал свои эмоции Ковалёв и нехотя подписал справку.

Она легла на стол начальника ГУВД раньше требуемого срока. А тучи над головой Ковалёвых с каждым днём становились всё гуще и чернее.

Прицельный выстрел

Получив приглашение в Следственный Комитет, Максим с тревогой в сердце прибыл туда. Следователь объяснил Максиму и всем присутствующим причину его вызова, которая связана с показом задержанным Коваль места захоронения семьи Кизелских, и проинструктировал о поведении при этом, как его, так и всех участников, после чего дал команду выходить к автомобилю.

– Товарищ следователь, разрешите пару слов, касающихся безопасности, – обратился Максим.

– Да, слушаю, – ответил тот.

– Глядя на Ковалья, можно подумать, что он спокойный и опасности не представляет... Ошибка. Он непредсказуем, даже опасен. При допросе я вам об этом говорил. Охране... конвоирам надо сразу дать указание, чтобы они ни в коем случае не снимали с его рук наручники, и строго наблюдать за каждым его движением.

– Спасибо, Максим Лазаревич. Такое указание они уже получили. Выходим.

День был дождливый и прохладный. Максим, одетый в плащ с капюшоном чувствовал себя намного луч-

ше, чем другие, вооружившиеся зонтиками. Садясь в автомобиль вместе с другими участниками этого следственного действия, он видел, как в другой автомобиль посадили Ковалья в наручниках, как в тот же автомобиль села охрана, следователь и понятые. Тогда он незаметно для всех достал из кобуры пистолет и положил его в карман плаща. В третий спецавтомобиль, который называют «труповозка», сели два человека с лопатами. Все автомобили двинулись следом за автомобилем, в котором находился следователь и все остальные.

Когда выехали из города, Максим заметил и удивился, что Коваль указал дорогу не в тот лес, о котором рассказывал в Донецке. «Странно. Кому же он врал? Нам с «Гиви» или же следователю?» – подумал он.

На опушке леса все автомобили остановились, люди вышли из машин. Сразу же заработала видеочамера криминалиста.

Коваль начал пояснять следователю:

– Мы тогда на это же место приехали, выгрузили трупы и носили их в лес. Это недалеко... Я покажу, где они закопаны.

– Хорошо. Ведите к этому месту, – предложил следователь после того, как Коваль перечислил количество трупов и их пол.

– Товарищ следователь, – вклинился в разговор Максим. – Извините, но он после задержания в Донецке называл совсем другое место. Что-то здесь не то.

Тот взглянул вопросительно на Ковалья:

– Что вы можете пояснить?

– Я соврал им, – ответил арестованный. – А сейчас говорю искреннюю правду.

– Хорошо. Ведите.

Коваль пошёл. Его левая рука наручником была пристёгнута к правой руке конвоира. Все двинулись за ними, обходя валежники. Он шёл, рвал хвоинки, совал их в рот и, разжёвывая, сплёвывал в сторону. Уповал на Бога, что всё им задуманное – получится...

– Да здесь мы шли, – сказал он, глядя на стволы сосен. – Скоро будет небольшая полянка, а от неё в стороне узенький овражек. Вот там все они и лежат. Мы тогда даже лопаты игольником сухим засыпали.

Ещё пройдя с десятков метров, остановился, огляделся и произнёс:

– Это здесь... А вон там... лопаты должны быть.

Он потянул в ту сторону конвоира, а возле одного куста нагнулся, стал рукой разгребать сухие листья и игольник, заслонив собой это место от конвоира. Вдруг выпрямившись, он вскинул правую руку с пакетом в сторону второго конвоира, вооружённого автоматом, и прозвучал выстрел. Все шарахнулись по сторонам. Конвоир упал на землю.

– Отстёгивай! – закричал он конвоиру, стоявшему рядом с ним и наставил в бок пистолет, освобождая его от пакета.

– У меня нет ключа. Он у моего напарника, – ответил тот.

Максим стоял за сосной. Достав пистолет, он выглянул из-за сосны, сразу же выскочил и на ходу выстрелил. Пуля попала в руку Ковалю. Пистолет из его руки упал на землю, а конвоир свободной рукой нанёс ему удар в область шеи. Он, задыхаясь, захрипел.

Максим в несколько прыжков оказался рядом, поднял с земли пистолет Ковалья и подошёл к нему, продолжавшему хрипеть. Он слегка пощупал место удара на

шее, и тому стало легче. К ним сразу же подошёл следователь.

– Как же вы были правы, Максим Лазаревич. Спасибо вам. Вы всех нас спасли, – говоря это, он все смотрел, как криминалист помогает встать конвоиру с автоматом.

Пуля попала в левую ключицу. Сразу же стали оказывать ему помощь. Рана оказалась не опасной для жизни. Переведя свой взгляд на Ковалья, следователь спросил:

– Стало быть, вы обманом нас сюда заманили, чтобы убежать? Я правильно понял?

– Да, хотел убежать, – ответил тот, сморщившись от боли в руке и щупая здоровой рукой шею. – Мне известно, что срок наказания будет огромный, и этот эпизод меня уже не волнует... А что касается обмана... я не обманул вас...

– Как это не обманул? – перебил конвоир, нанесший ему удар в шею.

– Не мешайте, – строго потребовал следователь. – Вы выполняйте свою работу, а разговор буду вести я, – и, повернувшись лицом к Ковалю, сказал: – Продолжайте.

– Я перепутал и привёл вас всех не на то место, где мы закопали семью начальника милиции, а здесь семья Суслова. Будете откапывать – покажу, а нет – поехали на другое место.

Следователь глянул на Максима, который смотрел на него, и во взгляде его читалось: «Поехали». Но следователь поступил по-другому.

– Извините, Максим Лазаревич, но в связи с противоправными действиями арестованного, возник новый эпизод, который мы не можем оставить на потом... Буду

документировать, а закончу, поедем на другое место, – пояснил он, а потом предложил оказать медицинскую помощь Ковалю, и когда она была оказана, он ещё с полчаса документировал.

Закончив, следователь осведомился состоянием здоровья конвоира, и тот ответил положительно. Тогда он спросил Ковалья:

– Вы в состоянии участвовать в продолжении следственного действия?

– Вполне, гражданин следователь.

– Тогда сначала поясните... откуда здесь оказался пистолет?

– Мы оставили завёрнутым в пакете после того, как закопали тела... Это на всякий случай. Вот он и понадобился.

– А там, где захоронена семья Кизелского? Тоже есть пистолет?

– Есть, гражданин следователь.

– Ну, показывай... где здесь закопаны тела.

Коваль сделал пять шагов, осмотрелся и указал на участок земли, поросший высокой травой.

– Примерно, это место. Ну-у, может, метр влево, метр вправо, – сказал он.

Следователь распорядился землекопам приступить к осторожному откапыванию указанного Ковалем участка, а водителю одного из автомобилей – вызвать «скорую помощь» конвоиру и Ковалю для профессионального обследования ран, обработки, а также решения необходимости их госпитализации.

Землекопы начали на один штык снимать слой земли и сразу же обнаружили останки тел. Увидев это, у Максима защемило сердце, словно камень лёг на душу.

Видеокамера криминалиста работала, фиксируя действие каждого. Он же и сам принимал участие в работе следственной группы, передавая камеру своему помощнику. Яму для захоронения тел убитых бандиты копали не в глубину, а вдоль, раскладывая тела в ряд. У кого ноги были длиннее, их сгибали.

Откопанные кости каждого укладывались отдельно в три ящика. Изымались и элементы не сгнившей одежды. Следователь фиксировал всё, что видел относящееся к делу, одновременно задавая вопросы Ковалю, заносил ответы в протокол.

Ближе к концу полудня прибыла «скорая помощь». Врач, осмотрев обоих раненых, произвёл ревизию и обработку ран, сделал перевязку и доложил следователю:

– Раны сквозные. Не опасные. У вашего бойца кость не задета... Повезло парню. Ваше решение: могу ли обоих забрать в больницу для более тщательного осмотра... Но госпитализации они не подлежат.

– Меня не надо никуда везти. Я остаюсь, – заявил конвоир-автоматчик.

– Я тоже, – воскликнул Коваль и осёкся, пожалев, что отказался от поездки в больницу.

– Тогда спасибо вам. Черкните мне ваш осмотр раненых, полученную помощь обоим и отметьте их состояние, так как мы будем переезжать на другое место для дальнейших следственных действий, – попросил следователь врача.

Врач сделал всё так, как просил следователь и уехал.

Спустя около часа вся следственная работа была завершена. Коваль предложил переезжать на другое место. Проехали с полкилометра и вновь остановились там, где указал Остап, на опушке леса. Прошли немного

в глубь леса, и Коваль остановился, с минуту осмотрелся, потом указал пальцем на поверхность почвы:

- Должно быть здесь, а глубина та же.
- Пистолет где? – спросил следователь.
- Вот под той елью.

Две лопаты землекопов раз за разом вонзались в почву, и одна из них вдруг звонко отозвалась. Там оказался пакет не с пистолетом, а с финским ножом.

– А где же пистолет? – задал вопрос следователь.

– Я совсем забыл. Тогда Твердилов Савелий сказал Кузнецову положить пистолет в пакет... он и положил, а у меня тогда не было пистолета, и я, воспользовавшись моментом, взял его себе. А туда положил финский нож.

Землекопы продолжили свою работу. Первое, что было извлечено из-под земли – это часть полы прокурорского кителя. У Максима перехватило дыхание, сердце сжалось, бешено колотилось, кровь застучала в висках, он до крови закусил губу. Следователь посмотрел на Максима.

– Часть... прокурорской одежды отца, – еле слышно произнёс он.

Землекопы осторожно продолжали откапывать, извлекая части мужской одежды и кости. Все они были уложены в ящик. Далее извлекли женскую одежду, и следователь снова глянул на Максима. Тот стоял бледный.

– Помню это платье... платье моей тёти Глафиры, – выдавил из себя он.

Всё извлечённое поместили в другой ящик. Больше ящичков не было. Тогда водитель принёс брезент, развернул его и разостлал на земле. Он же из своей аптечки принёс капли «Валокордина», полбутылки воды и пла-

стикový стаканчик. Накапал капли, разбавив их водой и передал Максиму, у которого из губы на подбородок капала кровь. Максим выпил капли. В это время землекопы извлекли ещё одну часть женской одежды, и у Максима ручьём по щекам побежали слёзы. Следователь глянул на него, а он коротко ответил:

– Мама.

Максим не мог сдержать слёзы. Далее он опознал одежду Тани и Оли. Встретившись со взглядом Коваля, его нервы сдали.

– Сволочи! Уроды! Как вы только могли?! – закричал он, и его руки потянулись к пистолету.

Заметив это, следователь возгласом остановил его:

– Максим Лазаревич! Вы же не такой, как они! Вы законопослушный человек.

Максим посмотрел на следователя полными слёз глазами, опустил руку, подошёл к машине, сел в неё и в голос заплакал, стуча кулаками по верхушке переднего сиденья. Перед глазами были: отцовский китель, платье матери с голубыми горошинами, юбка тёмного цвета тёти Глафиры, блузка зелёного цвета сестрички Тани и блузка канареечного цвета сестры Оли, части которых были извлечены из их общей братской могилы, созданной бандой Твердилова – заплечных дел мастеров. Мысленно обращаясь к Богу, твёрдо дал себе зарок – во что бы то ни стало найдёт остальных и перестреляет, если окажут хоть малейшее сопротивление.

Посидев немного в машине, немного успокоившись, он вытер мокрое от слёз лицо, вышел и, прислонившись к замшелому дереву, стал смотреть, как идёт погрузка останков его семьи.

Вечерело. Солнце медленно садилось где-то далеко на западе, затихал птичий гомон, воздух становился свежее, чем днём.

Все участники следственного действия подписали документы следователя и собрались к возвращению в город. Следователь подошёл к Максиму, оглянулся и тихо сказал:

– Максим Лазаревич, я вас отлично понимаю и соболезную. Вы мужественный... Я бы не выдержал, но убивать Коваля нельзя. Он единственный свидетель, очевидец, плюс соучастник, который поможет нам изобличить после задержания остальных. Беречь его надо... как зеницу ока.

Тот глянул на следователя своими покрасневшими глазами и ответил:

– Я знаю. Поэтому стрелял там, на том захоронении не в голову, а в руку, державшую пистолет... Это был прицельный выстрел. А ведь мог бы застрелить его ещё в траншее ополчения возле аэропорта Донецка, когда он сознался.

– Спасибо вам. Вы редкий... настоящий человек истины и порядочности. Об этом скажу и своему руководству при докладе о результатах работы за сегодняшний день.

– Не мне спасибо, а вам, товарищ следователь, – благодарными глазами смотрел Максим.

Вернувшись домой с горечью в душе, с припухшими глазами, он не мог скрыть от Юли своё состояние.

А она, зная о причине его сегодняшней явки в Следственный Комитет, подошла, обняла крепко-крепко своего самого родного на свете человека. По щекам её полились слёзы. Она всячески поддерживала его

по-женски, помогала пережить всё это, чтобы его сердце и душа успокоились.

– Максимушка, родненький... любимый мой, я тебя умоляю, успокойся. Конечно, это самое что ни на есть страшное и тяжелейшее горе. Но ты помни, что должен жить за всю свою семью. Старайся не расстраиваться. Я с тобой, мой хороший... Это очень тяжело держать себя в руках... но ты сможешь. Мы вместе это сможем, – сказала она ему и стала целовать его глаза, щёки, губы.

Юля обхватила голову супруга обеими руками, прижала к груди и сама заплакала, приговаривая:

– Родной мой, любимый, успокойся. Не расстраивайся... нельзя расстраиваться... Это вредно и тебе, и мне... Солнышко моё... голубь ты мой сизокрылый... Мне очень больно смотреть на твои слёзы. Ими ты не воскресишь своих родных. Будем вечно о них помнить... Они с небес будут смотреть на нас и радоваться нашему счастью. Всё будет хорошо.

Максим двумя руками ласково отстранил Юлю от себя, из глаз всё лились и лились слёзы. Он пошёл в спальню и, не удержав свои чувства, буквально упал на кровать и навзрыд заплакал, колотя кулаками по постели.

Юля бросилась на кухню, достала из шкафчика успокоительные капли, накапала в стакан, долила воды и принесла Максиму:

– Выпей, Максимушка... тебе станет легче, – предложила она, нежно гладя его рукой по спине. – Держись, любименький... вставай, – а у самой, не переставая, лились слёзы.

Наконец он успокоился, полежал несколько минут и, поднявшись, взял из рук Юли стакан и выпил содержимое. После этого пошёл умыться, потом предложил:

– Юленька, давай поужинаем.

Та сразу же кинулась на кухню и всё ранее приготовленное поставила на стол. Он достал из минибара бутылку коньяка и бутылку шампанского, открыл их и наполнил бокалы.

– Помянем моих родных, Юлечка, – и губы его вновь задрожали.

– Максимушка, родненький... не надо... не расстраивайся, успокойся... Давай выпьем и помянем их... Мы будем дальше жить, а они – в наших сердцах.

Он несколько раз выдохнул из себя воздух, так успокаиваясь, а потом кивнул жене головой, встал и стоя выпил. Она последовала ему и тоже выпила. Они долго сидели за столом, беседуя на одну и ту же тему, которая больно волновала обоих. Максим, по её просьбе, рассказывал обо всём происходившем в лесу, а она слушала, до боли сжав кулаки. Они оба понимали, что смерть – часть жизни каждого, но так хочется, чтобы родные и близкие люди не уходили в мир иной, подольше побыли рядом... но жизнь продолжается. Знали и о том, что она, как наводнение уносит жизни замечательных людей. Таков закон природы, в какой-то степени связанный с их судьбами, и обойти или объехать всё это невозможно. У семьи Максима судьба была одна на всех. Она регламентировала их смерть в одно и тоже время от рук оголтелой банды.

Минские договорённости

Перебравшись в Белоруссию, Твердилов – он же Шпаковский, Кузнецов – он же Мохов и Павловский – он же Чиленко, где несколько дней, а где и месяцев прожили в городах: Гомеле, Могилёве, Орше, Борисове и окончательно остановились в Минске. Сняли комнату в пригороде у семидесятилетней старушки, которой, чтобы не платить, помогали по хозяйству, а также производили ремонт её ветхого домика. Денежные средства были на исходе, поэтому они разрабатывали планы улучшить своё финансовое положение. Часто Твердилов посылал в город поочерёдно Кузнецова и Павловского, поставив перед ними задачу найти объект обогащения. С этой целью те посещали магазины, почтовые отделения, банки, аптеки, некоторые свободно доступные предприятия и учреждения. При обсуждении вариантов Твердилову понравился один из недавно открывшихся продмагов.

– Анализируя вашу работу, братва, не трудно прийти к заключению... Наиболее удобные и менее безопасные места для нас – это магазины. Будем брать мною

выбранный... Только в самом конце рабочего дня, когда от покупок денежная масса накопится. Возле него ещё и камеры не установлены. И ещё... вырисовывается одна из аптек, намного больше других, посещаемая. У кого из вас есть другие предложения... получше?

Кузнецов и Павловский скривили губы, мотнули головами и молча смотрела на него.

– Значит, нет, – продолжил лидер. – Тогда начнём с твоего магазина, – и он ткнул пальцем в сторону Павловского. – В нём точно один охранник?

– Точно. Я трижды бывал в нём, особенно под конец рабочего дня... был один. А народу полно – примерно в период с 18 до 19.30... Две кассы, из которых деньги забирает женщина, и как я заметил, одна и та же... один раз после 14.30 часов и второй раз после 19-ти.

– Вот тогда послезавтра и начнём. А завтра ты ещё разок обследуй и изучи этот объект. Интересно, куда она таскает бабло?

– Я проследил. Из зала дверь ведёт в подсобку. Она туда и носит ящички кассовых аппаратов.

– Отлично. Мы выслеживаем её возвращение от кассиров в эту подсобку и врываемся туда. Работаем тихо и быстро, а покупатели пусть находятся в спокойствии... спокойно, чётко и мы должны действовать.

Все согласились. На следующий день Павловский снова трижды посетил этот же магазин, не создавая подозрений, и обнаружил, что охранник стоит у входной двери, и ему видна дверь в подсобку, куда женщина носит кассовые ящички. По прибытию на место проживания он доложил Твердилову.

– Хитро. Но исправимо. Ты отвлекаешь охранника, а мы с Георгием в подсобку. Придумай, о чём будешь

разговаривать с охранником. Или, к примеру... какую-то мелочь взял со стеллажа и направился мимо кассы к выходу. Он, конечно, кинется к тебе. Хотя это не очень подходит. В общем, придумай что-нибудь сам.

– Так и сделаю. Там я видел стограммовые шкалики с водкой и коньяком. Один возьму и, не пряча, буду выходить, а вы...

– Хватит, – остановил его лидер. – А мы знаем, что делать... Но ты должен уйти от него тогда, когда мы покинем подсобку. Понял?

– А чего тут не понять? Решу, что делать.

– Всё. Завтра начнём. Здесь у старушки попашем целый день, а в шесть вечера уходим, – Твердилов окинул всех взглядом.

Чувствуя, что его лидерство в группе вполне обосновано, если рассматривать с точки зрения незаконного статуса вора в законе, хотя таким он не являлся, был доволен тем, что все соучастники были послушными. Это его удовлетворяло, возбуждая ненасытную страсть ко всему необходимому, неотъемлемо сопровождающему в их бандитской жизни. И сейчас, когда оба его подчинённые неустанно выполняли его указания по разработке плана действий, направленных на наживу, повысило его неудержимое рвение и энтузиазм.

Ночь выдалась душной, но и ей пришёл конец, утро порадовало солнышком. Весь день они трудились, ремонтируя дом старушки. Она с великим удовольствием наблюдала за ними, бесконечно рада была их помощи, не подозревая, что от них можно ожидать. Полная её неосведомлённость о личностях этих помощников играла только им на руку.

Примерно в три часа дня к соседнему дому подкатил милицейский автомобиль, и из него вышел лейтенант милиции – участковый уполномоченный, сын соседки. Глянув на дом старушки и на рабочих, он подошёл к женщине. Она сидела на брёвнышке под вишней.

– Здравствуйте, бабушка София!

– И тебе не хворать, Игорёк!

– Красиво и хорошо мастера поправляют твой дом... Как вы их нашли? Из какой организации они?

– А зачем искать... Сами явились.

После этих слов глаза участкового прищурились, и он направился к ним.

– Этого ещё не хватало, – тихо промолвил Твердилов, забивая гвоздь в доску.

– Из какой вы фирмы, граждане строители? – спросил лейтенант. – Может, и я к своей маме направлю вас.

Твердилов с молотком в руке подошёл к нему и спокойно ответил:

– А ни из какой. Нам предложил один человек работать в его бригаде по строительству коттеджей. Мы согласились, и он сказал, что бригада формируется... как только сформируется, так он сразу и приедет за нами. Вот мы и попросились к бабашке Софии... на время.

– Так, да? А на документы ваши взглянуть можно?

– Да, пожалуйста, – ответил Твердилов, достав из кармана паспорт Шпаковского, и подал ему.

Тот посмотрел, полистал его, а потом спросил:

– А что, у вас в области разве нет работы?

– Почему? Есть, но у вас больше платят.

Посмотрев оценивающе, участковый вернул документ:

– Ладненько.

– Этих мужиков тоже паспорта посмотрите?

– Да нет... Удачи вам и хорошего заработка, – потом в сторону бабушки Софии произнёс: – А вам, бабуся, крепкого здоровья!

– Спасибо, сынок... Тебе тоже.

Лейтенант повернулся и быстро пошёл к дому своей матери. Твердилов посмотрел вслед и глубоко вздохнул, а потом, чтобы бабушка не слышала, тихо сказал:

– Фу-у... пронесло. Вот такие менты были бы везде, и нам легче жить стало бы. А мы ведь сколько лет подряд довольствуемся тем немногим, что приносила наша сиротская и тревожная жизнь.

Кузнецов и Павловский то и дело бросали на него свои быстрые взгляды и, будучи довольными тем, как прошёл разговор с лейтенантом, в один голос промолвили так же тихо:

– А ты, Савелий, молодец!

– Вы тоже, ребята, удалцы... работали со невозмутимым видом, не обращая на него внимания... это психологически кое-чего стоит.

Наступило запланированное время, и они отправились в магазин. Не доходя до входа, остановились. Твердилов задумался, ковыряясь ногтём в зубах. Кузнецов и Павловский вопросительно смотрели на него.

– Вот что, братва, в магазин всем троим входить нельзя. Ты, Жорж, пойдёшь один, а нам позвонишь, когда эта... инквизиторша начнёт собирать бабло с касс... Да-а, чуть не забыл... бейсболки надвиньте на глаза и больше всего поглядывайте из-под козырька. Лица, таким образом, будут чуток прикрыты от камер... на тот случай, если всё-таки где-то стоит хоть одна. Вот что мы упу-

стили, так это обсуждение пути отхода. Хорошо было бы угнать тачку. По пути не заметили, где стоит машина, как бы брошенная?

– Я видел, – тут же произнёс Георгий. – Кварталов четыре отсюда... «жигулёнок» стоит, и не похоже, что он эксплуатировался сегодня. Может, угоним?

Твердилов оглянулся, окинул взглядом прилегающую к магазину местность и, как показалось Кузнецову, в приказном порядке сказал:

– Давай... смотайся быстро и поставь авто вон среди этих кустиков. Туда мы добежим быстро, а ты, Жорж, покупай нужные нам продукты и после нашего убытия выходи туда, где останавливаются маршрутки. К бабашке добирайся сам. Да там и недалёко... дойдёшь... в километре от остановки маршрутки.

Оглянувшись, не увидел Георгия. Тот уже исполнял сказанное лидером.

– Ну, что? Я пошёл в магазин? – спросил Жорж.

– Погоди. Посмотрим, что получится у Георгия.

Спустя минут десять-пятнадцать мимо магазина по дороге промчался автомобиль «Жигули», завернул туда, куда указал Твердило, и остановился. Из него вышел Георгий, осмотрелся и пошёл к соседнему дому, обошёл его, а после направился к ним.

– Молодец! Ишь, как следы свои замечает, – сказал Твердилов с довольной улыбкой, любясь действиями Кузнецова.

Тот подошёл к ним с гордым видом и, кивнув в сторону «Жигулей», произнёс:

– Приказ выполнен, гражданин начальник!

– Всё, иди, Жорж, – сказал тот, делая вид как будто ничего не происходило, а Георгий всё стоял и вопроси-

тельно смотрел в лицо лидера, тот заметил это и ответил: – Ну, молодец. Ждём звонка Жоржа.

А тот в это время взял корзинку для покупок, ходил по рядам разложенных на полках товаров, пристально рассматривал их, интересуясь сроком годности и изготовителем. Кое-какие продукты клал в корзинку, подбирая как можно низкую стоимость. Шёл восьмой час, а кассовая инкассация не производилась. Людей в магазине с каждой минутой становилось всё меньше. Твердилов не выдержал и позвонил Жоржу.

– Ну, что там?

– Пока ничего, – ответил тот. – Жду. Я позвоню.

– Савелий, – обратился к нему Георгий. – А ты заметил... белорусы мне кажется обеспеченней живут, чем россияне. У них порядок... в городах, сёлах и на полях. А у нас бесхозяйственность везде... Дороги разбитые, города не ухожены, поля поросшие бурьяном в рост человека, сельское хозяйство разрушено, животноводство тоже... коровники пустые и рушатся... Хреновое наше отечество, да и руководство в нём. Они работают только на себя и на своих близких.

– А где твоё отечество? В России ты был русским, на Украине – украинцем, а здесь – белорусом стал.

Кузнецова задело, и он не задумывался, что выкажет давно потерянную любовь к своему Отечеству.

Родина – та земля, где мы появились на свет, где прошло детство, ради Родины мы отдаём свои жизни, если угрожает захватом враг. Родина – то святое, что навсегда в нашем сердце. Даже украинский писатель и поэт Тарас Шевченко сказал: «В ком нет любви к стране родной, те сердцем нищие калеки». Так оно получилось не только у Кузнецова, но и у всех его соучастни-

ков. Они давно стали как нищими, так и моральными калеками.

– Ты знаешь... у меня такое предчувствие, что моё отечество... Родина... страна не на этой планете, а на одной из космического пространства.

– Дурак ты, Георгий... Наша с тобой Родина – Россия, но мы её обидели, осрамили... даже обгадили своими действиями и вошли в безвозвратные, невосполнимые и не подлежащие изменению условия. В обществе мы стали даже не второсортными, а самыми что ни на есть низкосортными. У меня в планах... срочно уехать из Белоруссии, а вот куда – поговорим... найти там работу и начать жить с нуля, прекратив противостоять закону. Может быть, что-то изменится или хотя бы мы почувствовали крен в эту сторону. Свобода всё-таки намного лучше, чем изоляция... хотя мы с тобой потеряли Отечество с первой отсидки.

Последние слова Твердилова намного приближены к истине. Французский писатель Франсуа де Шатобриан сказал: «Когда исчезнет свобода, останется ещё страна, но Отечества уже нет». Пospорить с ним трудно, особенно тем, у которых много «отсидок». Своими словами: «Кто не принадлежит своему Отечеству, тот не принадлежит и человечеству», – подтвердил и российский литературный критик Виссарион Григорьевич Белинский...

Твердилов, услышав звонок телефона, свернул их разговор и торопливо достал сотовый, принял вызов.

– Всё, вышла! Собирает, – коротко сообщил Павловский и сразу же отключился, направившись к кассе для оплаты выбранных продуктов и к охраннику.

Твердилов и Кузнецов, поспешно поправив под бейсболками натянутые на голову женские капроновые чёр-

ные чулки и опустив как можно ниже козырьки бейсболок, быстро бросились в магазин. Войдя в помещение и взяв корзинку, они нагнули головы, якобы рассматривая товары на нижних полках, разными путями, поодиночке, направились к полкам, расположенным ближе к подсобке. Там каждый в отдельности остановился и стал рассматривать товары и якобы некоторые понравившиеся класть в корзинку. Появившаяся с кассовыми ящичками женщина даже не обратила на них внимания и вошла в помещение. За ней следом, натянув на лицо чулки, влетели Твердилов и Кузнецов. Женщина даже не успела закрыть за собой дверь на ключ, и это сделал Кузнецов, а Твердилов, выхватив пистолет и наставив в лицо женщины, потребовал:

– Все деньги в пакет! Быстро! Если хочешь жить, делай всё молча.

Та обомлела и от страха стояла, глядя на ворвавшихся, разинув рот.

– Сказал – быстро! И те тоже, которые собирала раньше, – повторил требовательно, угрожая пистолетом, Твердилов.

Она вскрыла дрожащими руками ящички, достала деньги разных купюр и бросила в пакет, а потом открыла сейф и оттуда переложила ранее собранные купюры в тот же пакет.

– Это всё? – угрожающе спросил Твердилов.

Женщина, потерявшая дар речи, кивнула головой.

Твердилов взял пакет с деньгами, подал его Кузнецову, потом повернулся к ней и с угрозой жёстко потребовал:

– Закройся на ключ. Никого не впускай... На полчаса, а после делай что хочешь. Выйдешь ранее, будешь

убита нашим человеком, который будет рядом с твоей дверью. Поняла?

Та снова закивала головой.

Твердилов, погрозив ей пистолетом, повернулся к выходу, а Кузнецов открыл дверь. Оба уже хотели было выходить, но Твердилов остановился, оглянулся, глянул на стоявший на столе телефонный аппарат, быстро подбежал и перерезал провод, а потом, глянув на женщину, потребовал:

– Мобильный телефон давай!

Та сунула руку в карман халата, вынула телефон «Самсунг» и подала ему. После этого они пулей выскочили из помещения и сразу же услышали за собой щёлчок замка в двери. Твердилов и Кузнецов, увидев Павловского, разговаривающего с охранником, направились к двери чёрного хода. По пути бросили телефон женщины среди ящиков из-под товаров и быстро открыли дверные крючки. Выйдя в торцовую сторону магазина, они бегом побежали к автомобилю. Кузнецов сел за руль, и они уехали улицами и переулками за город.

– Бабла много – очень тяжёлое, – с радостью в голосе промолвил Кузнецов, глядя на проезжую часть дороги и посматривая в зеркало заднего вида.

– А ты хотел, чтобы было мало? – шутливо ответил Твердилов.

– Я и на большее согласен.

– Ты вот что... К нам на стройку не езжай. Бери левее... в сторону. Километра за три бросаем автомобиль и пешочком к Павловскому. Он уже, наверное, будет на месте. Деньги с собой не понесем. Метров за сто закопаем... Ну-у, себе понемножку... тыщ по пять возьмём, конечно, а в воскресенье попьём пивка.

– А может, побольше...
 – Нет! Я сказал! – прервал своим криком лидер. – Побольше – это заметно для других, и мы спалимся.

- Я хотел себе кое-что приобрести.
- Успеешь. Уедем... и приобретай, что хочешь.
- А сколько там бабла? С миллион будет?
- Думаю, что больше. На месте посчитаем.

Подъехав к месту, откуда была видна их стройка, Кузнецов взял левее и погнал автомобиль километра за три. Там загнал его в лес и заглушил двигатель.

– Фу-у, – глубоко вздохнул он и, довольно заулыбавшись, добавил: – Думал, не дотянет.

- Ты к чему это сказал? – спросил лидер.
- Бензин на исходе был. Назад, боялся, не хватит.
- Теперь нам и не надо. Давай-ка бери тряпку, вон она на заднем сиденье и хорошо вытри все места тачки, где мы брались руками... тряпку потом выбросишь где-нибудь по пути.

Тот сразу же взялся исполнять его указание.

А в это время в магазине уже работала милиция.

Женщина, – заведующая торговым залом, когда бандиты покинули магазин, ещё полчаса сидела вся в слезах, затем осторожно вышла. Магазин продолжал работать так же, как и прежде. Осмелев, она подбежала к кассиру и попросила у неё сотовый. Увидев заплаканное лицо и страх в глазах, та без лишних вопросов протянула телефон, и заведующая тотчас позвонила в милицию.

Оперативно-следственная группа выехала быстро. Следователь, обладающий философским хладнокровием, успокоил её, а потом спросил:

- Значит, лиц грабителей вы не видели?

– Конечно. Они же в масках были... Чёрные маски. Одежда тоже тёмная. На голове чёрные бейсболки, – волнуясь, пояснила она детали.

- Какую же сумму они унесли?
- Один миллион семьсот тысяч триста пятьдесят бело... ой простите, рублей.

– Такую огромную сумму вы не инкассировали в банк? Не специально ли?

– Вы знаете, мы только недавно открылись, и хозяин поехал заключать договор об инкассации.

- А за какой период вы накопили такую сумму?
- За неделю.

– И что... вы не оказали никакого сопротивления? – Да вы что, на самом деле? Внезапный налёт и дуло пистолета у лба любого обезоружат, вот и я, растерявшись, не знала, как мне поступить.

Следователь продолжал её допрашивать, пытаясь выяснить, где лживый вымысел, а где правда в её ответах.

Тем временем Твердилов и Кузнецов встретились с Павловским и, уединившись, обсуждали, как им быть дальше.

– Может, разделим на троих всю сумму... и каждый, как говорится, по домам? – предложил Павловский, намекая, что им не надо дальше общаться.

Твердилов, презрительно поджав губы, посмотрел тому в лицо и зло выпалил:

- Что, надоели мы тебе? Бери и мотай.
- Да ты чего, Савелий? Я о другом... Мы не можем до конца жизни скитаться втроём. Каждому из нас нужна своя семья... своё жилище.

– А ты подумал, как это будет с липовыми документами? Здесь оставаться нельзя. Значит, надо уезжать и там уж решать проблемы.

– Ещё есть одно препятствие, – вклинился в разговор Кузнецов. – Я узнал в магазине, что один белорусский рубль стоит где 28, а где и 30 российских рублей. А это значит, что с белорусскими рублями мы никуда не уедем. Надо менять здесь, а вот как поменять такую сумму?

Все задумались.

Твердилов, присев на корточки и по старой привычке ковыряясь ногтём в зубах, стал судорожно размышлять над этим.

Это небо сердца обращает в прах,
Наполняя тоскою и грустью.
Этот воздух сулит и позор, и страх, –
Это грозное небо над Русью.

www.sunhome.ru/poetry/groznoe-nebo

Небо тем временем, словно живое существо, наполнилось тоской и грустью, воздух сулил и позор, и страх, засверкали молнии, зазвучали грозные, оглушительные раскаты грома, рык неба извергся тяжёлыми и забойными каплями дождя на одежду этой ненасытной на преступления тройки, давно постигшей все азы воровской профессии и переросшей в бандитскую. Дождь будто по-своему хотел очистить всю сотворённую ими черноту жизни, густо полил землю... и так же, как и спонтанно начался, внезапно прекратился.

– Давайте вот что сделаем, – начал задумчиво Твердилов. – Пойдём, посчитаем бабло, а потом решать будем. Конечно же... его надо менять на российское или же на баксы, и сделать это следует быстро, осторожно и

обдуманно. Пошли. Все они с невероятно сильным алчным чувством не пошли, а побежали к месту, где спрятаны деньги. Если ранее недостаток денег мучил их, то сейчас их доминирование возбуждало.

Прибыв на место, Твердилов поручил Кузнецову и Павловскому пробежать за сто метров вокруг по указанному двум участкам, а сам по третьему с целью убедиться, что вблизи никого из посторонних нет. Вернувшись к денежному сокровищу, – начали считать. Денег оказалось один миллион триста тысяч триста пятьдесят белорусских рублей.

– И сколько теперь российских будет, если поменять? – спросил Кузнецов Павловского.

Тот, сузив глаза, шевеля губами, начал подсчитывать, потом схватил кусок тонкой сухой ветки и по песчаному участку земли начал писать цифры.

– Так... умножаем на двадцать восемь... получается 36 миллионов 409 тысяч, девятьсот российских рублей... А если менять здесь... всю же сумму не понесем, а примерно по тысячи белорусских, то получаем 280 тысяч российских... Ой, ошибся... 28 тысяч... за раз... Если каждый из нас – будет 84 тысячи за раз. Если один будет менять, то ему надо будет сходить в обменный пункт 1300 раз... с хвостиком, а если мы втроём, то – 433... с хвостиком. Это сколько ж нам времени надо? Ой-ёй!

– Ну, ты и бухгалтер?! – воскликнул Твердилов. – А мы будем брать где по тысячи, а где по полторы и менять... конечно, каждый по разу в один обменный пункт в день... и тут же обращаться в другие.

– Тогда нам надо уходить с этой работы, – вставил Кузнецов, – и заниматься только этим.

– Совершенно верно, – поддержал его Павловский.

– Да-а... бабла много... В России квартиры можно купить... Но жить-то там опасно. Вот куда нам податься... в какую страну?

В этот момент как будто кто-то специально со стороны стройки развернул динамик к лесу, и из него послышалась задушевная песня поэта Юрия Энтина, на которую написал музыку советский композитор Евгений Крылатов для кинофильма «Ох, уж эта Настя», припев которой всех троих взбудоражил:

«Вернись, лесной олень,
По моему хотенью,
Умчи меня, олень,
В свою страну оленью,
Где сосны рвутся в небо,
Где быть живёт и небыль,
Умчи меня туда, лесной олень...»

– Вот тебе и ответ, Савелий, – воскликнул Кузнецов. – Рванём в страну оленью. Там нас никто не знает, и мы никого не знаем.

– А что? Подальше надо ехать... и вообще не заезжать в Москву... На восток надо. Знать бы, куда и зачем... Ладно, братва... Берём по полторы тысячи, а остальные тут остаются. Завтра утром сообщаем о своём отъезде... Скажем: дома нелады... Возвращаемся сюда, забираем остальное бабло и прячем в другом месте, чтобы ни с кем из этих пацанов, – и он кивнул в сторону стройки, – не встречаться.

– А жить-то где будем? – спросил Павловский. – К той старушке тоже нельзя...

– В простенькой гостинице. Так лучше будет и веселее... Оденемся попримочнее... только не сразу, а постепенно... частями будем покупать.

Твердилов опять погрузился в размышления, что и делал частенько, но сейчас его волновала судьба добытых денег. Он предложил закопать деньги в лесу. Что они и сделали. Пока шли, Твердилов думал о дальнейшей судьбе денег, в какой-то момент остановил взгляд на своих поделщиках-подчинённых, где-то там, в чёрных лабиринтах мозга зародилась крамольная мысль: «А что если обоих грохнуть да забрать всё бабло себе? Надо подумать. Но сейчас не время. Надо бабло поменять, а потом решу и этот вопрос». Избрав этот единственный конструктивный путь, на нём и остановился.

К вечеру они вернулись в дом старушки. Утром зигзагами нырнули в лес. Забрали пакет с деньгами, после чего лесом же ушли на северо-запад. Пройдя километра три, оказались на окраине города, там выбрали надёжное место и спрятали часть денег. Через сорок минут они были уже в городе и без всяких проблем меняли деньги в обменных пунктах банков. В этот же день они заселились в один из номеров гостиницы. Вечером все трое посетили пивнушку. Заказав пиво и еду, уселись за столик. За соседним столиком бородатый мужчина усердно рассказывал троим парням о Дальневосточном рыболовстве. Его рассказ заинтересовал сначала Твердилова, а потом и остальных его соучастников.

Твердилов, повернувшись к их столику, приветливо улыбнулся и, воспользовавшись небольшой паузой в их разговоре, обратился к бородатому:

– Простите... то, что вы рассказывали этим ребятам... о дальневосточном рыболовстве, извините, ненароком

услышал... и хочу спросить: есть ли там проблемы с трудоустройством? К примеру, вот нас троих. А то бы рванули, уж больно заманчиво вы рассказывали.

Тот обрадовался, было видно, как расцветает его лицо, глаза засветилось добротой.

– А никаких проблем. На рыболовецких сейнерах вечно кадров не хватает. Главное здоровые руки, любовь к морю и содружество с ним. И зарплата хорошая, но в какой-то степени зависящая от успешного улова... Место жительство – неплохая общага.

– И это где конкретно?

– В Магадане. Можно и в других дальневосточных городах, но я говорю о Магадане, где живу и работаю сам. А вам что... понравился мой рассказ?

– Очень. И мы с удовольствием поехали бы.

– Так в чём дело? Поехали. Я уезжаю послезавтра. Можно вместе.

– Нет. Так быстро не получится. Нам надо решить свои личные вопросы, на это потребуется с полмесяца... И тогда мы можем выехать. А вы можете там решить вопросы трудоустройства?

– Без разговоров! Я вам сейчас черкну свои координаты, – сказал бородатый, быстро достал из внутреннего кармана пиджака авторучку, схватил салфетку и написал свой адрес, номер телефона и фамилию, имя, отчество. – Вот, пожалуйста. Приезжайте. Если вы серьёзно заинтересовались и решили приехать, то дайте мне ваши фамилии, и за это время я подберу вам места на хорошем сейнере... Вы, наверное, хотели бы работать вместе?

– Конечно. Мы всегда вместе работали, а сейчас увольняемся, – ответил Твердилов и тоже взял салфет-

ку, попросил у него авторучку и написал: «Шпаковский Борис Иванович, Мохов Леонид Зиновьевич, Чиленко Пётр Максимович», и вручил её бородатому.

Тот прочитал, положил в свой карман, а потом поинтересовался:

– Примерно когда вас ожидать? Я ведь должен решить вопрос не только с работой, но и с общагой.

– Через пятнадцать-двадцать дней.

Такая договорённость их порадовала. После этого они соединили столики и дружески общались. Твердилов и его братва были чрезмерно довольны, надеясь, что в Магадане их никто искать не будет, и уж там они смогут остаться на постоянное местожительство.

Подстрекатель

Следователь по особо важным делам Генеральной прокуратуры РФ Николай Васильевич Панфилов, государственный советник юстиции 3-го класса, а в соответствии с воинским званием – генерал-майор, расследовавший уголовные дела, связанные с преступной группой Твердилова, и выезжавший на место обнаружения останков тел семьи Кизелского Лазаря Анисимовича, в очередной раз вызвал Ковалья Остапа на допрос при участии понятых:

– Вам, Остап Алексеевич, предлагаю... – с подходом начал следователь, назвав его по имени и отчеству, – выезд на место совершения убийства начальника тогдашней милиции Кизелского и его семьи. Согласны?

– Цель-то какая? – спросил тот.

– Цель одна. Этого требует порядок расследования уголовного дела... К примеру, необходимо чётко обозначить: кто и где находился, кто руководил, что делал, чем и куда наносил удары, если они были... ну-у и так далее. Вы в настоящее время твёрдо стоите на тропе сотрудничества со следствием, – умышленно

намекнул и подчеркнул он. – Что вам положительно и засчётся при вынесении судебного приговора... Вот я и предлагаю вам участие в этом следственном действии.

– Да нет проблем. Если это надо, – поехали, покажу и расскажу.

– Все участники готовы. Выезжаем прямо сейчас. Из этого кабинета вы, в виде гида, ведёте нас всех туда, где проживал начальник милиции и так далее. Обязан ещё раз спросить: вы готовы к добровольному участию в этом следственном действии?

– Вполне готов.

Все приехали к квартире Кизелского. Дверь открыл Максим. Коваль вошёл в прихожую и, вытянув шею, заглядывая через открытую дверь в зал, окинул всё взглядом и сразу же отметил:

– Комната именно эта, но обстановка совершенно другая.

– Обозначьте ту, которая была в то время, – предложил следователь.

Коваль подробно рассказал о том, где и какая стояла мебель на тот момент, расположение комнат, и какая мебель была в них, вспоминая мелкие подробности. После чего следователь, в присутствии всех участников, спросил Максима:

– Что вы можете подтвердить, а что отрицать по поводу сказанного подследственным Ковалем?

– Всё он назвал правильно, за исключением комнаты, где я находился тогда...

– Ой, простите, – перебил его Коваль. – Не эта, а вон та комната, в которую заходил Кузьма Ковалёв, и из которой выглядывал малыш, приоткрыв дверь.

– Вот теперь всё правильно, – подтвердил Максим. – Других замечаний нет.

Следователь тут же все эти слова обоих зафиксировал в протоколе. Далее Коваль, стоя в зале, рассказывал о действиях каждого: Твердилова, Кузнецова, Павловского, Ковалёва и его самого.

Максим не мог всё это слушать без содрогания. Его начало трясти, глаза повлажнели, а сердце трепыхалось как осиновый лист на ветру. Он всячески старался взять себя в руки, не поддаваться нахлынувшим чувствам скорби. Юля в это время находилась на работе, ему же по предупреждению следователя пришлось присутствовать при всём этом. Слушая Ковалья об издевательствах над членами семьи, Максим неоднократно ловил себя на возникновении желания выхватить пистолет и прямо здесь прикончить убийцу, но сдерживал себя, мысленно успокаивая. Он часто вспоминал слова полковника милиции Василия Григорьевича Кульнёва, назвавшего себя вторым отцом Максима: «Чтобы быть настоящим юристом и работником милиции, необходимо, прежде всего, стать исключительно примерным и справедливым человеком». Эти слова постоянно и везде помогали ему. Помогли и в производстве настоящего следственного действия.

Закончив дела, оставив Максима в квартире, следователь со всеми остальными участниками уехал.

Максим обессиленно опустил в кресло и дал волю сдерживаемым до этого времени слезам. Глянув на икону Господа нашего, он резко встал, подошёл к ней и много раз благодарил Бога за помощь в раскрытии этого столь тяжкого преступления и обратился с очередной просьбой:

– Господи! Всемогущий и справедливый! Помоги мне найти остальных. Я не буду зверствовать и устраивать самосуд. Пусть их с твоего позволения накажет справедливо суд... Миллиарды раз благодарю тебя, Всевышний... Благодарю! Благодарю! Благодарю!

Вернувшись в своё кресло, сидел несколько минут в забытии, а потом позвонил Юле и ответил на её вопросы по поводу того, как прошли следственные действия в их квартире.

– Значит, этот урод в присутствии всех сознался ещё раз в убийствах и показал, как и кто из них совершал... Это очень хорошо для следствия. Ты снова расстроилась? Успокойся, Максимушка! Очень тебя прошу! Максим... хочу тебе признаться... Будешь ли ты рад или расстроишься. Я... беременна.

– Что ты сказала?! – закричал в трубку он.

– Беременна я... Максимушка... Доченька у нас будет.

Несколько секунд в трубке царил молчание, и на Юлю уже начало накатывать волнение, как вдруг раздался радостный крик:

– Ва-а-й! Юлечка! Любимая, солнышко моё... я расцелую всю тебя! Спасибо тебе за Дарьюшку! Как я счастлив!

– А почему за Дарьюшку? А если за Наденьку, Аннушку, Зоеньку? У кого-то в роду было такое имя?

– Нет. А кто сказал Дарьюшка?

– Ну, ты же сказал.

– Да я на радостях... выпалил. Назови сама, как хочешь, я всё равно буду любить её беспредельно.

– Дарьюшка... Дашенька... а что... красивое имя! Значит, тебе на язык оно пришло не зря. Назовём Дашенькой. Всё! Решено! – радостно закончила Юля. – Ладно, миленький... до встречи... начальство вызывает.

Положив трубку, Максим встал с кресла, радостно потёр ладони, и в этот момент зазвонил его телефон. Он глянул, на дисплее вызов Юли.

– Да, Юлечка! – голос его излучал благостный настрой.

– Максимушка, а может, доченьку назовём Олесей... именем твой мамы?

Он подумал и ответил:

– Ты знаешь... Я боюсь. Маму убили... Не-е... боюсь, Юлечка. Конечно, спасибо тебе, но давай пока не будем решать этот вопрос... Посоветуемся со священниками... Ты же к руководству торопилась?

– Отменил начальник. Кто-то к нему приехал. Ну, ладненько, до вечера.

В это время после посещения кабинета начальника УВД генерал-майора полиции Ковалёва одним из работников окружного уголовного розыска сообщено было, что в следственный изолятор доставлен Коваль, который якобы дал признательные показания об убийстве семьи полковника милиции Кизелского. После его ухода генерал рвал и метал, расхаживая по кабинету, нервно бил кулаком о свою ладонь, судорожно размышляя, что делать. До сына не мог дозвониться, получил ответ дежурного, что, мол, он находится на месте происшествия. Вспомнив об Исаеве – работнике спецчасти следственного изолятора, которому месяц назад он оказал помощь после задержания полицией его родственника, схватил телефон, стал спешно звонить ему. Тот ответил после четвёртого гудка.

– Вася, срочно ко мне... Срочно! – тревожным голосом выпалил генерал, а тот, посчитав, что вопрос касается его родственника, заверил:

– Выезжаю немедленно!

Спустя двадцать минут он был уже в кабинете Ковалёва, да с таким видом, как будто его бурей принесло. Он вопросительно глядел на генерала.

– Вася, – тревожно обратился к нему Ковалёв, выйдя из-за своего рабочего стола и протягивая руку для при-ветствия: – Ты можешь быть настоящим, преданным другом?

Тот, ещё не понимая, о чём будет идти речь, ответил:

– Для вас и ради вас, Юрий Кузьмич, я готов в пекло... а сделать – всё возможное и невозможное.

– В твоём СИЗО содержится один тип, – и он приложил палец к губам, окинув взглядом кабинет, взял клочок бумаги и написал: «Остап Коваль»... – Интересно как получается, фамилия знакомая, а он настоящий урод. – А потом совсем шёпотом договорил: – Так вот, он, чтобы смягчить свою вину или вообще ускользнуть от ответственности, впутывает в эпизоды многолетней давности моего сына Кузьму. Наверное, надеется на меня, что я могу ему помочь... Можешь, Вася, сработать так, чтобы он отказался от своих показаний?

– Как два пальца... Есть у меня свои люди, которые могут вплотную заняться им сегодня же, а завтра он заберет все свои слова обратно, – ответил тот тоже шёпотом.

– Буду тебе безмерно признателен... Да-а... и то, что ты был должен мне за своего родственника, отменяется... ничего не должен. Теперь мы с тобой подружился навечно.

Расчувствовавшийся Ковалёв готов был в этой сложной ситуации отдать ему самое ценное, что было, мог решиться на самое дорогое личное или трудно исполни-

мое, лишь бы не коснулась его и сына суровая, но справедливая рука Следственного Комитета России. Он уже плюнул на существующие государственные законы, на порядочность, нравственную непогрешимость, требования дисциплины, этики и всего прочего, регулирующего жизнь человека во всём объёме. Его уже не интересовали ни правила этики, ни законы логики, с каждой минутой в нём упорно развивалась душевная и телесная хрупкость, паническое состояние, а профессиональное чутьё, больше, чем ум, подсказывало и требовало от него – не сидеть, сложа руки, а активно действовать только в интересах самого себя и сына, а иногда переходило только на индивидуальность. За эти минуты Ковалёв забыл о своём стойком желании, о погоне за карьерой и славой, дав чёткое и меткое определение: всё это побоку, лишь бы не в камеру СИЗО «Матросской Тишины». Окружающая его действительность стала серой и отталкивающей, а любая, пусть и вкусная еда – горькой и противной. Он был согласен потерять всё дорогое, что имел, чтобы после радоваться и получать удовольствия от жизни.

Василий смотрел на его лицо, на котором то и дело отражались меняющиеся чувства, а в голове пронеслось: «Какой добренький стал. Если я сделаю то, что просит, ещё более подобрееет».

– Спасибо, Юрий Кузьмич. Вы добрый человек. Завтра с утра я доложу вам о результате. Не сомневайтесь и успокойтесь.

– По телефону нежелательно, сам понимаешь... кто расследует и кто сопровождает ход расследования, – перешёл он снова на шёпот.

– Могу приехать... но тоже это как бы не впользу. Может быть заметным моё частое посещение. Давай-

те... либо встретимся за пределами УВД, либо... если он откажется от всего... тревожащего вас, то я по телефону скажу какие-нибудь условные слова. Как вы на это смотрите? – проговорил Вася тоже шёпотом.

– Да, позвони... и скажи, что, мол... ваше требование об усилении контроля за прекращением телефонной связи со свободой в действии... ну в общем в этом плане...

– Будет сделано, – отчеканил Василий и, добродушно пожав руку, подмигнул Ковалёву, и быстро ушёл из кабинета.

Как только за ним закрылась дверь, зазвонил телефон. Ковалёв глянул на аппараты и увидел, что звонок междугородний, сразу же кинулся к нему:

– Папа, здравствуй, – послышался голос Кузьмы. – Ты звонил?

– Звонил, звонил... Тебя же разве можно найти быстро, если это потребуется... Ты когда наведаешь нас?

– Что-то случилось?

– Есть кое-что... наше с тобой. Приезжай сегодня... обязательно. Поговорим.

– Ладно... буду.

Василий, прибыв в СИЗО, сразу же пригласил к себе в кабинет одного верзилу, содержащегося в камере с тремя такими же, как он, работающими на администрацию изолятора. Его кличка «Бык» соответствовала не только его личной фамилии Быковский, но и телосложению.

– Слушай, Влад... я сейчас закину вам в камеру новенького... надо, чтобы он немедленно отказался от всех своих показаний. Сделаешь? – обратился к нему Василий.

– А какие могут быть проблемы? Пузырёк дашь нам, начальник? – ответил тот.

Василий достал из шкафа бутылку водки и подал ему. Тот взял, сунул себе под рубашку так, чтобы её не было видно, после чего снова попросил:

– И папироску.

Получив пачку сигарет, он поднялся после нажатия кнопки Василием для вызова надзирателя и в его сопровождении ушёл в свою камеру.

В ближайшие пятнадцать минут Коваль был переведён в эту же камеру. Он вошёл по всем воровским правилам, законам и обычаям. «Бык» поинтересовался его статьёй и указал на койку. Положив матрас и остальное постельное, Остап уже хотел сесть, но его позвал к себе за стол «Бык».

– Расскажи... кого ты замочил? – потребовал он.

– Начальника милиции и его троих баб... нет, не троих – четверых, – ответил Остап и с гордостью добавил: – При участии сына другого мента.

– О-о, как! Ну и по делу... в сознанку?

– А чего скрывать... они всё знают.

– Один был?

– Нет. Я же сказал, что при участии сына мента, а кроме него были мои кореша... Савелий Твердилов, Жорж Павловский и Георгий Кузнецов.

– «Кузнец» с тобой был? Я с ним находился у одного и того же «хозяина», при давней отсидке. Он тоже под арестом и в сознанке?

– Нет. Он и остальные на свободе...

– Что ты сказал? На свободе? А ты единственный под арестом и в сознанке? Значит, ты предал свою братву... хотя теперь она не твоя.

Сидевший рядом сокамерник резким ударом кулака в грудь свалил Остапа на пол. Остальные тоже накинулись на него и стали наносить удары, а потом подняли, бросили на его же койку и, содрав штаны, положили его на живот. Остап понял, что они хотят с ним сделать, закричал:

– Не надо! Не делайте этого! Прошу вас! Я сделаю всё, что вы скажете.

– А ну-ка посадите его на прежнее место, –скомандовал «Бык».

Сокामерники дёрнули вверх его брюки, схватили под руки и бросили к столу. По щекам Остапа покатились слёзы.

– Клянусь, сделаю всё, что скажете, – взмолился он, глядя на «Быка».

– Бери бумагу и пиши отказную. Придумай, что хочешь, но чтобы все твои кореша остались в тени... и до самого конца стой на этом, не то мы не только сделаем из тебя «девку»... уроем. За «Кузнеца» я тебя не прощу, если не сделаешь то, что тебе сказано.

Кузнецова «Бык» никогда не видел, даже не знал его. Это просто послужило поводом для силового требования.

Остап дрожащей рукой взял поданный чистый лист и авторучку, начал писать на имя следователя. Закончив, подал «Быку» написанное. Тот прочитал, потом, подняв на него глаза, сказал:

– А чего ты мне даёшь? Стучи и «попке»* передай, а также скажи, что хочешь на беседу к начальнику. Если возьмут... вот ему и подтвердишь написанное... Да-а...

*Попка – надзиратель (воровской жаргон).

и имей ввиду... если снова изменишь показания в обратную сторону... у меня свои люди есть везде... Это я тебе говорю к тому, что, если тебя сейчас... ну всякое бывает... переселят в другую камеру. Иди... стучи.

Тот послушно сделал это.

Надзиратель открыл дверцу «кормушки» и строго спросил:

– Чего надо?

Коваль сунул ему свою писанину и несмело промолвил:

– Мне к начальнику надо... для разговора.

Тот молча взял лист и захлопнул дверцу.

Остап отошёл к своей койке, сел, периодически стал щупать рукой места побоев.

Не прошло и пяти минут, как «кормушка» с грохотом открылась, показалось лицо надзирателя, и прозвучало:

– Коваль! На выход! С постелью!

Он скатал постель, дверь открылась, он подошёл к выходу.

– Так ты усвоил, что я тебе сказал? – спросил «Бык», сурово глядя на него.

Остап кивнул головой и вышел. Его вернули в прежнюю камеру, было приказано положить матрас, потом отвели в спецчасть.

– Это что за писанина? – строго спросил Василий. – Ты хорошо обдумал?

– Да, – твёрдо ответил Коваль.

– Как тебя понимать? Почему врал следователю? Мне же надо ему доложить.

– Хотел как-то уйти от наказания.

– Вообще, я тебя не понимаю... Тебя кто-то силой заставил изменить показания? – спросил Василий, глядя на его побои, но ничего не спрашивая про это.

– Никто не заставлял. Я сам так решил.

– Ладно... можешь уходить, – сказал Василий и нажал на кнопку.

Надзиратель увёл Остапа в камеру.

Василий заулыбался, довольно потёр руки и позвонил Ковалёву.

– Юрий Кузьмич, ваше поручение о запрете телефонной связи заключёнными со свободой исполнено. Мы усилили контроль и за это строго наказываем, – сообщил он условным текстом, который свидетельствовал о желании Остапа Ковалья отказаться от данных им на следствии показаний.

У того душа запела, глаза повеселели, лицо расплылось в счастливой улыбке. Спустя несколько секунд он стал серьёзным и начальственным тоном изрек:

– Давно бы так, а то следователи и оперативные работники стали жаловаться на то, что подследственные часто связываются с нужными им людьми, используя их для своей пользы. Ну, хорошо... молодцы. Так и держите на строгом контроле.

Оба положили трубки. Ковалёв не знал, что уже несколько дней назад следователь получил судебную поддержку, и все телефонные разговоры Ковалёва фиксируются. Он надеялся на свою генеральскую неприкосновенность и верил в то, что вокруг него всё должно быть только в его пользу, во благо его семьи.

Дома он встретился с сыном, который стал неузнаваем: усы, борода и длинные волосы. Казалось, и ростом стал выше. Сообщив ему о возникшей проблеме, Коваль-старший посоветовал найти через преступный мир надёжного арестанта, содержащегося в Следственном изоляторе, который смог бы заткнуть рот Ковалю.

Кузьма задумался, спешно соображая, кто бы мог помочь, потом произнёс:

– А потешно, что он Коваль, а мы Ковалёвы... как будто родственники... Мне бы с Остапом покалякать... Думаю, нашли бы общее понимание... Хотя, если он в сознанке, то будет нелегко найти нужный язык.

– Почему это? – удивлённо спросил отец.

– Если он всё как было рассказал, да ещё, не дай Бог, показал на месте, что следователи всегда стараются совершить, да ещё осветил детали, то ни один суд ему не поверит после отказа, а возьмёт за основу первичные показания.

– погоди, – сказал отец, схватил телефон и позвонил Василию, а когда тот ответил, предложил: – Вась, давай на пару минут встретимся... По поводу родственника генерала... Да, да... Ну в кафе, где разговор шёл о твоём родственнике... Сейчас прямо. Через десять минут будем... Ещё с одним родственником... Выезжаем, – отключая телефон, обернулся к сыну. – Всё, Кузьма... Поехали.

– Это кто такой? – не понял он.

– Там узнаешь.

На первых минутах знакомства Василий показался Кузьме слабохарактерным, неискренним человеком. Знакомясь с ним, Кузьма старался держаться стороной, а когда узнал, кто такой Василий, то почувствовал себя на высоте, а слыша, как Василий оперирует и довольствуется своими тюремными убеждениями и властью, психологически поднял себя выше его на уровень за счёт генерала-отца.

Ковалёв-старший расспросил его об Остапе Ковале и о том, что именно написал тот следователю.

Василий, не отвечая на его вопросы, молча достал из кармана ксерокопию того письма и подал ему.

Прочитав, генерал был доволен и передал сыну ознакомиться. Тот тоже обрёл надежды на положительный для него исход дела.

Они обговорили все интересующие вопросы, а в конце Ковалёв-старший сделал намёк на ликвидацию Остапа:

– Сдох бы он там... и чем быстрее, тем лучше. За эти оговоры я зол на него. Думаю, ты меня понимаешь.

Василий слушал, а в голове витали мысли: «Огня без дыма не бывает. Где это видано, чтобы какой-то мерзавец ни с того, ни с сего включал в свои действия сына генерала полиции... что-то там не чисто... не буду я в этом дерьме копать. Моё дело – сторона», – а вслух озвучил уловку отмазаться от этого:

– Вообще он крепок и здоров.

– Может, помочь ему... уйти под уклон? – намекнул генерал и хитро заулыбался.

– Юрий Кузьмич, вы намекаете мне, чтобы я организовал полное устранение этого арестанта?

Тот молча смотрел на него, выжидая, что ещё он может сказать по этому поводу, а в основном ждал от него любимые слова: «Да нет проблем!» – и, не дождавшись, уже открыл было рот, как тот его опередил.

– Я на это не пойду. Мне чужая жизнь не нужна. Что-то другое... нет проблем, а это уж увольте.

– Вася! Да Бог с тобой! Разве я тебя об этом прошу? Просто вслух размышляю в отношении этого трепла. А тебя просил бы держать на контроле то, чего ты добился. Выражаю тебе свою благодарность.

– А-а! Извините, не то подумал. Не волнуйтесь... У меня этот вопрос на контроле.

Они расстались, каждый сделал вид, что остался встречей доволен. Однако каждый из них взвешивал беседу по-своему. Генерал в душе назвал Василия трусом и слюнтяем, а тот генерала – подстрекателем.

Счастливая газета

Следователь по особо важным делам Следственного Комитета Генеральной прокуратуры РФ Н.В. Панфилов получил по телефону из следственного изолятора извещение об отказе Ковалёва от ранее данных им показаний, а потом и по почте получил его письменный отказ. Но особо не расстраивался, так как знал о достаточных доказательствах, как его соучастия, так и вины. Однако всё же решил допросить его по этому поводу и выяснить причину. Понимал, что у Ковалёва в отношениях с законом какие-то нелады и для устранения влияния гладкой дороги к обвинительному заключению по делу продумывал план дальнейшего расследования. Догадывался он и о том, что возникшая ситуация не обошлась без серьёзного вмешательства генерал-майора полиции Ковалёва. Не только для противодействия, но и для добычи неоспоримых дополнительных доказательств вины всех соучастников, а для тех, кто уже был известен, но пока не разыскан, составил детальный широкомасштабный план действий, создав группу из числа следователей Следственного комитета города, не подчинённых ге-

нералу Ковалёву оперативных работников полиции, а также Федеральной Службы Безопасности. Каждый из них знал, чем ему заниматься, и своевременно докладывал Панфилову и с его ведома, если это требовалось, документировал. Работая по всем этим эпизодам объединённого уголовного дела, группа параллельно раскрыла огромное количество не раскрытых зарегистрированных и не зарегистрированных уголовных преступлений: разбойные нападения, грабёжи, квартирные кражи, угон автотранспорта, налёты на отделения банков, магазины, аптеки, изнасилования, причинение тяжких телесных повреждений и даже два убийства. Все эти совершённые преступления не были связаны с преступной группой Твердилова. Если заглянуть в корень зла, то можно увидеть, что руководил преступной группой ни столько Твердилов, сколько сначала майор милиции, а потом и генерал-майор полиции Ковалёв. Он через своего сына мотивировал, а может, и заставлял всю группу совершать умышленные убийства. До этой истины докопался и следователь Панфилов.

Прибыв в следственный изолятор, он вызвал на допрос Ковалю. Тот вошёл в комнату для допросов с опущенными глазами. Следователь сидел за столиком, накрепко прикреплённым к полу, и изучающе смотрел на вошедшего:

– Присаживайтесь, Остап Алексеевич.

Тот медленно и болезненно опустился на стул, так же прикреплённый к полу, как и стол.

– Ну, что скажете? – следователь ожидал от него немедленного признания, на стол демонстративно положил какую-то непонятную квадратную коробочку.

– Отвечу на всё, о чём спросите, – взор Остапа привлекла это коробочка.

– Хорошо... Начну с вашего письма об отказе от своих исключительно правдивых показаний... Какова причина ваших действий? Кто вас заставил это сделать? По делу успешно шло ваше сотрудничество со следователем, на что суд безоговорочно обратит внимание при вынесении приговора, а вы всё перечеркнули своим письмом. Так кто заставил? И как это понимать?

– Меня никто не заставлял. Я сам подумал, что вру вам... вот и решил исправить свою ошибку.

– Кто же вам поверит?.. Ни я, ни суд... будем считать основой ваших правдивых показаний... Вы с выездом на место совершения убийства семьи Кизелских показали квартиру, в которой проживала эта семья, рассказали, а после показали внутреннее расположение комнаты, обстановку... с расстановкой мебели... И всё это в присутствии понятых. Ваши показания подтвердил и Кизелский Максим Лазаревич, как хозяин квартиры. Кроме этого вы же повезли всю следственную группу с понятыми и специалистами в лес и рассказали там об убийстве, а после показали место захоронения трупов, где они и были обнаружены. Остап Алексеевич, вам не следует этого делать, потому как отказ от этих показаний против вас и пойдёт.

– То была моя выдумка... извините меня. В этом убийстве не участвовали ни я, ни Твердилов, ни Кузнецов, ни Павловский, ни Кузьма Ковалёв... Будучи на Украине... в их войсках и об этом мне рассказывал один украинский солдат... Петро Глуценко, который до 2013 года жив в Москве и Подмосковье. С ним жили ещё трое, фамилий и имён которых я не помню. Вот они это и совершили.

– А как же так получилось, что вы знали все подробности, показывали всё, как в квартире, так и в лесу?

– Он мне рассказывал и рисовал всё и вся.

– Давайте мы спрячем что-нибудь в лесу и нарисуем вам, а потом предложим повести нас и найти. Согласны?

– Нет. Никуда я больше не поеду.

– Очень странно. Вы показали места захоронения трупов двух семей... Кизелских и Сулова, даже места, где были спрятали пистолет и финский нож... Зачем вы сейчас говорите неправду? Поздно вам уходить с тропы, которую вы раньше избрали в ходе расследования уголовных дел. Вы позорите себя и сами же увеличиваете меру наказания, которая будет определена судом. Опомнитесь. Вы необдуманно превращаете свою, и так сумасбродную жизнь, в вакханалию, притом со скоро грозящей катастрофой.

Николай Васильевич обладал не только замечательным чутьём, но и тонкой наблюдательностью, скрытыми под внешним видом. Это ему позволило увидеть в лице Ковалья все его переживания под воздействием объективных, сказанных им слов, но какая-то неудержимая сила не позволяла открыть рот, переполненный истиной. К тому же Остап, прирождённый авантюрист, был сдержан на язык, в подобных ситуациях включал сдержанность и самовнушение.

– У меня разболелась голова... Позвольте вернуться в камеру, – вдруг заявил Коваль.

Поразмыслив, Панфилов подумал, что Коваль заинтересовался сказанным им и несомненно задумается над тем, как выйти из этого положения.

– Хорошо... но вы ответьте только на один мой вопрос... хотелось бы искренне. Вас кто-то силой заставил

изменить показания? Ответьте одним честным словом: «да» или «нет»... и пойдёте в камеру.

Он занервничал, размышляя, что же всё-таки ответить, а потом выпалил:

– Да! Но я вам ничего не говорил и подписывать ничего не буду!

Следователь нажал на кнопку вызова надзирателя, а потом нажал на диктофон. Коваль уловил это движение.

– Вы что... записывали наш разговор? – взволновался Коваль, глядя на коробочку-диктофон.

– Да, Остап Алексеевич! Если бы вы не сказали мне, что не будете ничего подписывать, я бы в вашем присутствии перенёс с диктофона все мои вопросы и ваши ответы в протокол допроса и предложил бы вам подписать. Теперь же всё это сделаю в своём кабинете... не топясь, – ответил следователь.

В это время вошёл надзиратель и увёл подследственного. А следователь ещё сидел и молча размышлял. «Слово «да!», сказанное Ковалем... хорошее слово, подтверждающее силовое давление на него с целью отказа от прежних показаний... И кто это мог быть? Несомненно Ковалёв... Не сам, конечно, а его представитель. Но кто он? Проверю и высчитаю. А переводили ли Ковалья в другую камеру? Ну-ка, ну-ка», – и он нажал на кнопку. В кабинет допросов вошёл надзиратель, но уже другой.

– Извините! Сейчас отсюда увели в камеру Ковалья. Верните его... на одну минут.

Спустя пять минут в кабинет вошёл удивлённый Коваль. Следователь попросил надзирателя задержаться и задал Остапу вопрос:

– Вас переводили в другую камеру?

– Да. Позавчера... И в этот же день вернули обратно, – ответил тот.

– Значит, там к вам была сила приложена?

Коваль не ответил, стоял молча с поникшей головой, и этим дал положительный ответ. Следователь продолжил:

– У меня нет больше вопросов, – и обращаясь к надзирателю, сказал: – Уводите.

Панфилов уехал к себе в Следственный Комитет, размышляя в пути над дополнением следственных мероприятий к общему плану работы по делу. Чем больше размышлял над эпизодами объединённого уголовного дела Ковалья и других его соучастников, тем чаще перед глазами вставал образ генерал-майора Ковалёва, который настойчиво и уверенно культивировал деятельность этой преступной группы, ставя перед ней цель только для своей пользы. Сын его, Кузьма, не чувствовал присутствия в своей жизни отца, порою даже недолюбливал его, по жизни шагал в одиночку к личным противозаконным поступкам, относился либерально, постоянно ощущая своё положение, а после и примкнул к преступной группе Твердилова, с которой макал руки в человеческую кровь. Зная про сына такое, отец реагировал по-своему, не стараясь пресечь, а наоборот, своими советами и намёками использовал, как его, так и соучастников в своих целях. Зная свои слабости и видя слабости этой бандитски-сформированной группы, он не старался их устранить, не обращал на них никакого внимания, а вдобавок потворствовал, добиваясь своей карьерной цели. Ещё будучи майором милиции, да и до этого периода, Ковалёв среди своих коллег и, вообще, коллектива, слыл простым, добродушным, о чём

он напрочь забыл, и теперешнее его поведение больше напоминало снобизм. Но перед своим руководством он всегда лебезил, замаскировывая свои чувства уважением, исполнительностью. В ходе расследования эпизодов всё это становилось понятным следователю Панфилову – человеку высокой способности и несравненного профессионализма. Его прозорливый взгляд позволял даже читать мысли собеседника. Анализируя события, мог распознать трагическую сторону повседневной жизни человека. Из только что проведённой беседы с Ковалем выяснил, что скрывал тот, поэтому, вернувшись в свой кабинет, сразу же занялся вопросом о его немедленном этапировании из этого следственного изолятора в изолятор «Матросская тишина». На интуитивном уровне был уверен в возврате Ковалья к прежним показаниям. Этапирование своего подследственного Николай Васильевич организовал так, чтобы ни один работник следственного изолятора и СИЗО не успел опомниться, пока Ковалья не доставят в другой изолятор.

Василий Исаев узнал об отсутствии Ковалья в СИЗО только спустя сутки и теперь не знал, как это преподнести Ковалёву.

В это время Максим Кизелский неустанно и повседневно работал над раскрытием очередного совершённого умышленного убийства. Но совершено оно было два года тому назад и находилось в числе «глухарей». Производство по делу было приостановлено следователем Следственного Комитета по их территориальности Шмаковым. Полтора года назад супруга убитого Боброва, Мария, по непонятным причинам выехала за пределы Москвы.

Изучив все материалы дела, а также черновые записи оперативных работников, Максиму показался выезд Марии из Москвы и продажа квартиры подозрительными. Кроме того, он установил, что она продала не только это, но и долю мужа в бизнесе Чучкова. Кропотливая работа по делу, а он занимался им только в свободное время, дала возможность установить место жительства Марии в городе Хабаровске, где проживала её сестра Лидия. С полными доказательствами, как версии в причастности к убийству Боброва его супруги Марии, Максим явился к своему начальнику полковнику полиции Кульнёву. Тот выслушал его доклад, поразмыслив, спросил:

– Так что ты предлагаешь, Максим?

– Надо ехать в Хабаровск, – ответил тот.

– А согласятся ли наши начальники? Думаю, что предложат направить туда отдельное поручение... И не более.

– Можно это сделать, если не хотеть раскрытия убийства. Ну вызовут её, допросят и протокол или объяснительную отправят нам. Вот и всё. А с ней надо плодотворно и усиленно поработать.

– Ты прав, Максим. У нас завтра будет совещание в ГУВД города... Постараюсь поговорить сначала с Ковалёвым, а потом подыщу момент – и с начальником ГУВД. Оставь мне свою справку... Я её размножу и со своим рапортом передам начальству. Далековато, дороговато... но судя по твоему докладу, отказать в поездке не смогут. А ты, на всякий случай, заручись отдельным поручением следователя Следственного Комитета... Если потребуется там, то ты свободно можешь выполнять ряд следственных действий.

– Я сегодня же посетю следователя.

После разговора с начальником Максим сразу же выехал и, встретившись со следователем, доложил ему свою работу по делу.

Тот обрадовался результату и тут же организовал составление отдельного поручения, а под конец с изумлением сказал:

– Максим Лазаревич, наверное, вам Бог помогает. Я тоже буду просить его, чтобы помог вам до конца.

– Спасибо вам, – ответил тот, добродушно улыбаясь.

На вторые сутки его вызвал начальник, встретил Максима в приподнятом настроении и сходу сказал:

– Ну, что, товарищ майор... Готовься к поездке.

– Капитан, товарищ полковник, – поправил он его.

– Я никогда зря слов на ветер не бросаю... майор, – заявил Кульнёв, достал из стола майорские погоны и с торжественным видом вручил Максиму. – Удачи тебе при поездке... Да-а... и вопрос о твоём переводе в Следственный Комитет уже находится на стадии решения. При твоём возвращении, думаю, ответ будет уже готов... или – или. Или ты останешься у нас, но уже на руководящей должности, или окажешься в коллективе товарища Бастрыкина. Вот тебе приказ о присвоении очередного звания, командировочное удостоверение и деньги, – выкладывая на стол, сказал Василий Григорьевич. – Когда собираешься вылететь?

– Сегодня куплю билет на завтра... если будет свободное место. Результат доложу, Василий Григорьевич.

– Хорошо бы ещё и положительный, сынок.

– Буду стараться... изо всех сил.

– Ну, всё... иди... готовься.

– А как этот... вершитель зла... сразу дал добро на мою поездку? – спросил перед уходом Максим, имея ввиду Ковалёва.

– Перед встречей с начальником ГУВД я ему сказал о твоей поездке, а он недовольно и разгневанно буркнул: «Ещё чего?! Пусть связывается с местными», – и ушёл от меня. А когда я уже все вопросы решил с начальником ГУВД, он как будто подждал меня, только я вышел из приёмной начальника, а он тут как тут и сразу же мне отрапортовал: «Ну как, мои слова помогли решить вопрос с поездкой Кизелского?» Хитрый он до невозможности.

Максим кивнул головой, соглашаясь со сказанным, и выехал в кассы аэрофлота. В пути его не покидала мысль о Ковалёве, мысленно задавал себе наболевшие вопросы: «Почему так враждебно он относится ко мне? Лезет из кожи, лишь бы насолить мне. Это я ему должен солить, а не он мне. Он много языком трепет и ещё больше действует... Но ничего... Не долго ему осталось носить генеральские погоны. Ох, как хочется, чтобы этот урод сел побыстрее за решётку».

Максим приехал к кассе, взял билет до Хабаровска с датой следующего дня и вернулся на своё рабочее место, к нему зашёл подполковник Гузиев.

– Что, готов к выезду? – спросил он.

– Готов, Николай Петрович. Авиабилет уже в кармане, – ответил Максим, кладя в свой портфель нужные следственные бланки.

– А ты уверен в благоприятном исходе своей поездки? Здесь-то всё проверил в отношении этой женщины?

– Марии? Похоже, что да.

– Ну, дай-то Бог... Удачи тебе, Максим.

– Спасибо.

Гузиев ушёл, а он, собрав свой рабочий портфель, уехал домой.

На следующее утро Юля проводила его в аэропорт, там немного пообщались до регистрации, и спустя час он улетел в Хабаровск. Там из аэропорта на такси приехал в гостиницу, поселился, но поскольку был вечер, прошёлся немного подышать воздухом и вернулся в номер хорошо отдохнуть.

Наутро Кизелский пришёл к прокурору города, представился. Тот, осмотрев документы, удостоверяющие его личность, послушал о цели приезда и вызвал следователя Константина Мухина.

– Вот, Костя, гость из нашей родной столицы... Максим Лазаревич Кизелский... Окажи ему всю необходимую помощь... Он тебе расскажет цель своего прибытия. Если будет нужен автотранспорт, скажешь... я решу этот вопрос.

– Есть! – ответил по-военному тот.

– Всё... Удачи вам.

Находясь в кабинете Мухина, Максим детально ознакомил его с целью своего приезда, и тот сразу же начал действовать. Через паспортный стол был установлен адрес проживания Лидии – сестры Марии Бобровой, и они сразу же выехали туда. Поднявшись на второй этаж, Максим нажал кнопку звона. За дверью – тишина. После четвёртого звонка послышались шаги, щёлкнул замок, дверь открылась. В проёме стояла кареглазая, круглолицая, разукрашенная женщина лет сорока, на голове которой был повязан белый платок, из-под которого выбивалась прядь русских волос.

– Вам кого? – спросила она, вопросительно глядя на обоих мужчин.

- Вы Лидия? – спросил Максим.
 - Нет, – ответила она.
 - А кто?
 - А вы-то кто будете?
 - Следователь Следственного Комитета прокуратуры России, – ответил Мухин и махнул перед её глазами служебным удостоверением. – Здесь Лида проживает? А вы кто? И где она? – специально задал такие вопросы, чтобы та подумала, что их интересует именно Лидия, а не она.
 - Я её сестра, а Лида на работе.
 - Как вас зовут? – спросил Максим.
 - Мария.
 - Боброва Мария?
 - Да, – ответила она и заволновалась.
 - Вот вы нам и нужны. Поговорим здесь? Или в кабинете прокуратуры?
 - Про-хо-ди-те, – протяжно и ещё сильнее волнуясь, ответила Мария.
- Войдя в квартиру, они пошли в комнату и сели по приглашению Марии за круглый стол посередине комнаты, накрытый разноцветной скатертью. Она изучающе смотрела на обоих мужчин.
- Мария, – обратился к ней Максим. – Я работник уголовного розыска Максим Кизелский, прибыл специально из Москвы...
 - А я-то какое отношение имею к Москве? Я в Москве никогда не была, – вскрикнула она и тут же ладонью закрыла рот. Глаза её забегали. – Ой... извините... это вам Мария нужна?!
 - Как? А вы кто? – удивился Максим.
 - Я Лида, мы с Марией близняшки... – глянув на часы, вскрикнула: – Так она через час вылетает во Вла-

- дивосток, а туда в Охотск... в аэропорту она сейчас. А вам она зачем? Ведь всё уже возмещено.
- Так вы же сказали, что вы Мария?
 - Я думала, что вы судоисполнители или те, кому она должна была. Я сейчас, – и она, схватив телефон, стала звонить: – Машенька, ты в аэропорту? Да вот из Москвы прибыли два работника и хотят видеть тебя... А они успеют? Вылет задерживается? Ага... Хорошо, я им скажу. Ты где будешь? Ладно... Не, я не смогу... Итак уже опаздываю к врачу, ты знаешь, зачем? Ну, всё... пока, – отключившись, она глянула на Максима и промолвила: – Быстрее езжайте. Она будет вас ожидать при входе в кассовый зал... Она как я. Ну вы поняли...
- Мухин вскочил, схватил Максима за плечо, заторопился:
- Поехали, поехали, Максим. Нам сорок минут на всю дорогу.
- Пулей они выскочили из квартиры и, выбежав на улицу, остановили такси. Уже сидя в машине, Максим прокручивал в голове весь разговор с Лидой, не давал покоя её ответ на самый первый вопрос: «Вы Лида?» – «Нет». Уж больно быстро она сориентировалась, кем ей представиться: собой или сестрой. Минут десять они мчались по городу, и тут вдруг Максим прозрел.
- Стойте! – крикнул водителю, и тот, приняв к тротуару, остановился.
 - Что случилось? – спросил Мухин, удивлённо глядя.
 - Разворачивайте. Едем обратно и прошу вас как можно быстрее... К тому месту, где вы нас взяли, – пояснил Максим водителю.
 - Ничего не понимаю! – произнёс Мухин. – Объясни.

– Мария была та, что с нами разговаривала. Я вспомнил родинку чуть выше правой брови, вот смотри, – и он показал её фото, привезённое с собой из Москвы. А Лида должна быть уже не в аэропорту, наверное, судя по тем словам, которые она ей говорила при нас по телефону, кинулась домой... на встречу с Марией, – ответил Максим и, уже обращаясь к водителю, попросил: – Побыстрее пожалуйста, это очень важно... хорошо бы кратчайшим путём... Мы из уголовного розыска и, если опоздаем, упустим убийцу.

Водитель вихрем понёсся по улицам, демонстрируя безупречное мастерство вождения. А непоколебимая уверенность Максима в своей правоте подгоняла ещё быстрее. И вот поворот к дому, в котором проживали Лида и Мария. Как только повернули к дому, то сразу же увидели Марию и Лиду, стоявших у проезжей части. Одна из них с небольшим чемоданом и сумкой жестикулировала руками, что-то доказывая другой и одновременно «голосовала», чтобы остановить машину.

– А я что говорил! – сказал возбуждённо Максим. – Возле этих девушек и остановите, – обратился он к водителю.

Та, что с чемоданом и сумкой, увидев такси, радостно и нетерпеливо замахала руками. Но когда оно остановилось, и из него вышли Максим и Мухин, она вскрикнула и в страхе опустила на свой чемодан.

Максим, взяв её сумку и заглянув в неё, увидел среди женской мелочи паспорт Бобровой Марии.

– Садитесь обе в такси. Едем в прокуратуру, там разберёмся: кто есть кто, – строго произнёс Максим.

По прибытию в отдел следственного комитета Максим принялся допрашивать Боброву, а Мухин – Лиду.

– Как вы думаете, Мария, я столь далёкий путь преодолел для разговора и задержания вас... зря? – первый вопрос Максима сразу ошарашил женщину.

Она заплакала, то и дело вытирая слёзы платочком и размазывая тушь по щекам.

– Это будет ваш первый протокол допроса, ваши показания будут мною зафиксированы. Суд, рассматривая ваше уголовное дело, за основу будет брать именно этот протокол, решая вопрос о наказании, – продолжал он. – Так что советую вам сотрудничать со следствием.

Из этих слов Мария, заплаканная, сделала вывод, что следователь, сидящий перед ней, хоть и был только опером, располагает неопровержимыми доказательствами её вины. «Зря он бы не приехал из Москвы в Хабаровск», – пронеслось в её голове.

Практически Максим располагал всего лишь предположениями, которые превратились в подозрение.

– Что меня ожидает? – сквозь слёзы спросила она.

– Всё зависит от ваших показаний, думаю, понимаю, что они должны быть правдивыми.

– Хорошо... Я всё скажу. Только вы можете оформить мне явку с повинной?

– Она будет не в вашу пользу. Если бы всё это происходило в Москве, то можно было бы и подумать, а я ведь приехал в Хабаровск за вами. Если же ваши показания будут носить характер искренности и раскаяния, то это будет намного лучше, чем явка с повинной, которая вызовет только сомнения. Я искренне разьясню ваше положение. Решать вам.

– Тогда пишите.

– Секундочку... а давайте сделаем так... Я задам вам вопрос: «Причастны ли вы к убийству вашего мужа Бо-

брова?» Так вот... ответ вы напишите собственноручно, и это будет выглядеть как явка с повинной. После ваших собственноручных показаний буду задавать вам вопросы... по деталям, а вы на них будете отвечать. Согласны? – предложил он.

– Согласна.

Максим повернул к ней протокол допроса со своим вопросом, положил перед ней авторучку и спокойно произнёс:

– Пишите, Мария.

Жестокость и грубость некоторых своих коллег, проявляемая в отношении допрашиваемых или собеседников, он справедливо презирал и всегда с необыкновенной энергией включался в беседу или допрос, живо заинтересовывался личностью собеседника или допрашиваемого и их качествами, положительным участием в событиях, не обходя отрицательные, «развязывая» этим языки, склоняя к откровенности. Такое его поведение неудержимо притягивало его к ним, а их к нему, к его словам и предложениям, а не отталкивало. В действиях своих коллег он видел отвратительные пороки, их язвительный, вызывающий и раздражительный тон при допросах, а рукоприкладство вызывало раздражение, не оставляя это без замечаний и упрёков, что некоторым крайне не нравилось. Нетерпимость ко всему, что не соответствовало закону и достоинству человека, возбуждало в нём принципиальность, упрямство, неуёмную силу духа и нетерпимость. Всё это и другое положительное Максим впитал и бережно сохранил в себе, от начальника полиции Василия Григорьевича Кульнёва, начальника уголовного розыска Николая Петровича Гузиева, следователей Следственного Комитета

прокуратуры Эдуарда Семёновича Макарова, Николая Васильевича Панфилова, Павла Ивановича Кирилина, Михаила Петровича Машетова, Валерия Ивановича Волкова и других, с которыми очень часто общался, трудился и видел их ювелирную работу при расследовании дел и непревзойдённость мастеров слова, вызывающего у допрашиваемых объективность и искренность при ответах на умело поставленные вопросы.

Это позволило склонить к искренности и Марию Боброву. Она подробно изложила в протоколе допроса все свои действия, подкуп исполнителя убийства, все его контакты и адреса. Оказалось, что о совершённом она рассказала и своей сестре Лиде, а также матери, проживающей в этом же городе, но по другому адресу. Максиму пришлось допросить мать, а потом дополнительно и сестру Лиду, выясняя и фиксируя подробности. После завершения он доложил своему руководству и следователю Следственного Комитета Шмакову. Кроме этого с местным руководством он решил проблему доставки задержанной Бобровой в Москву не этапированием через тюрьму, а самолётом. Вылет был определён на четверг, а свободен был Максим от всех дел уже к концу вторника. Боброва была официально задержана и содержалась в камере предварительного заключения одного из РОВД города.

– Какой же ты молодец, Максим, – похвалил его Мухин. – У вас в Москве, наверно, все такие. Как ты почувствовал, что Мария собралась бежать? Ещё чуть-чуть, и они бы на попутке куда-то умчалась.

– Размышление помогло... и внутреннее чутьё... В оперативной работе, дознании и следствии везде работают в основном неплохие работники... не только в Москве.

– Наша с тобой работа по московскому делу завершена? Всё мы сделали?

– Всё, Костя. Тебе и твоему начальству низкий поклон и преогромное спасибо.

– Тогда у меня есть предложение... Давай сегодня вечером посидим в ресторанчике... Я знаю тут один из лучших. Уж очень вкусно готовят. Обмоем наш, а точнее, твой успех.

– Костя... я спиртное не употребляю, но бокал пива могу...

– Так и я тоже, – перебил его тот. – Всё, в шесть вечера идём... Ты можешь погулять по городу пока, а потом заходи за мной сюда в прокуратуру и вместе пойдём... Я угощаю.

– Нет, я.

– Я первый сказал... Тем более ты мой дорогой гость. Понравилось мне, Максим, как ты работаешь. Мне кажется ты не опер, а следователь. Тебе бы в наш Следственный Комитет... Не пробовал перейти?

– Не пробовал, но предлагают и по возвращению, думаю, этот вопрос решится. На эту тему со мной уже беседовали... даже Бастрыкин...

– О-о! Это великий генерал... строгий, одновременно добрый, справедливый и принципиальный.

– Ты, Костя, правильно сказал. Я такую оценку от многих слышал... Даже не только от работников прокуратуры, но и от работников полиции и военных. Ну, я тогда ухожу, а в названное время буду.

– В шесть... не... давай в полшестого.

– Хорошо.

Максим пошёл прогуливаться по городу-красавцу. Всё кругом было замечательно... Он смотрел на удивительные

по архитектуре дома, расположенные на улице Муровьёва-Амурского, побывал возле его же памятника, изображенного на банкноте номиналом 5000 рублей, посетил Военно-исторический музей Восточного (Дальневосточного) округа, Успенский собор на Комсомольской площади и Спасо-Преображенский собор, прогулялся по набережной реки Амур, парку имени Ю.А. Гагарина и площади В.И. Ленина, ознакомился с историей города.

Ранее это был не город, а посёлок Хабаровка, основанный в 1858 году, а после, в 1893 году, переименованный в город Хабаровск в честь русского землепроходца XVII века Ерофея Хабарова. Первостроителем является командир 13-го Сибирского линейного батальона капитан Яков Дьяченко. Город Максиму очень понравился, и не заметил, как пролетело время, глянув на часы, понял, что уже опаздывает на встречу с Костей, почти бегом побежал.

– О-о! Молодец! – воскликнул Костя, увидев его, запыхавшегося.

– Извини, опоздал на десять минут! – переведя дыхание, ответил Максим.

Они быстро собрались и пошли в ресторан. Там было многолюдно, но столик на двоих Костя заказал заранее, и они уселись за него возле окошка. Максим, глянув через стекло на улицу, сказал:

– Город изумительно красивый.

– Понравился? – спросил Мухин.

– Очень... Богат культурой и историей, а также своей красотой. Я бы частенько сюда приезжал, но далековато... самолётом около 6100 километров, а по железной дороге – 8533 километра.

– Ну, примерно пять часов лёту. Разве это далеко? Прочитал газету и на месте.

Пили они чешское пиво «Козел» тёмного цвета. По- нравилось обоим. Разговор между ними был на разные темы. Максима интересовало всё, что связано с Хабаровском, а Мухина – с Москвой.

Город Хабаровск

За соседним столиком сидели четверо мужчин, громко разговаривая. У мужчины, сидевшего ближе к Максиму, на уголке спинки стула висела синяя бейсболка, а на сиденье за его спиной лежала сложенная газета, которая из-за того, что он систематически поворачивался, продвигалась и должна была вот-вот упасть. Вскоре это и случилось. Она упала на пол и раскрылась, Максим машинально глянул и прочитал название газеты: «Магаданская правда». Чуть ближе к середине полосы виднелась статья с большим фото, на котором была изображена группа мужчин. Максим присмотрелся к лицам, и сердце его бешено забилось. Он нагнулся, под-

нял газету и опешил. Среди заснятых рыбаков увидел Твердилова, Кузнецова и Павловского. У Павловского была чуть опущена голова, и рука приподнята к лицу. Подняв глаза на Мухина, Максим с полминуты смотрел на него, а потом произнёс:

– Мне надо лететь в Магадан.

– Зачем? – удивлённо спросил тот, бросая взгляд то на Максима, то на газету.

– Сейчас, Костик... – и Максим, поднявшись, подошёл к владельцу газеты: – Ради Бога простите меня... Это ваша газета?

Тот недоуменно глянул:

– Ну моя. А что?

– Она упала на пол... Я поднял и увидел на первой полосе фото, а на нём трое моих знакомых. Продайте мне её... убедительно прошу вас!

– Да вы чё? Берите так. Я её уже прочитал, – ответил мужчина, улыбаясь.

Максим сердечно поблагодарил его и вернулся на своё место, снова уткнулся в это фото.

Мухин испытывающе смотрел на него, а потом спросил:

– Максим, можешь мне пояснить, кем ты там заинтересовался?

Тот, весь напряжённый и озадаченный, посидел так с минуту и рассказал ему об убийстве всей семьи и аресте Ковалёва, а также об объявленном розыске этих троих. От рассказа расстроился и Мухин, предложил помочь, чем сможет. И Максим попросил:

– Костя, помоги мне Марию Боброву самолётом отправить в Москву... Я позвоню туда, и её встретят прямо в самолёте. А я улечу в Магадан.

– Так... билет на неё уже есть... твой сдадим... Под конвоем её доставим в самолёт... Это же завтра? Ты ещё здесь будешь... Тогда ты позвони своим, пусть её встречают. Что ещё? – Мухин хотел быть ещё чем-то полезным.

– Билет надо приобрести до Магадана.

– Это не проблема... Сегодня её и решим. Может, и мне с тобой?.. Только, боюсь, начальство не разрешит. Звонить-то своим когда будешь?

– А прямо сейчас, – сказал Максим и набрал номер телефона Кульнёва.

Тот поднял трубку и хриплым, простуженным голосом ответил:

– Попозже нельзя перезвонить? У нас совещание. Кто у телефона?

– Товарищ полковник, извините... Это Кизелский. Отложить нельзя. Это срочно.

– О-о! Максим! Слушаю. Давай, сынок, говори!

Тот объяснил сложившуюся ситуацию, о задержании и отправке в Москву Бобровой, о том, что она созналась, собственноручно написав свои показания и назвав исполнителя, а также о необходимости вылета в Магадан для задержания Твердиловской преступной группы.

Начальник полиции так обрадовался, что на глаза навернулись слёзы.

Максим закончил просьбой:

– Разрешите, товарищ полковник, мне вылететь в Магадан?

– Разрешаю. Максимушка, дорогой, сейчас же доложу начальнику ГУВД Москвы... Кроме знаешь кого. Он согласится тоже. Позвонишь из Магадана. А эту даму мы встретим с конвойными почестями. Спасибо тебе, сынок.

Разговор закончился.

Максим и Мухин быстро вышли из ресторана, сразу же бросились в аэрокассу и приобрели билет до Магадана на послезавтра.

На следующий день Максим участвовал в посадке Бобровой в самолёт, инструктируя командира самолёта и старшего бортпроводника, а когда самолёт взлетел, он ещё раз позвонил Кульнёву и доложил о времени вылета, номере рейса, расположении места сиденья Бобровой, а также времени прибытия в аэропорт «Шереметьево».

Туча над головами Ковалёвых

После того, как в Следственном изоляторе Москвы появился соучастник Кузьмы Ковалёва, Остап Коваль, генерал-майор полиции Ю.К. Ковалёв жил как в аду. Почти каждую ночь просыпался в третьем часу ночи и больше уснуть не мог. Ходил по комнате, сидел на лоджии, курил сигареты одна за другой... от всех этих событий пропал аппетит, на работе вздрагивал от каждого звонка, от посещения его кабинета неизвестным ему человеком. Изредка в своём коротком сне стал видеть себя в камере следственного изолятора, от чего в поту просыпался.

Его супруга, Нина Андреевна, давно заметила резкое изменение в поведении мужа, пыталась выяснить у него причины, но он замкнулся в себе, чем насторожил её. Заметила она и изменение в поведении сына, но, как ей показалось, эти изменения были не так значительны, как у мужа. Здесь, конечно, она ошибалась. Кузьма места себе не находил. Дошло до того, что он уже стал

размышлять над тем, чтобы бросить работу в полиции и скрыться за рубежом, даже несколько раз подумывал бежать через Турцию в войска Исламского Государства, не признанного мировым сообществом, но безжалостно и активно действующего. Однако этот вариант спасения от ареста он оставил на потом, как самый дежурный и последний.

Узнав, что Коваль Остап отказался от своих показаний и теперь содержится в другом следственном изоляторе, в «Матросской тишине», Ковалёв-младший сначала радовался этому, но рассудив, пришёл к выводу, что с таким же успехом тот может вернуться к прежним. Поэтому начал усердно искать возможность полной ликвидации Остапа. С этим вопросом он обращался уже к двум вора в законе, которые категорически отказались и от его предлагаемых денег и от исполнения, заявив, что с 2006 года они перестали конфликтовать с законом и стали жить в условиях честного бизнеса. Узнав, что у одного из бывших воров не всё ладно с бизнесом, к тому же его люди содержатся в следственном изоляторе за совершение тяжкого преступления, он обратился к нему с той же просьбой. Тот подумал и ответил:

– Попытаюсь через свою братву. Но бабла придётся дать немало... не только исполнителям, но там... кое-кому в СИЗО... вертухаю и прочим... ну и мне, конечно... три «лимона»... Согласен?

Кузьма подумал и, вспомнив, что тем двоим он предлагал пять, а этот просит три, сразу же ответил:

– Фадей! Если твои люди сделают всё на отлично, да так, чтобы и сами остались не замеченными, даю четыре.

– Я тебя за язык не тянул. Пусть будет так, как ты сказал, но половину сейчас, а остальные по окончании дела. Согласен?

– Завтра в это же время привезу.

– Хорошо. Но у меня ещё одно условие.

– Выполню любое... Если это в моих силах.

– Свой ментовский язык после всего держать за зубами в силе? Или можешь с кем-либо и поделиться?

– Ни в коем случае... Фадей, я тебе признаюсь... Мы грохнули ментовского полковника и всю его семью. Поэтому... сам понимаешь...

– А-а! Вот как? Тебе орден наш положен, – перебил его тот и добавил: – Слишком серьёзно. Придётся тебе добавить ещё один «лимон»... к тем четырём.

Кузьма согласился, а Фадей потребовал принести на следующий же день половину всей суммы.

Выйдя от него, Кузьма на радостях не шёл, а летел к отцу, который должен был не только выслушать его, но и профинансировать. В кабинете он застал отца не одного, но тот, увидев сына в приподнятом настроении, быстро закончил беседу и отпустил человека.

– Вижу по тебе, хорошую новость принёс?! Ну-у! Слушаю.

– Нашёл я того, который займётся нашими проблемами, – довольный вид Кузьмы говорил сам за себя.

– Так... И кто он? – спросил отец и приложил палец к губам.

Кузьма взял листок бумаги и написал: «Авторитет Фадей, просит за работу пять млн», а вслух сказал:

– Строитель. Штукатурка, покраска и прочее будет стоить миллионы. Дороговато, но обещает со своей бригадой всё сделать на высшем уровне.

– Да-а... Это очень дорого, попытайся найти подешевле. Думаю, сделает не хуже, чем эти.

– Не получится. Я уже договорился. Завтра должен принести половину, а остальную часть по завершению. Бригадир ведь уже всё знает...

Ковалёв-старший резко вскинул на него глаза, приложил палец к своим губам и погрозил кулаком.

Кузьма продолжил:

– Знает, что делать... с чего начать и чем закончить.

– Ну, понятно. И когда они приступят к работе? Это же надо срочно.

– Завтра принесу, завтра и приступят. Ну, а ты, пап, сможешь в финансовом вопросе?

– Немного помогу, а остальное сам добавишь, – сказал он и, взяв тот же лист бумаги, написал: «Дам всю сумму, но при даче второй половины мы его возьмём. Я всё устрою, как надо... И сопротивление, и последствия, и возврат денег».

– Спасибо тебе.

Беседуя таким замысловатым образом с сыном, Ковалёв-старший одновременно мысленно планировал ликвидацию авторитета Фадея после смерти Ковалёва, создав такую ситуацию, что якобы Фадей оказал вооружённое сопротивление. Для этого продумал группу работников полиции из трёх человек, которым верил, поддерживал и даже всячески поощрял, особенно на праздники, просто за то, что они у него есть. Самого же давно, особенно сейчас одолевал страх и сомнения, но сына старался убедить в том, что всё пройдёт, как задумали. Но всё равно в его словах Кузьма чувствовал какую-то нерешительность и сомнения в том, что Остапа надо убрать. Поэтому при высказанных отцом

планах Кузьма держался отчужденно и безразлично. «Отнесу Фадею два с половиной «лимона», и пусть всё решается само. Я же больше никуда встречать не буду. Ишь, отец уже делает завуалированный намёк, чтобы и я участвовал в ликвидации Фадея. Не... не пойдёт. Но интересно, что он ещё преподнесёт мне, чтобы склонить меня к этому? Уж больно хитрое у него выражение лица, что-то скрывает от меня», – размышлял Кузьма. Родившийся в нём скептицизм возрастал с каждой минутой.

Наступил новый день, и каждый человек ожидал реализовать намеченные на этот день планы.

Кузьма, переночевав в квартире родителей, утром принял от отца, втайне от матери, договорённую с Фадеем сумму и повёз тому. При входе в здание проход ему преградил дюжий мужчина лет тридцати пяти с уже облысевшим черепом, выпуклыми глазами, мясистым носом, узкими губами и смешно оттопыренными ушами.

– К кому? – коротко, но резко спросил он.

– К Фадею, – ответил Кузьма.

– По какому вопросу?

– Это тебя не касается. У нас с ним своя договорённость.

Тот стал его обыскивать. Нашупав под левой рукой пистолет, лысый сразу же потребовал выложить его. Кузьма был весьма недоволен этим, но подчинился. Тот забрал пистолет и, окинув испытывающим взглядом, спросил:

– Как доложить Фадею? Ты кто?

– Кузьма... Он знает.

Лысый приоткрыл дверь и юркнул в помещение, спустя минуту возвратился и кивнул Кузьме головой по направлению к двери. Тот вошёл.

Фадей сидел за столом, на котором стояли еда и выпивка. В двух метрах от него стоял крупного телосложения молодой парень с широко расставленными ногами, руки заложены за спину. Повернув голову к вошедшему, он упёрся в него глазами. Фадей оторвал глаза от еды и, не приглашая разделить трапезу, прожёвывая пищу, спросил:

– Принёс?

– Как договаривались, – и Кузьма положил свёрток на край стола.

Фадей кивнул парню, тот сразу же развернул свёрток и стал считать деньги.

Увидев развёрнутые деньги, Фадей воскликнул:

– Как?! Ты бабло российское привёз? Речь шла о баксах!

– О каких баксах? Ты чего, Фадей?! Не хочешь, так и скажи, есть другой, кто возьмётся...

– Ты чего, глухой что ли... или притворяешься?

– Да ты что, пять миллионов долларов за этого урода?

– Нет... за тебя, Кузьма... и за твоего батю. Я уже всё простучал и узнал.

Кузьма оттолкнул парня, который пересчитывал банкноты, завернул их в тот же свёрток и забрал. Фадей положил вилку, поднялся и, свирепо глядя на Кузьму, стиснул зубы, шевеля только губами, процедил:

– Думаешь, так и уйдёшь?

– А ты думаешь, что сможешь задержать меня? Давай попробуй, и вмиг почувствуешь...

Фадей с минуту смотрел на него, размышляя, а потом громко рассмеялся:

– Пошутил я, Кузьма... не баксы, а деревянные... А я вот тебя испытывал... Ты здесь не один?

– Ты ведь тоже не один. Фадей, давай не крути... Да или нет?

– Дорогой, Кузьма. Мои люди уже работают. Сегодня или завтра ты уже обо всём услышишь. Давай бабло.

– Хорошо. Но у меня тоже есть условие.

– И какое же?

– Я сейчас даю тебе половину, – он положил на стол пачку денег. – При отличном завершении принесу вторую. Но если у твоих людей что-то не получится, то ты возвращаешь эту половину. Устраивает?

– У меня всегда получается... Согласен.

Кузьма почувствовал, что его превосходство утвердилось над надменным авторитетом Фадеем. Теперь он видел себя мудрым, а Фадея только мудрствующим, и от этого поднялось настроение.

Совершенно другое происходило в душе Фадея. От его слов почувствовал в себе робкую неуверенность. Сам Фадей происходил из крестьянской семьи и из своей белорусской деревни ушёл в город в пятнадцать лет. Рос посредственным и закрытым, не любил трудиться, не соблюдал законы, что и привело его четырежды побывать в местах не столь отдалённых. И сейчас, глядя на миллионную кучу денег, в нём загорелась алчность, мысли были заняты только тем, что он ещё получит столько же после выполнения работы его людьми. Он сам себя успокаивал, надеясь на благополучный и желаемый исход дела.

Пересчитав деньги, парень доложил Фадею о том, что сумма соответствует договорённости, и тот, кивнув, велел парню уйти. После чего парень с деньгами ушёл.

– Куда тебе позвонить, Кузьма? – спросил Фадей.

Тот достал заранее приготовленную записку с номером телефона и отдал ему.

– Примерно когда от тебя ожидать звонка?

– Думаю, до послезавтра, если ничто не помешает.

– Хорошо. Удачи вам всем. Я пошёл.

Фадей молча кивнул, а Кузьма вышел и, забрав свой пистолет у дюжего мужика при входе, сел в свою машину и уехал.

В комнате наступила тишина. Фадей несколько минут сидел молча весь в раздумьях, потом достал из-под подушки дивана стеклянный пузырь со светлой жидкостью и позвал к себе личного охранника Егора. Когда тот вошёл, Фадей уже заканчивал разговаривать по телефону.

–...Не-не, этот аппарат начинает действовать спустя час после его приёма... а вот после этого... самое большое через полчаса... наступает конец. Егор тебе привезёт то, о чём я говорил... Ты один будешь? Да. Ну, хорошо... для двоих сто кусков. Мало? Ну, тогда по сто... Он прямо сейчас едет к тебе. Минут через тридцать выходи. Здрассте! Никита, ты же его видел, и он тебя... Ну, конечно. Позвонишь по итогу! – и отключил связь.

Глянув на Егора, он сказал:

– Вот записка, а это лекарство... и вот бабло... двести кусков. Всё это отвези Никите. Он будет ожидать тебя, где ты ранее с ним толковал. На словах скажи, что это надо передать Смуглому. Никита его уже знает. Всё... давай по шустрому.

Егор взял всё, что дал Фадей, и быстро уехал.

Встретились они недалеко от следственного изолятора. Получив всё, что привёз Егор, выслушав инструк-

ции, Никита ушёл в СИЗО. Ему было интересно, что написано в записке, и он тут же прочитал, после чего неудержимо захотелось самому всё сделать и получить от Фадея ещё столько же. Мысленно он разработал целый план действий. Приступив к службе, Никита зорко следил за камерой, в которой содержался Смуглов (по кличке Смуглый), с нетерпением ожидая, когда вызовут того по какой-нибудь причине из камеры. Время шло, но не в пользу Никиты. Тогда он решил действовать самостоятельно по своему плану. Возле двери камеры он пролил воду, после чего открыл камеру и, глядя на Смуглова, сказал:

- Вот ты... возьми тряпку и выходи.
- Зачем? – удивился тот.
- Выходи, я сказал!

Тот взял грязное полотенце и вышел. Дверь захлопнулась, как только прозвучала команда: «Лицом к стене!» И Никита произнёс требовательно:

- Вот эту водичку вытри... и я скажу тебе спасибо.

Смуглов нагнулся, Никита тоже нагнулся над ним. Смуглов резко выпрямился и затылком ударил надзирателя, не видя его, и тот умышленно упал на пол.

– Ой... извините, начальник, я ведь не хотел, – произнёс, виновато глядя на него, Смуглов.

- Ты что?! Ну-ка вперёд! Иди, сказал!

И он привёл его к заместителю начальника, доложил ему, сморщив лицо и держась за голову, инсценируя боль. А Смуглов несколько раз пытался оправдаться. Но ничего не получилось, и его посадили в карцер. Возвратившись на своё место, Никита сразу же позвонил Фадею и объяснил сложившуюся ситуацию. Тот занервничал.

– Если ты согласишься ещё на столько же, – сказал ему Никита, – то я найду замену и решим сегодня же... без проволочек.

Тот подумал и согласился. Обрадованный Никита теперь зорко стал следить за камерой, в которой содержался Остап Коваль. Обстановка была та же, что и раньше. День катился к концу. Никита снова занервничал. «А что если сделаю тоже самое?» – подумал он и, подойдя к камере, пролил немного воды. Открыв камеру, глаза его сразу же встретились с глазами Ковалья.

- Вот ты... бери полотенце и выходи!

– А зачем...

– Выходи, я сказал! – повысив голос, потребовал надзиратель.

Тот вышел из камеры.

– Лицом к стене!

Тот встал и тут же загремели запоры. Надзиратель указал пальцем на пол и любезно попросил:

– Вытри, пожалуйста. Буду тебе очень благодарен. Может быть, и я тебе когда-нибудь пригожусь.

– Да, нет проблем, – ответил Остап и, нагнувшись, стал вытирать.

Никита хорошо знал, что коридоры убирают только те, которые уже отбывают меру наказания и находятся в числе обслуживающих, но начальству докладывал, что воду пролил именно Смуглов, и в этом случае готов был повторить. Видя, что Коваль уже заканчивает свою работу, он нагнулся над ним и успел только произнести:

– И вон там...

Как вдруг тот резко выпрямился и затылком ударил в лицо надзирателя, который также умышленно упал. Вскочив, начал наносить удары Ковалю в живот, тот

упал. Никита достал из кармана маленькую бутылку воды и, открывая её, разлил на пол.

– Простите, начальник, я же неумышленно. Так получилось.

Тот выпил половину и, глянув на Ковалю, уже спокойно спросил:

– Ты правду сказал?

– Честное слово я этого не хотел.

– Ладно... Вытри и здесь. На этом закончим.

Остап стал вытирать, а Никита, воспользовавшись этим, вытащил пузырёк из кармана, вскрыл его и влил в бутылку с остатками воды его содержимое.

Закончив вытирать, Остап поднялся и виновато смотрел на надзирателя.

– Тебя как зовут?

– Остап... Остап Коваль.

– На, выпей водички, – и он протянул ему бутылочку.

– Не... спасибо...

– Бери! Мировую пьём, – настаивал Никита и засмеялся.

Тот взял и выпил всю жидкость, которая была в ней. Надзиратель забрал пустую бутылку, а Остапа возвратил в камеру. Выбросив бутылку в мусорную корзину, Никита позвонил Фадею.

– Разрешите доложить, господин начальник, – с возбуждением и с шуткой начал он, – всё, что вы дали, теперь у другого. Понятно я изъясняюсь?

– Похмелился?

– Так точно! Жду гостинец.

– По итогам, дорогой... по итогам.

Вскоре Ковалю стало плохо. Резкие боли в области живота, пена шла изо рта, начались головные боли.

– Это от воды, которую заставил меня выпить вертухай, – еле произнёс Остап.

Сокамерники стали стучать в дверь, но Никита умышленно не подходил. Тогда они начали давать ему много воды и принудительно вызывать рвоту. И так повторяли много раз. А другие с огромным грохотом всё били и били в дверь. Этот усиленный шум донёсся до соседнего надзирателя, и тот вызвал начальство. Спустя несколько минут возле камеры уже стоял майор, старший лейтенант и Никита, который умышленно медленно открывал камеру.

Увидев полуживого Ковалю, майор сразу же вызвал врача. Только начавшийся осмотр больного сразу показал о немедленной госпитализации. Перед его отправкой майор спросил:

– Что с вами случилось? Вы что-то съели? Или кто-то помог этому?

– До приёма пищи... было... ещё далеко, – еле произнёс Коваль. – Меня из камеры... вывел надзиратель... и заст...тавил выпить его... воду.

Майор бросил вопросительный взгляд на Никиту, от которого веяло холодным безразличием. Но ничего не сказал, а обратился к старшему лейтенанту:

– Срочно отправляйте Ковалю в больницу... с охраной.

У Остапа, лежавшего на койке и поднявшего голову, пытаясь что-то ещё сказать, голова в полном изнеможении упала на подушку, рука медленно поднялась к животу, после чего послышался сильный стон. Его стремительно схватили два коридорных работника и быстро понесли на улицу, где уже ожидал спецавтомобиль и охрана.

Майор, глянув на Никиту, сурово сказал:

– Следуйте за мной!

Войдя в свой кабинет, не успев сесть за свой рабочий стол, как Никита произнёс:

– Товарищ майор, и вы этому жлобу поверили? Это подстава. Врёт он всё.

Тот, не обращая на его слова внимания, вызвал охрану, и когда два охранника вошли, он, подняв на Никиту глаза, скомандовал:

– Всё из карманов – на стол!

На столе появились из его карманов: носовой платок, пачка сигарет, зажигалка, кошелёк с деньгами и телефон «Самсунг».

– Это всё? – спросил майор.

– Как видите, – ответил Никита, демонстративно хлопнув себя ладонями по карманам.

– Обыщите его, – приказал майор одному из охранников.

А второго охранника послал осмотреть все доступные задержанному надзирателю места, куда он мог выбросить то, что могло считаться уликой.

При обыске из кармана брюк Никиты была извлечена крышка от неизвестного пузырька. Лицо обыскиваемого сразу же побледнело. Майор задокументировал изъятие. В это время вернулся второй охранник и положил на стол аккуратно взятые и вложенные в газету – пустую маленькую бутылочку из-под воды и небольшого размера, как гильза винтовочного патрона, стеклянный пузырёк без крышки. Охранник тут же доложил:

– При обнаружении, изъятии и доставке вам, товарищ майор, я пальцами ни к чему не прикасался.

– Молодец. Теперь то, что ты мне сказал, изложи в рапорте.

– Есть! – по-военному ответил тот и кинулся исполнять.

Надзиратель, то краснея, то бледнея, с беспомощным видом стоял и смотрел на всё происходящее.

Майор взял крышку, обнаруженную в кармане Никиты и бутылку из-под воды, принесённую охранником, при помощи листов бумаги стал рассматривать их, взял его телефон, посмотрел последние звонки и обратил внимание на номер телефона, повторяющегося несколько раз. Он же был и последним.

– Кому вы звонили последний раз?

Никита опустил голову, как бы стыдясь ответить, а потом тихо произнёс:

– Одной замужней женщине.

Это был телефон Фадея, а ответил он так майору, надеясь, что, если тот наберёт этот номер, то ему ответит Фадей, и это может быть похоже на правду.

Майор не ответил ему и даже не намекнул, что он поверил ему, а обратился к охранникам:

– Пока я побеседую с сокамерниками Ковалёва, дактилоскопируйте его, – и он кивнул в сторону надзирателя, – а я сейчас вызову следователя...

– Ой! Не надо! Прошу вас... не вызывайте. Товарищ майор, я умоляю вас. Простите меня! – перебил тот.

– Да-а... оказавшись совершенно безоружным против воздействия справедливости, теперь не знаете, что делать, и как вам быть. А я вам подскажу. Надо чистосердечно сказать, почему вы вдруг захотели таким образом убить арестованного Ковалёва? И кто сумел извратить, к тому же и опошлить ваше сознание?

– А если я вам всё скажу, вы пожалеете меня?

– Вы что... мне ультиматум ставите? Если я откажусь выполнить вашу просьбу, то и не скажете? Так вот, запомните... наступит время, когда вы сами будете просить, чтобы честно признаться во всех грехах, но вас уже никто слушать не захочет, так как следствием будет всё уже доказано. И ещё... Вы прекрасно знаете, что у нас в следственном изоляторе существует определённый порядок... с телефоном на службу не ходить, а вы недобросовестно отнеслись к этому и, злоупотребляя своим положением, пронесли его, даже использовали... наверное, последним звонком успели доложить инициатору покушения на убийство. На эти вопросы ответите следователю.

– Помогите, товарищ майор... Ну, пожалуйста, пожалейте меня, семью мою... детей...

– Такой, как вы, не заслуживает иметь семью, а тем более семья вас. Вы убийца. Ну не будем об этом. Наше дело сделать то, что мы уже сделали, а дальше следователь будет разбираться.

– Товарищ майор, я действительно болван и оступ... мерзкий и дрянной человек... С холодной рассудительностью и детской наивностью, почувствовав привкус денег, клюнул на обогащение, а когда совершил это зло, то пытался замаскировать свои следы. Я во всём признаюсь, ничего не скрывая, расскажу. Это Фадей мне поручил... заплатил половину, а вторую обещал отдать после смерти Ковалёва. Виноват я... Очень виноват и теперь буду просить Бога, чтобы тот выжил.

– Да-а... убить человеческую душу за бумажное вознаграждение – это отвратительно. Убить можно, если

он враг и нападает на нашу Родину, или даже не враг, но пытается убить невинного человека. В этих случаях даже закон даёт своё согласие. А кто вам дал средство для убийства? – спросил майор, складывая документы об изъятии улики.

Дверь открылась, и в кабинет майора вошли – следователь по особо важным делам Следственного Комитета Николай Васильевич Панфилов и следователь П.И. Кирилин, которые слышали последние фразы, сказанные майором.

Никита увидел их, задрожал всем телом, в горле от тревоги и волнения пересохло, в воображении он уже представил камеру, в которой будет содержаться.

– Ну! Отвечайте майору на поставленный вопрос, – произнёс Панфилов.

Никита глубоко вздохнул и, не мешкая, ответил:

– Это средство дал мне человек Фадея. Он его послал ко мне, а в записке всё написал... кого и как. Есть у меня эта записка.

Следователи, прибывшие в СИЗО, выслушали доклад майора о происшедшем покушении и стали расследовать этот факт. Параллельно группа спецназовцев уже захватывала место пребывания Фадея, арестовывая его, а после первого допроса следователем Машетовым – и ещё нескольких членов группы Фадея. При допросе Фадей не стал всё брать на себя. Не задумываясь, сразу же назвал заказчика – Кузьму Ковалёва. В этот же день был задержан и он. Но при допросе категорически отрицал всё. На очной ставке Кузьма выдвинул причину, по которой Фадей его оговаривает, и заявил, что у него в ящике рабочего стола имеются материалы на Фадея, о которых он знал и предлагал

огромные деньги, но получил отказ, что и явилось причиной оговора.

Следствие пока не стало решать вопрос об аресте Кузьмы до окончания результатов проверки.

Чёрная туча над головами Ковалёвых, старшего и младшего, опустилась ещё ниже, угрожая грозой... уже вдали, приближаясь и нарастая, гремел грозный гул.

Капкан захлопнулся

Перед вылетом в Магадан Максим позвонил следователю Следственного Комитета Н.В. Панфилову и доложил, что находится в командировке в Хабаровске и чисто случайно нашёл место пребывания Твердилова, Кузнецова и Павловского, в связи с чем и вылетает в Магадан.

– Это не случайность, Максим Лазаревич. Судьба на твоей стороне, и она главенствует над судьбами этих убийц. Но это точно, что они в Магадане? – спросил следователь.

– Точнее некуда, Николай Васильевич. Я их узнал по фото в газете. Работают все трое на рыболовецком сейнере, но фамилии у них уже другие.

– В какое время вылетаешь?

– Через два часа.

– Тебя будут встречать местные работники. Они будут в твоём распоряжении до самого конца твоего пребывания в Магадане... Обеспечат всем необходимым и даже транспортом, если надо, морским или автомобильным. Я не говорю тебе пока... спасибо. Встретим с триумфом. Удачи тебе, Максим Лазаревич!

– Она мне пригодится. Спасибо!

Летел Максим над могучей тайгой, горами, сопками, над штормящим морем, и приземлился самолёт не в малом, а в большом аэропорту. Его действительно встречали два работника следственного управления области Следственного Комитета (СК) Генеральной прокуратуры России.

Прибыв в Управление, Максим доложил начальнику всю обстановку, складывающуюся вокруг разыскиваемых троих убийц, ответил на ряд вопросов и в конце попросил:

– Если у нас всё получится... Окажите мне помощь, чтобы всех троих задержанных я забрал с собой в самолёт. Там, в Москве, нас встретят бойцы спецназа. Я таким же образом отправил одну задержанную из Хабаровска. Улетела в наручниках, и её приняли прямо в самолёте.

– Главное, это их задержать, а остальные проблемы решим. Закуём в наручники и руки, и ноги. Вам будут помогать мои два следователя и наш местный спецназ. Мне уже поступил звонок из Москвы от руководства СК... Пока вы летели, мы уже кое-что предприняли, проверили по фамилиям... есть такие. Сейнер движется с грузом к берегу... шторм. Капитан получил указание пришвартоваться в городском морском порту. А теперь, Максим Лазаревич, вот взгляните... Это они? – начальник следственного управления выложил на стол три фотокарточки.

Максим глянул и с торжеством в голосе ответил:

– Они! Наконец попались... Эти искалечили всю мою жизнь... Уроды!

– Максим Лазаревич, я получил указание, и все действия будут документировать мои работники, а вы толь-

ко присутствуете. Это связано с вашей личностью по уголовному делу... вы же потерпевший. Ну что, ребята, можете потихоньку продвигаться в порт и сразу к диспетчеру, а там будете решать все вопросы, в том числе, к какому причалу должен пришвартоваться сейнер.

Поблагодарив начальника следственного управления, Максим с двумя следователями выехали в городской морской порт.

Городской морской порт Магадана

Там он уже встретился с командиром спецназа, с которым обсудили все вопросы задержания. После этого спецназ занял своё место в районе причала сейнера, а Максим и два следователя – в кабинете диспетчера, который постоянно поддерживал связь с капитаном.

Максим с замиранием сердца ожидал встречи с убийцами своей семьи. Его губы шевелились, и он мысленно благодарил Бога, что помог ему найти всех убийц. К этому времени он уже знал, что исследования экспер-

тами всех обнаруженных останков его семьи закончены, разложены по гробам и ожидают его возвращения из командировки для проведения похорон. Перед отъездом в Хабаровск Максим заказал общий памятник с высеченными фото, фамилиями, именами и отчествами всей семьи. Заказал и широкую могилу на Митинском кладбище. Во всём этом принимали активное участие Василий Григорьевич Кульнёв, Николай Петрович Гузиев и Николай Васильевич Панфилов. Жена Юля в это время занималась подготовкой к предстоящим похоронам.

Следователи контактировали с диспетчером, а Максим был в состоянии раздумий, которые были прерваны.

– Всё, выходим! – объявил один из следователей. – Сейнер причаливает.

Они все трое побежали к причалу.

Сильный ветер дул с моря, и этот маленький корабль с трудом коснулся причала. Два матроса закрепили его канатами. Диспетчер дал команду выходить всем на берег. И после этого команда с беспокойными лицами стала выходить из сейнера. Все они встали в две шеренги. Увидев спецназовцев, Твердилов, Кузнецов и Павловский побледнели, не скрывая тревоги и смущения. У каждого из них ноги стали ватными, началось головокружение, в горле пересохло.

– Может, не за нами? – тихо буркнул Твердилов Кузнецову.

– Всё может быть. Вдруг не только мы такие, – поддержал его тот.

В это время из диспетчерской с листом бумаги в руке вышел следователь и громко зачитал: Шпаковский Борис, Чиленко Пётр и Мохов Леонид! Выйти вперёд!

Названные замешкались. Первым вышел Чиленко, он же Павловский, за ним Шпаковский, он же Твердилов, и последним Мохов, он же Кузнецов. Их сразу же окружили спецназовцы. В один миг все трое были в наручниках и с поникшими головами.

Следователь подошёл к капитану, о чём-то поговорил. Капитан распорядился, чтобы другие члены команды вынесли вещи и документы задержанных.

На допросы были вызваны все задержанные только в разные кабинеты и к разным следователям.

Максим остался в кабинете следователя, который допрашивал Шпаковского.

– Ваши настоящие фамилия, имя и отчество? – спросил его следователь.

– Шпаковский Борис Иванович, – ответил тот невозмутимо, надеясь на авось.

– Твердилов Савелий Степанович – он же Ищенко Степан Петрович, он же Шпаковский Борис Иванович, – поправил его Максим.

Тот недовольно взглянул на Максима и, презрительно прищурившись, ответил:

– Не выдумывайте. Вы меня с кем-то спутали.

– Не надо, Савелий, не советую. Говорите следователю всю правду. Остап Коваль всё уже рассказал... как, когда и кого вы убивали, где хоронили и прочее. Это же рассказал и Кузьма... ваш соучастник. Скоро вы с ними встретитесь на очной ставке.

Эта осведомлённость поразила его, глаза заискрились презрением, в них промелькнул страх. Даже не задумываясь над тем, какая петля обвивается вокруг его шеи, он вдруг почувствовал безразличие ко всему происходящему. Посидев немного молча, вдруг выпалил:

– Кто такие? Я вообще понятия не имею... И не надо вешать на меня какие-то мокрухи.

Следователь тем временем документировал поставленные вопросы и ответы, не отражая в протоколе вопросы Максима.

– Что... тянешь на высшую меру наказания? Тяни. Дело твоё. Я записываю все твои ответы. Ещё раз спрашиваю: знаешь ли ты, кто такие Остап Коваль и Кузьма? – спросил его следователь.

– Не знаю... и знать не хочу.

– А что ты не Шпаковский – это правда?

– Нет, не правда. Я Шпаковский.

– А если мы установим настоящего Шпаковского Бориса Ивановича? Что тогда скажешь?

– Значит однофамилец.

– Хорошо... В каком органе вы получили паспорт на имя Шпаковского?

– В Вятке, возле Гомеля.

– Это, что в пяти километрах от речки?

– Н-ну, да.

– А как эта речка называется?

– Не помню.

– Ну, как же? Вы же там родились.

– Значит забыл.

– Это значит, что, судя по этому паспорта, там родился совершенно другой человек, а не вы. Вы неправильно назвали населённый пункт, где был выдан паспорт, и он не в пяти километрах, а на этой речке, название которой тоже не знаете. Так что вы скажете?

– А ничего. И вообще... ни на какие вопросы больше отвечать не буду.

В это время в кабинет вошёл следователь, который допрашивал Чиленко. В руках он держал исписанный протокол допроса.

– Я закончил, Леонид Миронович, – сообщил он и положил протокол на стол.

Тот взял протокол и начал читать. Дочитав до конца, взглянул на допрашиваемого им и прочитал вслух выдержки:

«Я, Павловский Жорж Григорьевич, носил фамилию Чиленко Петра Максимовича и Степаненко Станислава Егоровича... вместе с Твердиловым, Кузнецовым, Ковалем и Кузьмой Ковалёвым совершили целый ряд умышленных убийств...» – он остановился и посмотрел на допрашиваемого, а потом спросил:

– Ну, а теперь что скажете?

Прочитанное следователем прожгло его насквозь, под ногами разверзлась земля. Подумав несколько секунд, он глубоко вздохнул и выпалил:

– Ваша взяла. Пишите... Я всё расскажу.

Он действительно всё рассказал, а Максим смотрел ему в затылок, и в этот момент ему так хотелось быть и следователем, и прокурором, и судьёй одновременно.

Твердилов уже ничего не скрывал, а рассказывал даже то, что не было известно присутствующим.

Признательные показания дал и Кузнецов. Все следственные действия были закончены до вечера. Задержанных отправили в следственный изолятор, а следователи пригласили Максима на ужин. Перед ужином он позвонил Панфилову и доложил ему обо всём.

Тот обрадовался, рассыпался в похвалах, а под конец воскликнул:

– Капкан захлопнулся! Умница! Молодец! Придешь, мы тебя на руках носить будем. Множество преступлений прошлых лет ты раскрыл, Максим... Сейчас и слов таких мне сложно подобрать, которых ты заслужил. До встречи, дорогой. Перед вылетом позвони.

На следующий день, пользуясь свободным временем, так как до вылета осталось почти сутки, Максим гулял по городу. Он был попроще и, конечно же, не лучше Хабаровска, но само море было украшением.

Расположился Магадан вокруг сопки на берегу Туйской губы Охотского моря, на перешейке, соединяющем полуостров Старицкого с материком. Климат здесь суровый с коротким летом, на которое приходится период белых ночей. Город разделяет на две части река Магаданка. Крупнейшей рекой в пределах городского округа является Дукча, долина которой имеет важное сельскохозяйственное и рекреационное значение для экономики города. Исторический центр образуют ансамбли зданий, построенные в 1950-е годы по проектам ленинградских архитекторов в стиле неоклассицизма.

Побывал Максим возле скульптуры мамонта, посетил краеведческий музей и Свято-Троицкий кафедральный собор, а также мемориал скорби жертвам политических репрессий, что на сопке «Крутая», а вечером снова встречался со следователями и их начальником.

Утром в наручниках в аэропорт «Сокол» были доставлены все трое задержанных, для которых отвели специальные места, и Максиму рядом, в самых последних рядах самолёта. Перед посадкой в самолёт задержанным дали возможность под конвоем посетить туалет, чтобы не беспокоили этим в полёте. Для большей

безопасности ноги задержанных были пристёгнуты дополнительными наручниками к креплениям кресел.

Перед вылетом Максим позвонил в Москву Панфилову и доложил о вылете, номере рейса и времени прилёта. Самолет был военного назначения, а его пассажиры – только военные. Позвонил он и начальнику своему – Кульнёву, который был безмерно рад услышать его, а также жене Юле, сообщив им о возвращении.

– Как? Ты в Магадане? – удивилась она взволнованно. – Я очень жду тебя, славный мой. Очень скучаю, хочу скорее увидеть твои глазки.

– Я тоже соскучился по тебе, родненькая... сердце моё всегда с тобой рядом. До встречи! – ответил он.

В пути задержанные не надоедали, изредка только обращались с просьбой позволить им попить воды. В Москве в самолёт прибыл за ними спецконвой и доставил всех троих в следственный изолятор «Матросская тишина». Следователь Н.В. Панфилов получив доставленные Максимом следственные материалы и, прочитав их, допросил лично каждого по всем эпизодам, а также по тем, которые были совершены за пределами Москвы. Никто из них не пытался что-то скрыть. Шла подготовка к допросу Кузьмы Ковалёва и его отца, а также их задержания.

Прибывшую из Магадана тройку Басманный суд города Москвы арестовал на два месяца. Об их нахождении в следственном изоляторе Ковалёвы уже знали, но не достоверно, и их спокойная жизнь закончилась.

Паника

Необходимость проявления духовных, душевных и чисто служебных качеств в обществе, особенно в выполнении своих служебных обязанностей, генерал-майора полиции Ю.К. Ковалёва меньше всего волновали, поэтому его характер и поведение относится к числу нравственных уродов. Аналогично себе воспитал и своего сына Кузьму. Постыдный инстинкт обоих, выражающийся в жестокости, алчности и карьеристских стремлениях, с ранних пор рос и развивался в них при пособничестве отца – сыну, а сына – отцу, никогда не понуждая ни к какой реабилитации свои противозаконные и преступные действия. Они считали такую жизнь нормой, будучи уверенными любыми преступными путями уйти от ответственности, как перед действующим строгим законом, так и возможной Божьей карой. Но это всё было до определённого времени, пока следователи Следственного комитета Генеральной прокуратуры уверенно и настойчиво не стали кружить над их головами, возбуждая у них трепет. С момента этапирования Ковалёва в Москву, Ковалёвы потеряли покой. Пережи-

вания усилились, когда покушение на жизнь Ковалёва оказалось неудачным, а ещё сильнее, когда попытка убить его в больничной палате опять не получилась, и Остапа, шедшего на поправку, перевели под присмотр врачей следственного изолятора. Руководство этого учреждения обеспечило такой режим, что муха не могла пролететь ни в здание, ни в камеры содержащихся. Герметичность выхода информации из СИЗО и обратно не нарушалась. Однако один из бойцов спецназа, во время застолья, похвастался с преукрашкой о захвате в чреве самолёта троих бандитов, которые совершили убийство начальника ещё советской милиции и членов его семьи. Эта информация, передающаяся из уст в уста, коснулась и ушей генерала Ковалёва. Тот, услышав это, как ужаленный заметался от страха. Началась неопишуемая паника. Попытка узнать об этом больше положительных результатов не дала.

– Что делать, сынок? Ума не приложу, – с дрожью в голосе и, грызя ногти, произнёс он при очередной встрече с Кузьмой. – Может быть, у тебя найдётся ход в СИЗО? Надо бы узнать, действительно ли это так... неужели твои кореша здесь?

– Я думаю, что да. Меня же допрашивали по делу Фадея и как бы между прочим задали вопрос... знаком ли я с Твердиловым и его дружками. А это, я думаю, не зря.

– Но сидеть сложа руки в мучительном ожидании, пока не придут к нам эти комитетчики, тоже нельзя. Надо что-то делать. А вот что? А вот, когда эти твердилы ещё здесь, в Москве, были... ты им говорил обо мне?

– Конечно, говорил. Я же тебе постоянно докладывал, ты же прекрасно помнишь, что сам тогда требовал: «Вот скажи этим, пусть срочно уезжают, не то...»

– Убей, не помню.

– Другого ответа от тебя и не ожидал... Уверен, что это ты помнишь, потому, как даже заставил их проводить, когда уезжали по железной дороге.

– Стало быть... если они будут идти в признанку, то могут и меня назвать?

– Если так, тогда да. Вот и думай, что ответить.

– А чего тут думать? От тебя всё зависит. Я же с ними не общался. Поэтому и скажу, что впервые слышу... а ты, сынок, если так случится, что придётся во всём сознаваться... скажи, что просто сам придумал всё это обо мне, мол, отец ничего не знал, а ты, мол, ссылался на меня, чтобы поднять и усилить свой авторитет перед этим ворьём.

– А-а! Вон оно как? Меня засадить за решётку, а самому в кусты? Ну, спасибо тебе, отец! Очень ты добрый, ничего не скажешь.

– Это я на всякий случай тебе сказал. Ты ещё молодой... Выйдешь на свободу, ещё будешь жить, а я... старик. Там и сдохну. Не-е... я в тюрьму не сяду. Лучше застрелюсь.

Они замолкли. Каждый думал о своём, позабыв о возможном тайном прослушивании Следственным Комитетом. Бессонные ночи, накопившаяся усталость генерала уже начала давать о себе знать. Он почувствовал тяжесть в груди и головокружение. Подняв глаза на сына, с лаской посмотрел на него, а потом тихим траурным голосом произнёс:

– Кузьма... всё, что я тебе говорил, и всё, что делал, – это было направлено только в твою защиту... Я старался тебя оторвать от этой банды, но не получилось... Теперь я вижу свою подлую ошибку. Надо было по-другому...

Попросить ребят, чтобы отправили эту банду в мир иной, и на этом всё бы закончилось. Ныне... эта банда нас с тобой судить будет... Имей ввиду, сынок... я завтра же сделаю завещание всего, что имею, на тебя. Оно будет лежать и дома, и в нотариальной конторе... Если случится с нами худшее... выйдешь на волю... сразу иди к нотариусу... – после этих слов замолчал, на глазах появились слёзы.

Увидев состояние отца, Кузьма изменил тон:

– Пап, успокойся, ничего же пока не произошло! А уж если до этого дойдёт, скажу, что ты не при чём. Успокойся.

Сказав это, сразу же почувствовал в душе опустошённость и подумал: «Если так случится, что он застрелится, то я свалю всё на него, мол, выполнял все его приказания. Всё-таки дадут меньше по приговору». Свою непреклонную напористость он всегда направлял к своим желаниям, несмотря на сложность их достижения и способы действий. В последнее время он стал чаще употреблять спиртные напитки, и это даже заметили его родители. Мать неоднократно беседовала с ним на эту тему. Он давал обещания не прекратит, но сократить употребление, а поступал, конечно, по-своему. Из окружающего мира Кузьма не мог извлечь ничего хорошего и поучительного, а точнее, даже не пытался и не хотел. Его жизнь проходила бесполезно. Поправить её он не желал, вдобавок чувствовал себя жестоко наказанным за совершённое тяжкое зло. Осталось в нём лишь мальчишеское ухарство, которое он иногда пытался использовать для своего развлечения, да и то когда видел своё преимущество перед окружающими. Лжемораль поглотила его разум, к осмыслению жизни он не стремился.

Ковалёв-старший, услышав сказанное Кузьмой, весь как-то скукожился и сник. Как и сын, он размышлял, бросая на него холодные взгляды. В его памяти вдруг вспыхнуло выступление Министра Внутренних дел Российской Федерации, генерала полиции Владимира Александровича Колокольцева, на одном из совещаний: «...Не надо забывать прошлое, чтобы жить в настоящем, украшая будущее...» Ковалёв в тот момент был солидарен с Министром, а сейчас эти правильные слова в его голове исказились в другом направлении: «Конечно, как забыть прошлое, если мы с сыном, а вернее, он со своими корешами, натворили такое, которое не забудешь. Хотя и я, придурок, как мог участвовал в этом? А вот сейчас как мне жить так, чтобы украшать будущее: ведь я его уже испоганил! А ещё если, не дай-то Бог, предстану перед судом? Вдвойне-тройне! Застрелюсь! Но оставлю записку, что кончаю жизнь из-за позорящих действий Кузьмы», – пришёл к решению Ковалёв. Встретившись со взглядом сына, заявил:

– Спасибо, сынок! Я тебе безмерно благодарен. Очень жаль, что мы с тобой сами себе устроили такую позорную жизнь, за которую придётся ответить... и перед законом, и перед Богом. Прости меня, не должен я был так поступать. Я очень виноват... в смертях Кизелских, да и других тоже... и в покушениях. Не прощу себя.

– Пап! Ты чего? Совесть проснулась?!

– Дай Бог, чтобы она у тебя совсем не заснула.

В это время зазвонил телефон внутренней связи. Ковалёв поднял трубку. Секретарь доложила, что в приёмной находится полковник Кульнёв, попросивший приёма. Он прикрыл трубку рукой и, глядя на Кузьму, шёпотом произнёс:

– Друг Кизелского пришёл, – и уже в трубку спросил: – Вопрос какой у него?

Спустя несколько секунд секретарь ответила:

– Кадровый.

– Я приглашу.

Положив трубку, он задумчиво промолвил:

– Странно... Кого и куда?

Как звери в своём стаде при появлении чужого, даже такого, как сами, считая его совершенно чужим, оцетинились и готовы в клочья разорвать, так и у обоих Ковалёвых из глубин души всплывали озлобление, ожесточение. Затаённая вражда брала своё.

– Небось, на моё место метит, – со злостью произнёс генерал-майор.

– Как ты на место Кизелского, а потом и выше, – кольнул его Кузьма.

– Знаешь что? У тебя далеко не сыновьи ко мне чувства...

– Ну, пап... я же шутя.

– Шутя... Любишь шутить со мной!

– Ладно, пап... Пойду я. Если что – звони.

После его ухода был приглашён Кульнёв. Ковалёв принял его холодно. На его слова: «Здравия желаю...» – он даже не ответил и недоброжелательно спросил:

– Что ещё за кадровый вопрос? В отношении кого?

– В отношении Максима Лазаревича, – ответил Кульнёв. Он хотел было произнести фамилию, но умышленно назвал имя и отчество.

С дерзостью у Ковалёва вырвалось:

– У нас вакансий нет... А его куда? И кто это инициирует?

– Начальник ГУВД стремится забрать его к себе, а тут ещё вопрос очень серьёзный возник. Его настойчиво зовут в Следственный Комитет прокуратуры России... Бастрыкин им заинтересовался. Вот я и хочу с вами согласовать...

– А со мной чего согласовывать... Хотят, – пусть берут. Разве я могу противиться тому и другому?

– Моё дело доложить, а решать вам... Разрешите идти? – спросил Кульнёв, поняв, что разговора не получится.

– Свободен.

Кульнёв ушёл, а Ковалёв задумался. Всё-таки он сам отец, и немного встревожило, что он так дерзко поступил с сыном убитого полковника, выразив своё безразличие. Вскочив с кресла и выбежав в приёмную, чтобы вернуть Кульнёва и переиграть этот разговор, но того уже там не было.

Арест генерала

Следователь Н.В. Панфилов после допросов Твердилова, Кузнецова и Павловского выезжавший с каждым на места совершённых убийств и покушений широкомасштабно спланировал свою работу и деятельность следственной группы в целом. Видя активную поддержку начальника ГУВД города Москвы, решил побеседовать с ним по поводу задержания генерал-майора полиции Ковалёва. Позвонив ему, и пока не оглашая цель визита, он прибыл в ГУВД. Начальник принял его, любезно выслушал, прочитал три допроса задержанных в Магадане и прослушал юридически оформленную запись прослушки в кабинете Ковалёва разговоров со своим сыном Кузьмой, об их тайных планах.

– Я раньше немного сомневался в правдоподобности причастности Ковалёва к этой преступной группе, но сейчас все мои сомнения исчезли... настоящий оборотень. Опозорил всех нас... И по советскому периоду, и по настоящему. Когда вы его задерживать собираетесь? – спросил начальник ГУВД.

– Сегодня. Следователь с группой спецназовцев уже в Рязани и ожидают моего сигнала. Начнут действовать после задержания генерала Ковалёва. У меня к вам просьба... – и Н.В. Панфилов ожидал поддержки. – Если мы будем его задерживать, будь то квартира или его кабинет, он может привести в исполнение то, что наметил, а именно самоубийство. Было бы хорошо, если бы вы пригласили его к себе... К примеру, по вопросу кадровой перестановки Максима Кизелского... Он прибудет без оружия и тут будет задержан.

– Николай Васильевич, именно это после прослушки магнитной записи я и хотел вам предложить. Есть тема, и она этому способствует. Звоню?

– Звоните, Григорий Петрович.

Тот поднял трубку и позвонил Ковалёву. Тот сразу же ответил.

– Полковник Кульнёв был у вас по кадровому вопросу майора Кизелского? – спросил начальник.

– Так точно! – громко и по-военному ответил Ковалёв.

– Почему же так бездеятельно вы отнеслись к этому вопросу?

– Виноват, товарищ генерал-лейтенант. Я уже...

– Не надо, – перебил его начальник. – Приезжайте ко мне. Сейчас. Здесь решим все вопросы.

– Есть! Выезжаю.

Начальник, положив трубку, глянул на Панфилова и предложил:

– Можете звонить в Рязань.

– Ковалёв войдёт в ваш кабинет, и тогда я позвоню... Это чтобы исключить контакт между отцом и сыном.

– И то верно... Не в курсе, как решается вопрос с Максимом Кизелским? Берёте или же остаётся у нас?

– Мы с удовольствием взяли бы его, но пусть сам решит – идти по тропе отца или начать новую... для себя и своих будущих детей. Я слышал, что он с Юлей ждут пополнения в семье, скоро родится новый человек...

– Я тоже такого же мнения. Останется – будем рады, а пойдёт к вам – пожелаем удачи.

– Да-а, мне надо позвонить, – спохватился Панфилов.

Он сделал звонок группе спецназовцев, которые в автомобиле ожидали команду для задержания Ковалёва. Он велел смотреть за его въездом на территорию и входом в здание, после чего они должны находиться в приёмной начальника ГУВД.

– Больно за его супругу... Хорошая, порядочная женщина... обидно до слёз за весь наш коллектив, – сказал начальник, поднявшись с кресла и пройдясь по кабинету.

В это время дверь открылась, и в кабинет вошла секретарь, на ходу поправляя курчавые волосы, доложила:

– Григорий Петрович, прибыл генерал Ковалёв.

– Пусть заходит.

Она вышла и тут же вошёл Ковалёв, одетый не в генеральскую форму, а в цивильный синий костюм, белую рубашку с красным галстуком. Бросив взгляд на сидящего за приставным столиком Н.В. Панфилова, он как-то растерянно произнёс:

– Здравия желаю, товарищ генерал-лейтенант.

Тот, не отвечая на приветствие, подошёл к нему и, остановившись в двух шагах, произнёс:

– Молодец, что не надел генеральскую форму. Мне теперь не надо срывать с твоих плеч незаслуженные тобой опозоренные погоны.

Ковалёв пошатнулся, сглотнул набежавшую слюну, заметно побледнел, губы задрожали, весь вид его сделался жалким.

Панфилов тут же включил телефон и промолвил совсем короткое:

– Да.

В кабинет вошли два спецназовца и встали за спиной Ковалёва.

Тот, обернувшись, увидел их, дрожащим, сбившимся голосом выдавил из себя:

– Не ожидал я такого... Хотел совершенно по-другому, чтобы уменьшить следственную возню со мной и избежать позор.

Панфилов снова позвонил и коротко промолвил:

– Можно.

Это был звонок в Рязань по вопросу задержания Кузьмы. Положив телефон в карман, он обратился к Ковалёву:

– Мы с вами поговорим у нас в Следственном Комитете... Я следователь по особо важным делам Панфилов. Вы задержаны за соучастие в убийстве полковника Кизелского, его семьи и в ряде других преступлений. Сейчас будете подвергнуты досмотру, – и он кивнул спецназовцам, которые тут же начали исполнять приказ, выкладывая служебное удостоверение на стол начальника. Кошелёк с деньгами и прочую мелочь они оставили на время при нём.

Начальник ГУВД подошёл к Ковалёву ещё ближе и строго спросил:

– Ты мне сейчас скажи, только не ври, виновен в том, что сказал следователь? В тех перечисленных им фактах?

Ковалёв опустил голову, постоял, на глаза навернулись слёзы и, он, не поднимая головы, произнёс:

– Виновен... Разрешите мне уединиться и дайте пиштолет с одним патроном. Прошу вас.

– Не дури. Ты хочешь и нас поставить рядом с собой? Если ты командовал поставщиками смерти, то нас не надо склонять с пособничеству твоего самоубийства. Имей смелость отвечать перед законом, а точнее, по закону и перед судом. Всё, уводите его... Видеть не хочу!

Спецназовцы защёлкнули на его руках наручники и увели из кабинета.

Н.В. Панфилов поблагодарил начальника ГУВД и ушёл следом за спецназовцами. По прибытии в Следственный Комитет Ковалёв был допрошен. Ничего не скрывал, отвечал на все вопросы спокойно и уверенно, понимая, что его воздушный «замок» рухнул, а сам он до этого времени находился в состоянии настоящего раба собственных мыслей. То, что он мечтал сделать, обговаривая с Кузьмой, и то, что тот обещал, оказалось основанным на безнадёжном расчёте. В ходе допроса он назвал прошлую свою жизнь безумством и теперь сидит перед следователем в состоянии израненной птицы, ощущая пристыженность и подавленность.

К концу его допроса из Рязани был доставлен Кузьма. Он возмущался своим задержанием и, как ошестившаяся собака, защищал, как себя, так и отца. Не боялся и очных ставок с Твердиловым, Кузнецовым и Павловским. Наоборот, настаивал на их необходимости, считая, что у него имеется запас слов и доказательств в свою защиту.

К этому времени Коваль уже чувствовал себя намного лучше и по своей же инициативе сменил отказные показания на прежние.

Когда же от следователя Кузьма узнал, что отец тоже задержан, и о сотрудничестве отца со следствием, – не поверил и попросил очную ставку с ним. Просьба его была удовлетворена, и очная ставка состоялась. От отца он услышал то, чего не желал, впал в оцепенение, а после тут же судорожные рыдания вырвались из его груди. Он понял, что теперь судьба всё решила за него, и что дальнейшая его жизнь пройдёт за решёткой, то с головой бросился в омут, которым считал сознанию на следствии.

При производстве обыска на квартире Ковалёвых были обнаружены драгоценности и крупная сумма денег, хранящиеся в сейфе в книжном шкафу, где хранились и миллионы инвестора Сулова.

Все задержанные были арестованы судом и содержались в разных следственных изоляторах.

Максим и Юля похоронили останки родителей Максима и установили ранее заказанную надгробную плиту. На похоронах присутствовали: весь отдел полиции, руководимый Кульнёвым, а ранее полковником Л.А. Кизелским, руководство и работники УВД округа, представители ГУВД города Москвы и Следственного Комитета Генеральной Прокуратуры России. Здесь же встретились и П.И. Кириллин с Мишей-художником, который нарисовал его портрет, а также со следователями – М.П. Машетовым, В.И. Волковым, С.В. Лапиным, И.В. Кравченко и тогдашними операми: И.Ф. Штефаном, И.С. Симоновым.

Максим всех поблагодарил за усиленную работу по успешной документации всех расследуемых эпизодов огромного объединённого уголовного дела.

После похорон Максим и Юля взяли отпуска и уехали на отдых в Забайкалье к родителям Юли, а по возвра-

щению в Москву она родила девочку, которую назвали Дашей. К этому времени в «Литературной газете» появилась статья журналиста С.П. Москалёва под заголовком «Законная месть сироты». На двух газетных полосах с последующими двумя продолжениями он рассказал все эпизоды, и почти во всех главную роль в раскрытии ряда тяжких преступлений сыграл Максим Кизелский – сын полковника милиции Лазаря Анисимовича Кизелского. Не забыл он отметить и работу ряда оперуполномоченных уголовного розыска, а также качественное расследование объединённого уголовного дела Следственным Комитетом Генеральной Прокуратуры Российской Федерации.

Уголовное дело, возбуждённое по факту покушения на убийство Ковалёва, в отношении Фадея и других, расследовалось отдельно, чтобы не тормозить расследование основного уголовного дела. Непричастность к совершению этого преступления следователями была установлена в отношении троих состоявших в группе Фадея – Митяева (кличка Митяй), Гущина (кличка Гуща) и Рябоконева (кличка Рябой). После ареста основной группы и её лидера Фадея они жили в затаённом спокойствии, а когда в их руки попала упомянутая газета, прочитав статью «Законная месть сироты», они взбесились не на шутку. Рябой, самоопределивший себя лидером, будучи пьяным, начал громко возмущаться, и его недовольство направлялось только в отношении сироты – Максима.

– Надо нам его грохнуть! А чё? Отомстим за Фадея и остальную братву, – решительно заявил он.

– Я за! – поддержал его Митяй. – Отправим его к своему бате... менту... А то... ишь как геройствует... в этой газетной мазне!

Поддержал их и третий. Они не считали унижительным своё воровское ремесло, и, будучи во хмелю, их не пугал закон, а за рюмкой всегда с гордым упоением вспоминали о своих прошлых противозаконных действиях. Вспомнили и в этот раз.

– Можем тем же методом, за что мы «парились» у «хозяина» последний раз, – предложил Гуца.

– Сначала «попасём»... посмотрим что и как, а потом решим, – начальственным тоном произнёс Рябой.

С этого они и начали, встречая Максима возле дома и провожая туда, куда выезжал он на своём авто и обратно. И каждый раз они угоняли чью-нибудь машину, чтобы «сопровождать» его, старались это делать только с «Жигулями», которые были самые доступные.

У Максима в это время решался вопрос о его кадровом росте, поэтому ему приходилось ездить то в ГУВД города Москвы, то в Следственный Комитет Генеральной прокуратуры России. В одну из таких поездок, когда он, уклоняясь от дорожных «пробок», решил объехать затор через переулки, путь его автомобилю преградили зелёные «Жигули». Он посигналил раз, потом ещё раз, но водитель дорогу не освобождал и сидел, уткнувшись в «баранку».

Максим вышел из салона, осмотрелся и подошёл к «Жигулям» со стороны водителя. Постучав в стекло пальцем и, видя, что водитель не реагирует, протянул руку, чтобы открыть дверь, считая, что с ним что-то произошло. Но в этот момент дверь водителя резко открылась с такой силой, что ударила его в лицо, в живот и по ногам. Вскрикнув от нестерпимой боли, Максим упал навзничь и головой ударился об асфальт. Ему казалось, что он летит в какую-то бездну. И тут ощутил удары по

нему ногами. Поняв, что всё происходящее не случайность, собрал все силы и, не обращая внимание на боль, поднял к животу ноги и резко выбросил в сторону. Удар пришёлся по ногам одного из нападавших. Тот вскрикнул и упал, ударившись об корпус «Жигулей». Максим вскочил на ноги и ударил ногой тому в спину. Резким разворотом вправо он нанёс ребром ладони удар второму в область горла, а кинувшемуся с ножом к нему третьему – удар в живот, отчего тот тоже распластался на проезжей части. Каждому поднимающемуся он добавлял ударами рук и ног, а сам, чувствуя, как прилипает к спине его рубашка, как кровавый ручеёк стекает вниз, Максим достал из своего автомобиля две пары наручников и застегнул одному на руке, а второму на ноге, и к ним пристегнул третьего – к одному за ногу, а к другому за руку. Получилось, что двумя парами наручников он сковал всех троих нападавших. После этого по телефону вызвал полицию и «скорую помощь». Почувствовав тошноту и головокружение, Максим сел в «Жигули» и понял, что теряет сознание. В этот момент прибыл автомобиль полиции. Он вынул своё служебное удостоверение, только протянул подошедшему лейтенанту, как голова его тут же упала на грудь, рука медленно опустилась. Офицер подхватил удостоверение, глянул... и стал поднимать его голову. Подъехала «скорая помощь», и врачи начали заниматься Максимом, подняли его на руки и понесли в свой автомобиль.

Один из врачей продолжал суетиться возле Максима, оказывая медпомощь, а второй, подойдя к лейтенанту, сообщил:

– У него ножевое ранение в спину. Мы срочно уезжаем в 67-ю больницу.

Лейтенант кивнул, а потом позвонил дежурному РОВД и вызвал оперативно-следственную группу. Та не заставила себя долго ждать. Прибыв на место, зафиксировала всю обстановку: расположение автомобилей, места обнаружения трёх ножей, один из которых был окровавлен, следы крови на асфальте и прочее необходимое при расследовании.

Нападавшие были доставлены в РОВД. Сводка о происшествии сразу же полетела по проводам в дежурные части УВД Административного округа и ГУВД города Москвы. Из-за известной фамилии потерпевшего она не обошла и Следственный Комитет при Генеральной Прокуратуре РФ. Сообщение пришло и к полковнику Кульнёву. Тот самый первый прибыл в больницу, чтобы лично узнать о состоянии здоровья Максима. В это время ему проводилась хирургическая операция, и Кульнёв в ожидании результата присел на кушетку в коридоре. К нему, вся в слезах, присоединилась и супруга Максима – Юля.

– Юля, прекрати! – приказным тоном потребовал Кульнёв, а потом спокойно, располагаяще добавил: – Не плачь, голубушка. Твой настрой передаётся и ему.. Близкие люди всегда чувствуют друг друга. Сердце подсказывает, что всё будет хорошо.

– Эти сволочи никак не успокоятся. Всю семью порешили, а теперь взялись за него. Они хоть задержаны? – спросила она, вытирая платочком слёзы.

В этот промежуток – с момента получения известия о происшедшем с Максимом и до встречи с полковником Кульнёвым – перед её глазами явственно пронеслось всё то время, когда была рядом с любимым мужем, когда ощущала его тепло и любовь. Сейчас в её груди

всё горело огнём. Сердце бешено колотилось, и она то и дело прикладывала руку к области сердца, словно хотела сдержать его, успокоить.

Это заметил Кульнёв:

– Юлечка, надо взять себя в руки, будем надеяться на лучшее, тебе надо представлять, как увидишь его, обнимешь, настраивайся только на хорошее... успокойся, пожалуйста... я очень тебя прошу, – а потом, глянув на дежурную медсестру, сидевшую в коридоре на посту, быстро подошёл к ней и попросил успокоительное. Возвратившись со стаканом воды, в котором был накапан валокордин, протянул его Юле: – Выпей, это сейчас тебе необходимо... успокоит.

Дрожащей рукой она послушно взяла стакан и выпила.

В это время дверь операционной открылась, и вышла женщина-врач, снимая с лица марлевую маску. Оба вскочили и кинулись к ней. Кульнёв опередил Юлю своим долгожданным вопросом:

– Доктор... родненькая, скажите, как он?

– А вы кто ему будете? – спросила та, в её глазах и голосе слышались весёлые нотки.

– Я его начальник, а это... – и он указал кивком на Юлю, – его супруга.

– Не волнуйтесь, – ответила врач, глядя в наполнившиеся слезами глаза Юли: – Всё хорошо. Много крови он потерял, но всё обошлось благополучно.

– А как бы...

– В течение трёх дней даже не рассчитывайте, – не дослушав, перебила она Кульнёва, понимая, о чём тот хотел спросить. – Он будет в реанимации... А вы спокойно и с надеждой на хорошее возвращайтесь к своим

делаю... и приходите через три дня. Вот моя визитка, – и она протянула её Юле. – Можете позвонить, когда захочется узнать о состоянии мужа.

– Спасибо вам, доктор, – ответила дрожащим голосом Юля, по щекам неудержимо полились слёзы.

Возвратившись домой, она никак не могла успокоиться. Зашла в свою спальню, упала на кровать, обхватив руками своё сотрясаемое рыданием тело.

Такое состояние дочки волновало и тревожило маму Юли, приехавшую из Забайкалья для помощи в воспитании внучки Дашеньки. Зайдя в комнату, по-матерински она стала успокаивать дочь. Всегда поддержка родных людей придаёт силы, так важно в трудную минуту словами поднять дух расстроенного человека, настроить на позитив, пройти сквозь все испытания, и жизнь добрым людям непременно подарит свою яркость.

Кульнёв, прибыв на рабочее место, сразу же доложил руководству УВД округа, где обязанность начальника временно исполнял заместитель, а потом ГУВД города Москвы, о нападении на Максима Кизелского и о его нахождении в 67-й больнице.

К этому времени Кульнёв уже прошёл все собеседования в вышестоящем руководстве о назначении его на должность начальника УВД округа, где был арестован Ковалёв Ю.К. Решался вопрос и о Правительственном награждении Максима и назначении его на должность либо помощника начальника ГУВД города Москвы по особым поручениям, либо помощника по особым поручениям руководителя Следственного Комитета при Генеральной прокуратуре Российской Федерации. Эти вопросы, кроме Правительственной награды, были отложены до его выздоровления.

Через три дня Максима посетили Юля и В.П. Кульнёв, а после них и Н.В. Панфилов, Н.П. Гузиев, И.С. Симонов, И.Ф. Штефан, П.И. Кирилин, М.П. Машетов, а также ряд его сослуживцев.

После выписки из больницы Максиму было рекомендовано реабилитационное санаторное лечение, и он его прошёл в живописном местечке санатория «Барвиха», Одинцовского района, Московской области.

Поселившись в двухместном гостевом домике вместе с супругой, он был немало порадован заботливым отношением персонала, а прекрасная природа вокруг настраивала на чудесное настроение, на будущее только с оттенками счастья, где царит любовь, укутывает своим покрывалом от всех неприятностей и невзгод судьбы.

Глядя на Юлю, Максим любовался каждым её движением, очарован был увлекательными разговорами супруги, её лаской и заботой. Оставшись наедине, когда она была на процедурах, Максим погружался в воспоминания, касающиеся отца, матери, двух сестёр и тёти. Перед глазами всплывали дни детства, а после смерти родителей – жизнь в детском доме, встреча с портретом отца в ГУВД города, учёба в школе, а потом и в институте, первые шаги оперативной работы, посещение Донеца и знакомство с офицером Михаилом Толстых с позывным «Гиви», похищением Коваля и задержания Твердилова и его соучастников. В его ушах звенели признательные показания в совершении целого ряда убийств... и он сначала жалел, что в нашей стране высшая мера – расстрел – заменена пожизненным наказанием, но, поразмыслив, согласился, сам себя успокаивая тем, что если бы этим убийцам суд определил наказание расстрел и ничто иное, то их муки закончились бы мгновенно.

венно, а так они эти страдания будут переносить столько, сколько проживут – пожизненно. «Они оставили меня круглым сиротой и причинили много горя другим, за все мои страдания Бог помог мне найти их, поставить их перед следствием и судом и этим отомстить за себя и других граждан, лишённых родных и близких», – по закону бумеранга и по закону своей страны добро побеждало, побеждает и будет побеждать, как бы нас не ставила жизнь в сложные, порой тягостные обстоятельства, надежда, вера и любовь – победят и выведут на счастливый путь.

*г. Москва
2019 г.*

Содержание

След рода Кизелских.....	3
Война.....	21
Неудачный отпуск.....	52
Убийства и покушение.....	72
Серия убийств и покушений.....	91
Максим в детском доме.....	114
Поставщик смерти.....	128
Встреча, вызвавшая слёзы.....	146
Первое Божие наказание.....	164
Опознание соучастника убийств.....	172
Мокрушники на востоке Украины.....	184
В тайном отпуске в ДНР.....	202
Похищение убийцы.....	221
Очередное покушение.....	238
Третье «рождение».....	251
Воскресение отца.....	261
Ненапрасные волнения Ковалёва.....	271
Прицельный выстрел.....	279
Минские договорённости.....	290
Подстрекатель.....	308
Счастливая газета.....	323
Туча над головами Ковалёвых.....	346
Капкан захлопнулся.....	363
Паника.....	372
Арест генерала.....	379

Литературно-художественное издание

Для заметок

Шепель Александр Дмитриевич

МЕСТЬ ПО ЗАКОНУ

Компьютерный набор: Л.Г. Харитонова

Редактор-корректор: Л.А. Крамаренко

Дизайн обложки:

Компьютерная вёрстка: П.А. Адамова

Подписано в печать

Формат 84×108/32. Гарнитура «Peterburg»

Бумага офсетная. Печать офсетная.

Усл. печ. л. 3,5. Тираж 300 экз. Заказ №

ИПО «У Никитских ворот»

121069, г. Москва, ул. Большая Никитская, д. 50а/5, стр.1.

Тел. (495) 690-67-19

www.uniki.ru

Для заметок